

ISSN 2072-8379
ISSN (online) 2310-712X

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

Лингвистика

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ
В ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ У. ЧЕРЧИЛЛЯ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ФРАНЦУЗСКИХ
ГРАММАТИСТОВ В ЕВРОПЕЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ
XVII-XVIII ВВ.

УЧЕБНЫЙ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
КАК ЯЗЫКОВОЙ ФОРМАТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ

2021 / № 5

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8379 (print)

2021 / № 5

ISSN 2310-712X (online)

серия

ЛИНГВИСТИКА

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 10.02.04 – Германские языки; 10.02.05 – Романские языки; 10.02.19 – Теория языка; 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 10.02.04 – Germanic languages; 10.02.05 – Romanic languages; 10.02.19 – Theory of the language; 10.02.20 – Comparative-historical typological and contrastive linguistics.

ISSN 2072-8379 (print)

2021 / № 5

ISSN 2310-712X (online)

series

LINGUISTICS

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика»:
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 6 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ощепкова В. В. — д. филол. н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Жирова И. Г. — д. филол. н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Максименко О. И. — д. филол. н., проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Гринев-Гриневиц С. В. — д. филол. н., проф., Университет в Белостоке (Республика Польша)

Епифанцева Н. Г. — д. филол. н., проф., МГОУ

Карпова О. М. — д. филол. н., проф., Ивановский государственный университет

Коста Петер — доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия)

Латышев Л. К. — д. филол. н., проф., МГОУ

Левченко М. Н. — д. филол. н., проф., МГОУ

Маслова В. А. — д. филол. н., проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь)

Николаева О. В. — д. филол. н., доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Носович Я.-Ф. М. — д. филол. н., проф., Лингвистическая высшая школа в Варшаве (Республика Польша)

Пан Кё Ён — д. филол. н., проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея)

Пешкова Н. П. — д. филол. н., проф., Башкирский государственный университет

Прошина З. Г. — д. филол. н., проф., МГУ им. М. В. Ломоносова

Сесил Л. Нельсон — доктор лингвистики, Университет штата Индиана (г. Терре-Хот, США)

Скуратов И. В. — д. филол. н., доц., МГОУ

Стернин И. А. — д. филол. н., проф., Воронежский государственный университет

Туголукова Г. И. — к. филол. н., проф., МГОУ

Филиппова И. Н. — д. филол. н., доц., МГОУ

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

**Индекс серии «Лингвистика»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40713**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2021. — № 5. — 126 с.

© МГОУ, 2021.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic»:
Moscow Region State University

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

V.V. Oshchepkova – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

I.G. Zhirova – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

O.I. Maksimenko – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

N.G. Yepifantseva – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU;

S.V. Grinev-Grinevich – Doctor in Philological Sciences, Professor, Bialystok University (Poland);

O.M. Karpova – PhD in Philological Sciences, Professor, Ivanovo State University;

Kosta Peter – Professor Dr. phil. Habil, University of Potsdam (Germany)

L.K. Latyshev – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU;

M.N. Levchenko – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU;

V.A. Maslova – PhD in Philological Sciences, Professor, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O.V. Nikolaeva – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok);

J.F. Nosowicz – PhD in Philological Sciences, Professor, Warsaw School of Applied Linguistics (Poland);

Pang Gyo-Youn – Doctor in Philological Sciences, Professor, Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N.P. Peshkova – Doctor in Philological Sciences, Professor, Bashkir State University;

Z.G. Proshina – Doctor in Philological Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University;

Cecil L. Nelson – Ph.D., Indiana State University (Terre Haute, Indiana, USA);

I.V. Skuratov – Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, MRSU;

J.A. Sternin – Doctor in Philological Sciences, Professor, Voronezh State University;

G.I. Tugolukova – PhD in Philological Sciences, Professor, MRSU;

I.N. Filippova – Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, MRSU

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The series «Linguistics» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-73342.

Index of the series «Linguistics» according to the Union catalog «Press of Russia» 40713

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Bulletin of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics. – 2021. – № 5. – 126 p.

© MRSU, 2021.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2021.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

- Хмельницкая К. Ю.** Создание когнитивной карты отраслевого гиперфрейма (на примере гиперфрейма «логистика») 6

германские языки

- Давыдова М. А.** Концептуальный анализ когнитивной метафоры в языковой личности У. Черчилля 15
- Старостина Ю. С.** Репрезентация британской и американской лингвоаксиосферы в драматургическом дискурсе XX века 24

романские языки

- Зубкова М. Н., Дроздова Ю. А.** Функционирование общевпросительных предложений с прямым порядком слов во французском языке (на материале художественных текстов XI–XVII веков) 36
- Сенченкова М. В.** Лингвистические идеи французских грамматистов в европейском языкознании XVII–XVIII вв. 46

сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

- Беляева И. Ф., Хухуну Г. Т., Осипова А. А.** Политкорректность в межязыковой передаче сакрального текста: путь в будущее или нарушение принципов перевода? 56
- Голубкова О. Н.** Теоретические и практические вопросы перевода в работах М. В. Ломоносова ... 68
- Гусева А. Е., Мальцева Л. Г.** Учебный лексико-фразеологический словарь как языковой формат представления знаний 75
- Рокотянская М. М.** Лексико-грамматические средства отражения национального вопроса в англоязычной прессе 85
- Стекольников И. В.** «Очерк науки о языке» Н. В. Крушевского в свете натуралистической концепции языка 96
- Хоссейни А. А., Хакрах Кахнамуи Т.** Способы выражения категории инференциальности, имеющей значение необходимости, в русских и персидских вопросительных предложениях 105
- Ши Пэй, Ху Гумин.** Исследование китайского перевода романа «Анна Каренина» с точки зрения адаптации культурного контекста 115

CONTENTS

THEORY OF LANGUAGE

- K. Khmel'nitskaya.** The Creation of Domain Hyperframe Cognitive Map on the Basis of Logistics Hyperframe 6

GERMAN LANGUAGES

- M. Davydova.** The Conceptual Analysis of the Cognitive Metaphor in W. S. Churchill's Linguistic Personality 15
- J. Starostina.** Representation of British and American Linguo-Axiosphere in Drama Discourse of the 20th Century 24

ROMAN LANGUAGES

- M. Zubkova, Yu. Drozdova.** Functions of General Questions with Direct Word Order in French (Based on Literary Texts of the 11th–17th Centuries) 36
- M. Senchenkova.** Linguistic Ideas of French Grammarians in European Linguistics of the XVII–XVIII Centuries 46

COMPARATIVE, HISTORICAL AND TYPOLOGICAL LINGUISTICS

- I. Belyaeva, G. Khukhuni, A. Osipova.** Political Correctness In Interlingual Transmission of the Religious Text: The Road to The Future, or the Violation of Translation Principles? 56
- O. Golubkova.** Theoretical and Practical Issues of Translation in the Works of M. V. Lomonosov 68
- A. Guseva, L. Maltseva.** Learner's Lexico-Phraseological Thesaurus as a Lingual Pattern of the Knowledge Representation 75
- M. Rokotianskaya.** Lexical and Grammatical Means of Ethnic Issue Coverage in British and American Press 85
- I. Stekolshchikova.** "An Outline of Linguistic Science" in the Aspect of Naturalistic Conception of Language 96
- A. Hosseini, T. Khakrah Kahnamousi.** Means of Expression the Category of Inferentiality Denoting the Meaning of Necessity in Russian and Persian Interrogative Sentences 105
- Shi Pei, Hu Guming.** A Study on the Chinese Translation of "Anna Karenina" from the Perspective of Cultural Context Adaptation 115

УДК 81'276.6

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-6-14

СОЗДАНИЕ КОГНИТИВНОЙ КАРТЫ ОТРАСЛЕВОГО ГИПЕРФРЕЙМА (НА ПРИМЕРЕ ГИПЕРФРЕЙМА «ЛОГИСТИКА»)

Хмельницкая К. Ю.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследование выполнено с целью создания когнитивной карты гиперфрейма «логистика», описания концептосферы логистической отрасли, выделения новых понятий, применимых для анализа всех отраслевых гиперфреймов, классификации компонентов суперординатного уровня гиперфрейма и выявления влияния изменения гиперфрейма на терминографические издания и учебную литературу по LSP.

Процедура и методы. В рамках подготовки данной работы был проведён когнитивный анализ отраслевой литературы с целью выявления компонентов гиперфрейма. Дополнительно был проведён диахронический анализ развития базового концепта с визуализацией полученного результата. В ходе исследования были использованы следующие методы: лингвокогнитивный анализ, фреймовый анализ и компонентный анализ.

Результаты. На основе результатов исследования была создана когнитивная карта гиперфрейма «логистика», подготовлено описание концептосферы логистической отрасли и были выделены и предложены для постоянного использования в рамках когнитивного анализа такие понятия, как *ключевой концепт логистической отрасли* и *ключевой концепт отраслевой деятельности* (в данном случае логистической отрасли). В дополнение к этому была произведена классификация компонентов суперординатного уровня гиперфреймов и сделаны выводы о необходимости обновления словарей и учебной литературы по LSP.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в рамках терминоведения, терминографии, лингводидактики.

Ключевые слова: когнитивная карта, когнитивная структура, гиперфрейм, термин, концепт, логистика

THE CREATION OF DOMAIN HYPERFRAME COGNITIVE MAP ON THE BASIS OF LOGISTICS HYPERFRAME

K. Khmelnitskaya

Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

© СС ВУ Хмельницкая К. Ю., 2021.

Abstract

Aim. The study was carried out with the aim of creating a cognitive map of the logistics hyperframe, describing the concept sphere of the logistics industry, identifying new concepts that are applicable to the analysis of all domain hyperframes, classifying the components of the superordinate level of the hyperframe and identifying the effect of changing the hyperframe on terminographic publications and educational literature on LSP.

Methodology. As part of the preparation of this work, a cognitive analysis of professional literature was carried out in order to identify the components of the hyperframe. Additionally, a diachronic analysis of the development of the basic concept and visualization of the result were carried out. During the study, the following methods were used: linguo-cognitive analysis, frame analysis and component analysis.

Results. On the basis of results the following activities were conducted: the cognitive map of logistics hyperframe was created; the notions of the key concept of the field and the key concept of the field activity were pointed out and proposed for general application in the process of cognitive analysis; the components of superordinate level were classified; conclusions were drawn about the need to update the dictionaries and educational literature on LSP.

Research implications. The research results can be used within the framework of terminology, terminography, for teaching language for special purposes.

Keywords: cognitive map, cognitive structure, hyperframe, term, concept, logistics

Введение

Работы по изучению путей структурирования знаний в человеческом разуме привели к возникновению целого ряда концепций организации знаний. В числе первых была концепция фреймов М. Минского, представленная в его книге «Фреймы для представления знаний» [6]. Созданная для использования во время разработки систем искусственного интеллекта, она внесла большой вклад в формирование самостоятельного направления исследования языковых единиц в рамках когнитивной лингвистики – фреймовой семантики Ч. Филлмора [9].

Получившая своё развитие в работах целого ряда лингвистов фреймовая семантика дала возможность структурировать составляющие гиперфреймов (когнитивные структуры человеческого опыта, хранящиеся в памяти человека и обеспечивающие понимание соответствующих слов [1, с. 36]), концептов (единиц знания, в том числе и неструктурированных [1, с. 37]) и концептуальных полей ключевых терминов областей знаний и профессиональной деятельности в формате концептуальных моделей, карт и схем [8, с. 23], которые позволяют опи-

сать и визуализировать структуру знаний о предметных областях с целью последующего анализа как концептуального, так и лексического содержания картины, формирующейся в сознании человека во время работы в исследуемой области, а также проанализировать концептуальную и лексическую взаимосвязь разных отраслей и областей знаний.

В данном исследовании предпринята попытка лингвокогнитивного анализа отраслевой терминологии логистики – науки, которая специализируется на управлении материальными, информационными и иными потоками, существующими в экономической деятельности [2, с. 18]. Задачами данного исследования являются создание когнитивной карты гиперфрейма «логистика», описание логистической отрасли, выделение закономерностей, применимых для анализа отраслевых гиперфреймов.

В дополнение к традиционным компонентам когнитивной карты: суперординатному уровню (областям знаний, которые стали источником терминологии исследуемого гиперфрейма), базовому уровню (уровню основообразующего понятия гиперфрейма) и субординат-

ному уровню (смысловым областям, на которые можно разбить гиперфрейм), – в работе представлена классификация компонентов суперординатного уровня гиперфрейма и выявлено, какое влияние оказывают изменения гиперфрейма на учебную литературу по LSP и терминографические издания, создание которых является одним из самых актуальных направлений современного терминоведения [7].

1. Суперординатный и базовый уровни гиперфрейма «логистика» (диахронический и синхронический аспекты)

Согласно концепции построения фреймовых структур, анализ гиперфрейма «логистика» (см. рис. 2) охватывает суперординатный, базовый и субординатный уровни с последующим детальным рассмотрением субфреймов, концептосфер и атомарных концептов. Данный набор компонентов определён тем, что гиперфрейм является структурированной единицей знания [1, с. 39] о крупной экстралингвистической области. Один из элементов данной единицы считается базовым, а другие – вышестоящими (суперординатными) и нижестоящими (субординатными) [3, с. 85]. На базовом уровне находится ключевой концепт, одновременно являющийся названием отрасли, а субординатный уровень составляют субфреймы, которые возможно выделить в концептосфере ключевого концепта.

В связи с тем, что часть компонентов суперординатного уровня была отобрана на основе диахронического анализа развития основообразующего термина гиперфрейма, составляющего базовый уровень, – термина «логистика», представление базового и части суперординатного уровней будет произведено совместно.

Первое письменное упоминание компонента базового уровня фрейма «логистика», слова «логистика», в официальных источниках относится к IX в. н. э. в

военном трактате византийского императора Льва VI Мудрого «Тактика Льва». Автор употребил данную лексему в качестве названия военной дисциплины, включавшей в себя несколько видов распределительной деятельности, составивших, по мнению автора, «природу военного дела» [4, с. 346]. Впоследствии концепт «логистика» продолжил своё развитие в рамках военного дела: в XIX в. он фигурирует в сочинениях французского военного теоретика Антуана-Анри Жомини в качестве обозначения науки об организации передвижения войск во время военных походов и немецкого военного деятеля Фридриха Вильгельма Рюстова [5] для обозначения технической части военной стратегии. Кроме этого, в ряде военных словарей США, изданных в XIX–XXI вв., встречается как сам термин “logistics”, так и слово “logis”, от которого он был образован [10]. Соответственно, военное дело может быть включено в перечень отраслей, составляющих суперординатный уровень.

Вторым аспектом исследования гиперфрейма «логистика» является его связь с математической наукой. Термин «логистика» был введён в математическую терминологию французским математиком Франсуа Виетом в XVI в. [10]. В XVII в. концептосферу термина «логистика» в рамках математической науки значительно расширил Готфрид Лейбниц, используя термин «логистика» для обозначения математической логики [5]. Данное значение было официально закреплено за термином «логистика» в начале XX в. на Всемирном философском конгрессе в Швейцарии [5].

В настоящее время в связи со спецификой логистической отрасли в гиперфрейме «логистика» фигурирует большое количество языковых единиц из терминологического аппарата математики. В связи с этим на основе информации о происхождении термина и анализа актуального языкового наполнения концептосферы вторым компонентом субор-

динатного уровня обозначается математическая наука.

Результатом данной части анализа когнитивной структуры гиперфрейма логистика (см. рис. 2) является вывод о том, что в начале своего существования когнитивная структура данного гиперфрейма имела однородный характер и включала в себя концептосферы, относящиеся к ряду видов распределительной деятельности внутри военного дела, но впоследствии в результате появления концептосферы из абсолютно иной – математической – области она претерпела условное «раздвоение», и была преобра-

зована в сложную двудерную структуру, состоявшую из военного и математического субфреймов.

Что касается синхронического аспекта, то XX–XXI вв. стали для логистической отрасли временем активного развития, что послужило причиной существенного роста частоты употребления базового термина концептосферы «логистика» и расширения концептосферы и гиперфрейма «логистика». Представленные наблюдения подтверждаются данными, полученными путём анализа использования лексемы инструментом Google Ngram Viewer (см. рис. 1, а также в [10]).

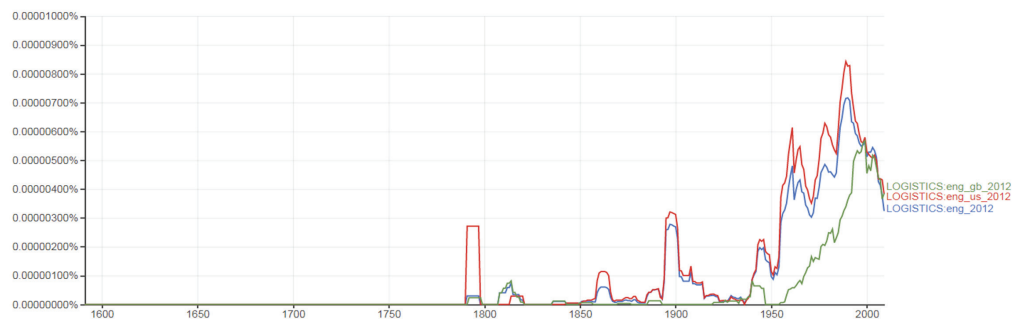

Рис. 1 / Fig. 1. Ngram Viewer график динамики частоты употребления термина «logistics» на базе англоязычных корпусов Google Books 2012 / Ngram Viewer graph of the dynamics of the frequency of the use of the term “logistics” based on the English-language corpora Google Books 2012

Источник: Google Ngram Viewer [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения: 06.07.2021).

После изучения отраслевых источников [2; 5; 11; 12] в дополнение к военному делу и математической науке были отобраны следующие компоненты суперординатного уровня гиперфрейма «логистика» (см. рис. 2): экономика, транспортная техника, право и IT.

В ходе рассмотрения причин подобного расширения когнитивной карты отмечаются следующие характеристики гиперфрейма «логистика»:

- *мультидисциплинарность логистической науки;*
- *рост количества компонентов суперординатного уровня по мере роста логистической отрасли;*

– *потенциальная возможность продолжения роста числа компонентов за счёт будущего развития отрасли.*

На основе данных выводов думается, что можно было бы сделать заключение, применимое ко всем отраслевым фреймовым структурам: когнитивная структура фрейма находится в прямой зависимости от развития отрасли, к которой относится её базовый концепт.

С точки зрения практического терминоведения, в частности лексикографии, данное наблюдение свидетельствует о необходимости периодического обновления отраслевых словарей с учётом изменения когнитивного наполнения отраслевых гиперфреймов.

Например, в рамках долгосрочного планирования потенциальной программы обновления словарей логистической отрасли возможно предположить увеличение количества лексем, связанных с робототехникой, автомобилями с автоматизированной системой управления и новыми видами доставки товаров [11].

С позиций тесного взаимодействия терминоведения и подготовки учебных пособий по LSP хотелось бы дополнить вышеприведённый вывод указанием на необходимость обновления не только отраслевых словарей, но и отраслевых учебных пособий по иностранным языкам.

Одновременно видится возможным поставить вопрос о выделении в рамках фреймовой семантики отдельного вида гиперфреймов – отраслевых гиперфреймов, отличительной особенностью которых будет являться наличие концепта – наименования отрасли или науки на базовом уровне.

При рассмотрении компонентов суперординатного уровня гиперфрейма «логистика» (см. рис. 2) было сделано наблюдение, что их возможно классифицировать, как *общие* – характерные для многих отраслей и видов бизнес-деятельности, и *частные* – характерные только для определённой отрасли или вида бизнес-деятельности.

В данном случае компоненты *математика, экономика, IT и право* могут быть классифицированы как *общие*, так как они отслеживаются практически во всех отраслях в связи с тем, что любая бизнес-деятельность подразумевает подсчёты, внутреннюю или внешнюю экономическую деятельность, программное обеспечение (хотя бы на простейшем уровне, например, обмен сообщениями в мессенджерах или ведение аккаунтов в социальных сетях) и правовые отношения, например, на уровне трудовых договоров. В свою очередь, компоненты *военное дело* и *транспортная техника* должны быть классифицированы как *частные*, так как они отражают специфику логистической отрасли.

2. Субординатный уровень гиперфрейма «логистика»

В процессе поиска оптимального варианта описания субординатного уровня гиперфрейма «логистика» наиболее продуктивным был определён путь построения структуры субординатного уровня концептуальной карты гиперфрейма «логистика» (см. рис. 1) на основе выделения ключевых концептов направлений логистической деятельности, представленных в отраслевой литературе [2, с. 158], с последующим выделением концептосфер, атомарных концептов, ключевого концепта отрасли и ключевого концепта отраслевой деятельности на базе когнитивного анализа отраслевых процессов и их расширенного представления на последующих этапах исследования. Данный подход был определён как наиболее рациональный в связи с тем, что он создаёт объективную базу для описания когнитивной картины отрасли, которая впоследствии может быть использована в качестве основы для подготовки учебных материалов по LSP, словарей и программ автоматизированного перевода.

После изучения ряда учебников по логистике [2; 12] были выделены следующие субординатные концепты:

- распределительная логистика – «*распределение*»;
- закупочная логистика – «*закупка*»;
- складская логистика – «*складирование*»;
- транспортная логистика – «*транспортировка*»;
- логистика управления на производстве – «*управление*»;
- информационная логистика – «*информационное обеспечение*».

3. Ключевой концепт отрасли и ключевой концепт отраслевой деятельности

В процессе изучения отраслевых источников [2; 12] было принято решение в дополнение к стандартным уровням концептуальной карты гиперфрейма «логистика» (см. рис. 2) включить в неё новые

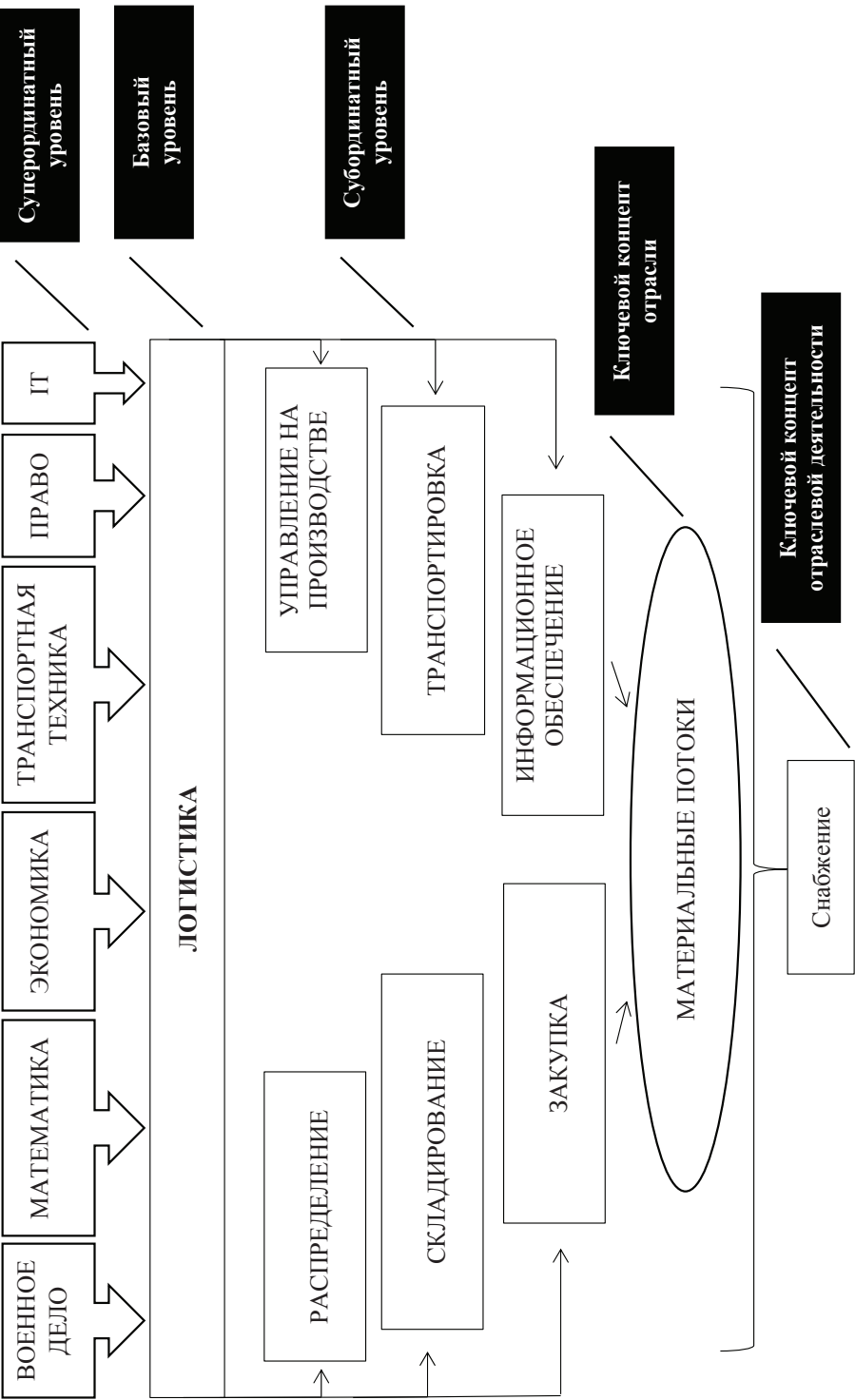

Рис. 2 / Fig. 2. Когнитивная карта логистики, включающая ключевой концепт и ключевой концепт отраслевой деятельности / Cognitive map of logistics, including a key concept and a key concept of industry activity

Источник: составлено автором.

компоненты: *ключевой концепт отрасли* и *ключевой концепт отраслевой деятельности*. Необходимость введения этих понятий в концептуальную карту логистики основана на наблюдениях, представленных далее.

Во-первых, все виды логистической деятельности сводятся к разным видам работы с материальными потоками (компонентами, товарами и др.). Таким образом, концепт *«материальный поток»* может быть обозначен как ключевой для гиперфрейма логистики.

Во-вторых, конечная цель всех действий, проводимых с материальными потоками, – это снабжение организации материальными объектами, которые составляют этот поток. В связи с этим возможно предположить, что концепт *«снабжение»* выступает, как ключевой концепт деятельности отрасли *«логистика»*.

Отметим, что указанные явления могут быть применены и при анализе когнитивной структуры других отраслевых гиперфреймов, что позволяет закрепить феномены *ключевого концепта отрасли* и *ключевого концепта отраслевой деятельности* как постоянные компоненты исследования по изучению LSP.

Выводы и заключение

По результатам проведённого исследования была построена когнитивная карта гиперфрейма *«логистика»*. Суперординатный уровень гиперфрейма включает шесть компонентов: военное дело, математику, экономику, транспортную технику, право, IT. Исходя из анализа компонентов суперординатного уровня, сделан вывод о возможности категоризации компонентов на *общие*, свойственные многим концептосферам, и *частные*, свойственные именно определённой концептосфере.

На базовом уровне находится концепт, образующий концептосферу отрасли, – *«логистика»*.

Субординатный уровень включает шесть концептов: распределение, складирование, закупку, транспортировку, управление на производстве, информационное обеспечение.

Принадлежность компонентов суперординатного и субординатного уровней позволяет сделать выводы, что логистика является мультидисциплинарной наукой.

В дополнение к уровням вертикальной категоризации (суперординатному, базовому и субординатному) карта включает *ключевой концепт логистической отрасли* и *ключевой концепт отраслевой деятельности*. Данные понятия могут быть рассмотрены как постоянные предметы исследования отраслевых концептосфер.

По итогам составления концептуальной карты установлено, что рост количества компонентов гиперфрейма *«логистика»* соответствовал росту логистической отрасли, на основе чего возможно заключить, что когнитивная структура отраслевых гиперфреймов находится в прямой зависимости от развития отрасли, к которой относится её базовый концепт. Соответственно, концептуальная карта логистики или другого отраслевого направления может вырасти в случае развития отрасли или претерпеть изменение компонентов в случае изменений в отрасли.

На базе этого наблюдения считается возможным отметить необходимость периодического обновления отраслевых словарей и учебных пособий по LSP в соответствии с изменением компонентов гиперфреймов.

В связи со всеми перечисленными особенностями предлагается выделить отраслевые гиперфреймы как отдельную категорию фреймов в рамках фреймовой семантики.

Статья поступила в редакцию 08.02.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц // Проблемы современной филологии: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. Мичуринск: МГПИ, 2000. С. 36–45.
2. Гаджинский А. М. Логистика: учеб.; 15-е изд., перераб. и доп. М.: Дашков и К°, 2007. 472 с.
3. Коннова М. Н. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие; 2-е изд., перераб. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. 313 с.
4. Лев VI Мудрый. Тактика Льва / подг. изд. В. В. Кучма; отв. ред. Н. Д. Барабанов. СПб.: Алетейя, 2012. 368 с. (Серия: Византийская библиотека. Источники).
5. Ломтев А. П. Логистика. История термина, основные понятия, области применения [Электронный ресурс] // Вестник учебно-консультационного центра «Университет климата». 2011. № 16. URL: https://www.hvac-school.ru/vestnik_ano/vestnik_ano_ukc_universitet_16/logistika_istorija_termina (дата обращения: 20.11.2020).
6. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
7. Сорокина Э. А. Актуальные вопросы современного терминоведения [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы вариантологии, коммуникативистики и когнитивистики: материалы Международной научно-практической конференции, г. Москва, 24 апреля 2020 г. / отв. ред. В. В. Ощепкова. М.: ИИУ МГОУ, 2020. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
8. Фатеева И. М. Лингвокогнитивный анализ кинологической лексики: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 303 с.
9. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
10. Хмельницкая К. Ю. Применение инструментов корпусной лингвистики в терминоведении на примере анализа употребления термина “logistics” с помощью инструмента Google Books NGram Viewer // Актуальные вопросы вариантологии, коммуникативистики и когнитивистики: материалы Международной научно-практической конференции, г. Москва, 24 апреля 2020 г. / отв. ред. В. В. Ощепкова. М.: ИИУ МГОУ, 2020. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
11. Banerjee A. Blockchain Technology: Platforms, Tools and Use Cases // Advances in Computers. 2018. Vol. 111. P. 69–98. DOI: 10.1016/bs.adcom.2018.03.007.
12. Logistics, Supply Chain and Financial Predictive Analytics. Theory and Practices / ed. K. Deep, M. Jain, S. Salhi. Singapore: Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2019. 254 p.

REFERENCES

1. Boldyrev N. N. [Frame semantics as a method of cognitive analysis of linguistic units]. In: *Problemy sovremennoi filologii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 1* [Problems of modern philology: interuniversity collection of scientific papers. Iss. 1]. Michurinsk, Michurinsk State Pedagogical Institute Publ., 2000, pp. 36–45.
2. Gadzhinsky A. M. *Logistika* [Logistics]. Moscow, Dashkov i K° Publ., 2007. 472 p.
3. Konnova M. N. *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Publ., 2012. 313 p.
4. Leo VI the Wise. *Taktika L'va* [Leo Tactics]. St. Peteresburg, Aleteya Publ., 2012. 368 p.
5. Lomtev A. P. [Logistics. History of the term, basic concepts, areas of application]. In: *Vestnik uchebno-konsul'tatsionnogo tsentra «Universitet klimata»* [Bulletin of the educational and consulting center “University of Climate”], 2011, no. 16. Available at: https://www.hvac-school.ru/vestnik_ano/vestnik_ano_ukc_universitet_16/logistika_istorija_termina (accessed: 20.11.2020).
6. Minsky M. *Freimy dlya predstavleniya znanii* [Frames for knowledge representation]. Moscow, Energiya Publ., 1979. 152 p.
7. Sorokina E. A. [Topical issues of modern terminology]. In: Oshchepkova V. V., ed. *Aktual'nye voprosy variantologii, kommunikativistiki i kognitivistiki: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Moskva, 24 aprelya 2020 g.* [Topical issues of variantology, communication and cognitive science: proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 24, 2020]. Moscow, MRSU Ed. Off. Publ., 2020. 1 CD-ROM.
8. Fateeva I. M. *Lingvokognitivnyi analiz kinologicheskoi leksiki: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguo-cognitive analysis of canine vocabulary: Cand. Sci. thesis in Philological sciences]. Moscow, 2011. 303 p.

9. Fillmor Ch. [Frames and semantics of understanding]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnyye aspekty yazyka* [New in foreign linguistics. Issue 23. Cognitive aspects of language]. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 52–92.
10. Khmel'nitskaya K. Yu. [The use of corpus linguistics tools in terminology by the example of analyzing the use of the term "logistics" using the Google Books NGram Viewer tool]. In: Oshchepkova V. V., ed. *Aktual'nye voprosy variantologii, kommunikativistiki i kognitivistiki: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Moskva, 24 aprelya 2020 g.* [Topical issues of variantology, communication and cognitive science: proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 24, 2020]. Moscow, MRSU Ed. Off. Publ., 2020. 1 CD-ROM.
11. Banerjee A. Blockchain Technology: Platforms, Tools and Use Cases. In: *Advances in Computers*, 2018, vol. 111, pp. 69–98. DOI: 10.1016/bs.adcom.2018.03.007.
12. Deep K., Jain M., Salhi S., eds. *Logistics, Supply Chain and Financial Predictive Analytics. Theory and Practices*. Singapore, Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2019. 254 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хмельницкая Ксения Юрьевна – аспирант кафедры английской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: ksenia.khmelnitskaya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kseniya Yu. Khmelnitskaya – Postgraduate student, Department of English Philology, Moscow Region State University;
e-mail: ksenia.khmelnitskaya@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хмельницкая К. Ю. Создание когнитивной карты отраслевого гиперфрейма (на примере гиперфрейма «Логистика») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 5. С. 6–14.
DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-6-14

FOR CITATION

Khmelnitskay K. Yu. The creation of domain hyperframe cognitive map on the basis of logistics hyperframe. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 5, pp. 6–14.
DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-6-14

УДК: 81-119

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-15-23

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ У. ЧЕРЧИЛЛЯ

Давыдова М. А.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель настоящей работы – представить результаты концептуального анализа когнитивной метафоры в языковой личности У. Черчилля.

Процедура и методы. На материале военных речей У. Черчилля автором рассмотрена роль когнитивной метафоры в структуре языковой личности политического лидера. Таким образом, исследуется ядро институционального политического дискурса, т. е. непосредственно выступления политика. Когнитивный подход к феномену метафоры позволяет разнообразить исследовательский материал, в связи с чем анализу подвергаются не только собственно метафоры, включая развёрнутую метафору, но и метафорические эпитеты, перифразы и др. Отдельное внимание уделяется рассмотрению сферы-источника (домен-источник, донор) и сферы-мишени (домен-цель, магнит) метафорической экспансии в дискурсе У. Черчилля. В работе применяются такие методы, как описательный метод, концептуальный анализ, а также метод сплошной выборки.

Результаты. В ходе исследования была установлена ключевая роль когнитивной метафоры в формировании структуры языковой личности политика.

Теоретическая значимость состоит в том, что результаты исследования вносят вклад в дальнейшую разработку когнитивного подхода к интерпретации природы метафоры.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения результатов в лексикографической практике, а именно в авторской лексикографии.

Ключевые слова: когнитивная метафора, языковая личность, когнитивный подход, когнитивная функция, концептуальный анализ

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

THE CONCEPTUAL ANALYSIS OF THE COGNITIVE METAPHOR IN W. S. CHURCHILL'S LINGUISTIC PERSONALITY

M. Davydova

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. The paper aims to present the results of the conceptual analysis of the cognitive metaphor found in W. S. Churchill's linguistic personality.

Methodology. Through the analysis of W. S. Churchill's military speeches, the author examines the role of the cognitive metaphor in structuring the linguistic personality of the political leader. Thus, the core of the institutional political discourse is analyzed, i.e., the speeches delivered by the politicians. The cognitive approach to the metaphor allows to diversify the research material, and therefore not only the metaphors themselves, including the extended metaphor, but also metaphorical epithets, periphrases, etc. are taken into consideration. Special attention is paid to the source-domain and the target-domain of the metaphorical expansion in W. S. Churchill's discourse. The research uses the descriptive method, conceptual analysis, and the continuous sampling method.

Results. The findings demonstrate the key role of the cognitive metaphor in structuring the linguistic personality of the politician under consideration.

Research implications. The research results contribute to the cognitive approach towards the nature of metaphor. The practical significance of the research is determined by the possibility of applying the results in lexicographic practice, namely in author's lexicography.

Keywords: cognitive metaphor, linguistic personality, cognitive approach, cognitive function, conceptual analysis

Acknowledgments. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

Введение

Настоящая статья продолжает исследование автора, посвящённое рассмотрению когнитивной метафоры в дискурсе У. Черчилля [6; 7]. Как известно, литературное наследие У. Черчилля насчитывает разнообразные с точки зрения жанровой принадлежности произведения. Специфика функционирования метафор в дискурсе У. Черчилля не раз становилась объектом изучения как отечественных, так и зарубежных исследователей, в фокусе внимания которых были разные аспекты рассматриваемого лингвокогнитивного явления [8; 12; 25; 26; 27]. В частности, в одном из пунктов диссертационного исследования Ю. А. Кричун проводится анализ системы метафорических моделей, описывающих взгляд политика на различные политические, экономические

и социальные процессы, на примере метафорических словоупотреблений, характеризующих негативное отношение У. Черчилля к идеологии большевизма, которая часто репрезентируется посредством медицинской и зооморфной метафор, уподобляющих сторонников большевизма, соответственно, болезням и диким животным [12]. В связи с этим подчеркнём, что наша работа отличается тем, что в ней рассмотрены различные типы метафор, не связанные с отдельной сферой метафорической экспансии. Отметим также, что предпринятое исследование базируется на достижениях когнитивного подхода к интерпретации природы метафоры. Таким образом, актуальность данной работы обусловлена повышенным интересом исследователей к процессам концептуализации и категоризации действитель-

ности, что находит отражение в языке и речи в виде различных ментальных образований. При этом одним из эффективных средств познания окружающего мира и структурирования представлений о нём служит когнитивная метафора, которая исследуется в различных типах дискурса, в том числе в политическом, представленном, в частности, его прототипическим жанром в виде речей и выступлений политиков. Для достижения ранее указанной цели необходимо решить следующие задачи исследования: во-первых, рассмотреть когнитивный подход к природе метафоры и, соответственно, описать дистинктивные свойства когнитивной метафоры; во-вторых, рассмотреть сущность понятия «языковая личность». В работе применяются описательный метод, концептуальный анализ, а также метод сплошной выборки.

Теоретические предпосылки исследования когнитивной метафоры в языковой личности У. Черчилля

Как известно, со времён Античности отмечается устойчивый интерес учёных разных направлений к исследованию природы метафоры, что позволило аккумулировать обширные теоретические знания в этой области. Многие современные исследования метафоры базируются на определении метафоры, предложенном Аристотелем, в трудах которого данный феномен осмысливается как скрытое сравнение на основе принципа аналогии, представляющее собой определённый литературный приём, выполняющий в тексте эстетическую функцию [1]. В соответствии со спецификой настоящей работы нас интересует именно когнитивный подход к исследованию природы метафоры, в связи с чем мы не будем рассматривать другие подходы к интерпретации данного лингвокогнитивного феномена. Вслед за Е. С. Кубряковой под когнитивной метафорой мы понимаем «одну из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формиру-

ет новые понятия и без которого невозможно получение нового знания»¹. Среди других отечественных исследователей, представляющих когнитивное направление в изучении процессов метафоризации, следует отметить А. Н. Баранова, автора дескрипторной теории метафоры [2], представителя школы Московского университета Г. Г. Молчанову [14; 15], а также А. П. Чудинова с его концепцией метафорического моделирования [19–21]. В зарубежном языкознании «когнитивный переворот» в области изучения природы метафоры представлен в ряде знаковых работ, среди которых следует выделить интеракционистскую теорию метафоры [18], теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [24], когнитивную теорию метафоры Эрла Маккормака [13], а также теорию концептуальной интеграции, или блендинга [22; 23].

Чрезвычайно важным для настоящего исследования является определение объёма понятия «когнитивная метафора», которое, как известно, интегрирует гораздо более широкий круг языковых явлений по сравнению с чисто языковой метафорой. Итак, вслед за А. П. Чудиновым мы придерживаемся широкого подхода к определению границ рассматриваемого явления и анализируем, помимо собственно метафор, сравнительные конструкции, перифразы, персонификации и другие образные средства, принадлежащие к разным частям речи, поскольку когнитивный подход позволяет рассматривать язык как «единый континуум символьных единиц, не подразделяющийся естественным образом на лексикон, морфологию и синтаксис» [19, с. 38].

Языковая личность как объект лингвистического исследования

Перейдём к рассмотрению понятия языковой личности (далее – ЯЛ), которое является объектом изучения ряда совре-

¹ См.: Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996. С. 56.

менных наук гуманитарного цикла: так, данный феномен анализируется через призму лингводидактики, психолингвистики, стилистики художественной речи, лингвокультурологии, коммуникативной лингвистики, а также лингвоперсонологии, что позволяет рассматривать ЯЛ как междисциплинарное явление [3]. В работе В. П. Нерознака «Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины» [16] впервые предложено название вышеупомянутой отрасли языкознания, занимающейся разработкой теории ЯЛ. В более поздней работе учёного в научный оборот было введено лаконичное название соответствующего раздела лингвистической науки – лингвоперсонология [17]. Проблемы изучения ЯЛ получили освещение в рамках ряда отечественных научных школ, среди которых выделяют Тверской университет, Воронежский университет, Пермский университет, Тюменский университет, а также Волгоградский и Саратовский университеты [Там же]. Многогранность рассматриваемого феномена детерминирует множество подходов к его изучению [9; 10].

Разработка теории ЯЛ получила последовательное развитие в трудах В. В. Виноградова [5], Г. И. Богина [4], Ю. Н. Караулова [11], В. И. Карасика [9; 10]. В основе данной работы лежит концепция Ю. Н. Караулова, на которой базируется и рабочее определение рассматриваемого нами феномена. Итак, согласно концепции Ю. Н. Караулова ЯЛ определяется как «... совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определённой целевой направленностью» [11, с. 245]. В теории Ю. Н. Караулова предлагается трёхуровневый анализ ЯЛ, включающий следующие уровни: вербально-семантический уровень, или лексикон, когнитив-

ный уровень, или тезаурус, а также мотивационный уровень, или прагматикон [Там же]. Ввиду специфики настоящего исследования мы сосредоточим основное внимание на анализе когнитивного уровня в структуре ЯЛ на материале когнитивных метафор языковой личности У. Черчилля. Когнитивный уровень отражает индивидуальную картину мира и, соответственно, представлен концептами, гештальтами, схемами и другими ментальными образованиями.

Концептуальный анализ когнитивной метафоры в языковой личности У. Черчилля

Рассмотрим некоторые яркие примеры когнитивных метафор в структуре ЯЛ У. Черчилля. Общий объём исследованного материала составил 312 единиц, извлечённых методом сплошной выборки из сборника военных речей У. Черчилля¹. Итак, политик часто прибегал к использованию *развёрнутой когнитивной метафоры*, демонстрирующей сложную систему образов, понятий и авторского мироощущения в индивидуальной концептосфере: “No man, with the best will and sense of detachment in the world, can resign from a Government without **wounds** given and taken. My hope is that **those wounds will not rankle or fester into personal differences**, however serious the political issues upon which the men are divided”² / “Ни один человек, обладающий силой воли и независимостью суждений, не может покинуть государственный пост (уйти в отставку из правительства) без нанесённых и полученных ран. Я надеюсь, что эти (те) раны не будут причинять боль или гноиться, влияя на личные разногласия, какими бы серьёзными они ни были по политическим вопросам” (здесь и далее перевод наш – М. А.). Представленный

¹ Churchill W. *Arms and the Covenant*. New York: Rossetta Books, 2013. 367 p. (далее в сносках указывается номер страницы с цитируемым фрагментом из данного источника).

² Churchill W., P. 335.

фрагмент содержится в речи У. Черчилля, посвящённой уходу Э. Идена с поста министра иностранных дел в феврале 1938 г. В этой же речи мы находим другой пример развёрнутой когнитивной метафоры, описывающей последствия войны между Итальянским королевством и Эфиопией: **“Abyssinia a curse, a corpse bound on the back of the killer; Libya and Spain, perhaps 400,000 men overseas, all to be maintained by a continuous drain on the hard-driven, ground-down people of Italy”**¹ / “Эфиопия – это проклятие, труп, привязанный к спине убийцы. Ливия и Испания, возможно, 400 000 человек за границей, – все они должны существовать за счёт непрерывного истощения ресурсов угнетённого и замученного народа Италии (досл. склонённого к земле). Как видно из выделенных текстовых фрагментов, в данном отрывке представлены также *метафорические эпитеты*, выраженные с помощью таких сочетаний, как “continuous drain”, “hard-driven”, “ground-down people”.

В качестве другого примера когнитивной метафоры может служить следующее высказывание из вышеупомянутой речи У. Черчилля: “We know that large numbers of people who have gone to Abyssinia in the hope of some **Eldorado** will be soon coming back to Italy, disillusioned. Many questionings were arising in **Italian bosoms** which were natural and legitimate and could not be suppressed or ignored”². В словарной статье для слова “Eldorado”, представленной в словаре Longman, мы находим следующее определение: “a place of very great wealth, especially a place that people travel a long way to find, or an imaginary place that does not really exist”³ / «место чрезвычайного изобилия, в особенности то место, которое люди пытаются найти во время долгих путешествий, или вымышленное место, которое в действи-

тельности не существует». При этом в словарной статье уточняется, что метафорический образ Эльдорадо восходит к древнему преданию о короле (вожде) южноамериканского племени, который покрыл своё тело золотым песком и погрузился в озеро. С тех пор некоторые люди верили, что королевский город Эльдорадо действительно существовал, и пытались его отыскать. На основе предложенной выше дефиниции представляется возможным следующий перевод фрагмента речи У. Черчилля: «Мы знаем, что большое количество людей, отправившихся в Эфиопию в поисках Эльдорадо, или процветающей богатой земли, скоро возвратятся в Италию разочарованными. Много вопросов возникло / назрело в итальянских сердцах (досл. итальянской груди), которые были естественны и законны и не могли быть подавлены (не могли остаться нерешёнными) или проигнорированы».

С целью показать ненасытность, жадность и жажду завоеваний со стороны Германии, демонстрирующей с каждым годом всё более экспансионистский настрой, У. Черчилль нередко апеллирует к когнитивной метафоре со сферой-источником «пища», «еда»: “I know nothing to convince me that if the evil forces now at work are suffered to **feed upon** their successes an upon their victims our task will be easier when finally we are all united”⁴. Гитлеровская Германия предстаёт в образе ненасытного хищника, безжалостно поглощающего свою добычу; однако, утолив голод, хищник на время успокаивается и начинает переваривать пищу: “Very likely this immediate crisis will pass, **will dissipate itself and calm down. After a boa constrictor has devoured its prey it often has a considerable digestive spell**”⁵. Описывая опасность, исходящую от гитлеровской Германии, У. Черчилль прибегает к использованию природоморфных метафор,

¹ Churchill W. P. 336.

² Churchill W. P. 337.

³ См.: Longman Dictionary of Contemporary English; 6th ed. Great Britain: PEARSON Longman, 2014. P. 202.

⁴ Churchill W. P. 347.

⁵ Churchill W. P. 358.

таким образом сравнивая катастрофические последствия вражеской агрессии с негативным воздействием природной мощи: "How many friends would be alienated, how many potential allies should we see go, one by one, **down the grisly gulf**, how many times would bluff succeed, until behind bluff ever-gathering forces had accumulated reality?"¹; "Why should we delay until we are confronted with a general **landslide** of those small countries passing over, because they have no other choice, to the overwhelming power of the Nazi régime?"² Метафора *пути* символизирует веру в светлое будущее и используется политиком, чтобы вселить оптимизм: "If successful, it would certainly **pave the way to** more effective joint action in the enforcement of the non-intervention policy in Spain"; "I have often been called an alarmist in the past, yet I affirm to-night that there is still, in my belief, an **honourable path** to safety and, I hope, to peace"³.

Заключение

Итак, исследовательский интерес к природе метафоры не ослабевает со времён Античности, что обуславливает наличие обширной теоретико-методологической базы и разнообразия научных подходов к исследованию данного многогранного и сложного феномена. Одним из актуальных подходов к изучению сущности метафоры признан когнитивный подход, в соответствии с которым метафора выполняет когнитивную функцию, служит средством познания и категоризации действительности, конструирует новое знание посредством обращения к конкретным и привычным образам для описания чего-то абстрактного и / или сложного. Когнитивная метафора является бесценным материалом

для изучения языковой личности, т. к. метафорические словоупотребления, используемые отдельным индивидуумом, помогают проникнуть в особенности индивидуальной концептосферы, понять мировидение, систему образов и понятий, свойственных тому или иному человеку. В данной работе были представлены некоторые когнитивные метафоры, содержащиеся в выступлениях У. Черчилля. Концептуальный анализ военных речей У. Черчилля позволяет выявить особую роль когнитивной метафоры как средства воздействия на аудиторию и наиболее эффективной трансляции идей в тяжёлых условиях предвоенного времени, когда над многими странами нависла угроза нападения со стороны Германии.

Дальнейшее изучение когнитивной метафоры представляется перспективным. Во-первых, считаем актуальным провести сопоставительный анализ когнитивной метафоры в диахроническом аспекте на материале речей британских политиков; при этом данное исследование могло бы включать речи американских политиков, что позволило бы осуществить кросс-культурный концептуальный анализ. Во-вторых, отобранный эмпирический материал может составить основу пособия по основам политической риторики, предназначенного для широкого круга специалистов, включая политтехнологов и спичрайтеров, а также послужить базой для составления словаря авторских метафор, что способно внести определённый вклад в теоретические и практические аспекты лексикографии, в частности в одно из перспективных и активно развивающихся её направлений – авторскую лексикографию.

Статья поступила в редакцию 02.03.2021

¹ Churchill W. P. 347.

² Churchill W. P. 349.

³ Churchill W. P. 349.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Поэтика. Риторика. О душе. М.: Мир книги, 2009. 310 с.
2. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
3. Башкова И. В. Русская семантическая персонология: теоретико-методологические основания. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. 376 с.
4. Богин Г. И. Концепция языковой личности: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1982. 31 с.
5. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
6. Давыдова М. А. «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в военном дискурсе У. Черчилля // Филология и культура. Philology and culture. 2020. № 4 (62). С. 13–20. DOI: 10.26907/2074-0239-2020-62-4-13-20.
7. Давыдова М. А. Когнитивная метафора в структуре языковой личности политического лидера (на материале речей У. Черчилля) [Электронный ресурс] // Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2020». URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/data/19329/111553_uid135904_report.pdf (дата обращения: 10.02.2021).
8. Зубакина Т. Н. Метафорическое моделирование историко-культурного события (на материале мемуаров У. Черчилля "The Second World War"): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2014. 207 с.
9. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
11. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
12. Кричун Ю. А. Языковая личность политического деятеля: дискурсивные характеристики (на материале речей У. Черчилля): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011. 151 с.
13. Маккормак Э. Когнитивная метафора // Теория метафоры: сборник статей. М.: Прогресс, 1990. С. 358–387.
14. Молчанова Г. Г. Когнитивная синестезийная метафора и теория напряженности // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 9–20.
15. Молчанова Г. Г. Концептуальная метафора в политическом диалоге мемов и антимемов // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. С. 565–572.
16. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сборник научных трудов. Вып. 426. М.: МГЛУ, 1996. С. 112–116.
17. Нерознак В. П. Лингвокультурология и лингвоперсонология // Вавилонская башня – 2: Слово. Текст. Культура: Ежегодные международные чтения памяти Н. С. Трубецкого «Евразия на перекрестке языков и культур». М.: Типография Сарма, 2003. С. 13–17.
18. Теория метафоры / общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
19. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
20. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 176 с.
21. Чудинов А. П. Теория и методика лингвистического анализа политического текста. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. 303 с.
22. Coulson S., Oakley T. Blending and coded meaning: Literal and figurative meaning in cognitive semantics // Journal of Pragmatics. 2005. Vol. 37. Iss. 10. P. 1510–1536. DOI: 10.1016/j.pragma.2004.09.010.
23. Fauconnier G., Turner M. The way we think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002. 454 p.
24. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 256 p.
25. Nosek J. W. S. Churchill's use of metaphors // Studia Anglica Posnaniensia XXIX. 1994. P. 41–47.
26. Osborn M. Archetypal metaphor in rhetoric: The light-dark family // Quarterly Journal of Speech. 1967. No. 53–2. P. 115–126.
27. Rickert W. E. Winston Churchill's archetypal metaphors: A mythopoetic translation of World War II // Central States Speech Journal. 1977. No. 28–2. P. 106–112.

REFERENCES

1. Aristotle. *Poetika. Ritorika. O dushe* [Poetics. Rhetoric. On the soul]. Moscow, Mir knigi Publ., 2009. 310 p.
2. Baranov A. N. *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor theory of metaphor]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014. 632 p.
3. Bashkova I. V. *Russkaya semanticheskaya personologiya: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya* [Russian semantic personology: theoretical and methodological foundations]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2019. 376 p.
4. Bogin G. I. *Kontseptsiya yazykovoi lichnosti: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [The concept of linguistic personality: abstract of Dr. Sci. thesis in Philological sciences]. Leningrad, 1982. 31 p.
5. Vinogradov V. V. *O yazyke khudozhestvennoi prozy* [On the language of fiction]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 360 p.
6. Davydova M. A. ["Inanimate nature" as the source of metaphorical expansion in W. S. Churchill's war discourse]. In: *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture], 2020, no. 4 (62), pp. 13–20. DOI: 10.26907/2074-0239-2020-62-4-13-20.
7. Davydova M. A. [Cognitive metaphor in the structure of the linguistic personality of a political leader (based on the speeches of W. Churchill)]. In: *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh «Lomonosov-2020»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists "Lomonosov-2020"]. Available at: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/data/19329/111553_uid135904_report.pdf (accessed: 10.02.2021).
8. Zubakina T. N. *Metaforicheskoe modelirovanie istoriko-kul'turnogo sobytiya (na materiale memuarov U. Cherkillya «The Second World War»): dis. ... kand. filol. nauk* [Metaphorical modeling of a historical and cultural event (based on the memoirs of W. Churchill "The Second World War"): Cand. Sci. thesis in Philological sciences]. Perm, 2014. 207 p.
9. Karasik V. I. *Yazykovye klyuchi* [Language Keys]. Moscow, Gnozis Publ., 2009. 406 p.
10. Karasik V. I. *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p.
11. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 262 p.
12. Krichun Yu. A. *Yazykovaya lichnost' politicheskogo deyatelya: diskursivnye kharakteristiki (na materiale rechei U. Cherkillya): dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic personality of a politician: discursive characteristics (based on the speeches of W. Churchill): Cand. Sci. thesis in Philological sciences]. Krasnodar, 2011. 151 p.
13. McCormack E. [Cognitive metaphor]. In: *Teoriya metafory* [Metaphor theory]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 358–387.
14. Molchanova G. G. [Cognitive synesthetic metaphor and the theory of tension]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [The Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Cross-Cultural Communication], 2018, no. 4, pp. 9–20.
15. Molchanova G. G. [Conceptual metaphor in political controversial anti/memetic dialogues]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 2019, no. 38, pp. 565–572.
16. Neroznak V. P. [Linguistic Personology: Towards Determining the Status of a Discipline]. In: *Yazyk. Poetika. Perevod. Vyp. 426* [Language. Poetics. Translation. Iss. 426]. Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 1996, pp. 112–116.
17. Neroznak V. P. [Linguoculturology and linguopersonology]. In: *Vavilonskaya bashnya – 2: Slovo. Tekst. Kul'tura: Yezhegodnyye mezhdunarodnyye chteniya pamyati N. S. Trubetskogo «Yevraziya na perekrostke yazykov i kul'tur»* [Tower of Babel – 2: The Word. Text. Culture: Annual international readings in memory of N. Trubetskoy "Eurasia at the crossroads of languages and cultures"]. Moscow, Tipografiya Sarma Publ., 2003, pp. 13–17.
18. Arutyunova N. D., Zhurinskaya M. A., eds. *Teoriya metafory* [Metaphor theory]. Moscow, Progress Publ., 1990. 512 p.
19. Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2001. 238 p.

20. Chudinov A. P. *Ocherki po sovremennoi politicheskoi metaforologii* [Essays on modern political metaphorology]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2013. 176 p.
21. Chudinov A. P. *Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta* [Theory and methodology of linguistic analysis of a political text]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2016. 303 p.
22. Coulson S., Oakley T. Blending and coded meaning: Literal and figurative meaning in cognitive semantics. In: *Journal of Pragmatics*, 2005, vol. 37, iss. 10, pp. 1510–1536. DOI: 10.1016/j.pragma.2004.09.010.
23. Fauconnier G., Turner M. The way we think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York, Basic Books, 2002. 454 p.
24. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press, 1980. 256 p.
25. Nosek J. W. S. Churchill's use of metaphors. In: *Studia Anglica Posnaniensia XXIX*, 1994, pp. 41–47.
26. Osborn M. Archetypal metaphor in rhetoric: The light-dark family. In: *Quarterly Journal of Speech*, 1967, no. 53–2, pp. 115–126.
27. Rickert W. E. Winston Churchill's archetypal metaphors: A mythopoetic translation of World War II. In: *Central States Speech Journal*, 1977, no. 28–2, pp. 106–112.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Давыдова Мария Александровна – аспирант кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, преподаватель кафедры сопоставительного изучения языков Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
email: mdav95@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Davydova – Postgraduate Student, Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication; lecturer, Department of Comparative Analysis of Languages, Lomonosov Moscow State University;
email: mdav95@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Давыдова М. А. Концептуальный анализ когнитивной метафоры в языковой личности У. Черчилля // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 5. С. 15–23.
DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-15-23

FOR CITATION

Davydova M. A. The conceptual analysis of the cognitive metaphor in W. S. Churchill's linguistic personality. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 5, pp. 15–23.
DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-15-23

УДК 811.111

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-24-35

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОАКСИОСФЕРЫ В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX ВЕКА

Старостина Ю. С.

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева
443086, г. Самара, Московское ш., д. 34, Российская Федерация*

Аннотация

Цель – систематизация и сравнительный анализ взаимообусловленных уровневых элементов лингвоаксиосферы, актуализированных в британском и американском драматургическом дискурсе.

Процедура и методы. Проведён анализ англоязычного драматургического дискурса при использовании метода комплексной дискурсивно-коммуникативной лингвоаксиологической интерпретации.

Результаты. По итогам исследования установлено, что дискурсивное пространство англоязычной драмы последовательно отражает содержательное наполнение каждого уровня лингвоаксиосферы как когнитивно-дискурсивного образования. Лингвистическая ценностно-оценочная репрезентация характеризуется сходными параметрами в британском и американском стилизованном диалоге при относительном отклонении в частотном соотношении пейоративной и мелиоративной оценки; однако на уровне ценностных доминант наблюдается качественная дивергенция.

Теоретическая и/или практическая значимость состоит в уточнении структурно-композиционных и содержательного аспектов англоязычной лингвоаксиосферы с учётом специфики их коммуникативной акцентуализации и дополнении теоретических положений дискурсивной лингвоаксиологии как актуального научного направления.

Ключевые слова: англоязычный драматургический дискурс, лингвоаксиосфера, ценностная доминанта, оценочный вектор, оценочное высказывание, оценочный маркер

REPRESENTATION OF BRITISH AND AMERICAN LINGUO-AXIOSPHERE IN DRAMA DISCOURSE OF THE 20TH CENTURY

J. Starostina

*Samara National Research University
34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russian Federation*

Abstract

Aim. The article presents systematization and comparative analysis of interdependent elements of the linguoaxiosphere, actualized in British and American drama discourse.

Methodology. The analysis of the English-language drama discourse was carried out with the method of complex discourse-communicative linguoaxiological interpretation.

Results. It was proved that the discursive space of the English-language drama consistently reflects the content of each level of the linguoaxiosphere as a cognitive-discursive formation. Linguistic value-evaluative representation is characterized by similar patterns in British and American stylized

dialogue with a relative deviation in the frequency ratio of pejorative and meliorative evaluation; however, the level of value dominants demonstrates qualitative and quantitative divergence.

Research implications. The research contributes to clarification of structural and content aspects of the English-language linguoaxiosphere, with special emphasis on their communicative accentualization, as well as on extension of the theoretical points of discursive linguoaxiology as a perspective direction of contemporary linguistics.

Keywords: English drama discourse, linguoaxiosphere, value dominant, evaluative vector, evaluative utterance, evaluative marker

Введение

Лингвоаксиология является одним из ведущих направлений современного языкознания, что обусловлено её абсолютной включённостью в антропоцентрическую исследовательскую парадигму. Ценности и их вербальное представление в языке и речи полностью определяются человеком как субъектом оценочной деятельности. Более того, ценности оказываются главными мотивами, координаторами и регуляторами речевого поведения. Ценностные ориентиры социума закреплены в языке в виде оценочных коннотаций семантических структур, а их актуализация происходит в персонализированных оценочных высказываниях в пределах того или иного дискурсивного пространства. Общую системно организованную совокупность социально значимых ценностей можно определить как аксиосферу лингвокультурного сообщества, которой придерживается каждый его представитель при формировании и выражении собственного оценочного отношения.

Особо высоким уровнем аксиологичности отличается дискурс-пространство бытовой коммуникации, суть которой зачастую сводится не к информативной составляющей, а к выражению оценочных мнений относительно происходящего. Таким образом, система ценностных доминант, структурирующая социальную жизнь и определяющая поведение членов общества, постоянно вербализуется в процессе коммуникации, тем самым формируя лингвоаксиосферу как когнитивно-дискурсивную систему, включающую в себя ценностные доминанты и лингвистические варианты их актуали-

зации в коммуникативном пространстве. А. В. Тимофеев указывает, что «любая культура отличается от всех прочих аутентичным набором ценностей, характеризующих особенности действий ее представителей» [9, с. 36], т. е., хотя само наличие ценностной парадигмы в социуме носит универсальный характер, аксиосфера обладает выраженной лингвокультурной спецификой, что позволяет говорить, например, о лингвоаксиосфере британского или американского социума. При этом сложность и многоаспектность изучения национально специфичной лингвоаксиосферы обусловлена динамичным и вариативным характером её компонентов и уровней.

Актуальность исследования дискурсивной лингвоаксиологической проблематики определяется значимостью ценностной парадигмы как духовной основы жизни социума и аргументируется тем фактом, что, как справедливо отмечает А. Р. Аракелова, «вербальный аспект актуализации ценностей является необходимым условием их существования и распространения и свидетельствует об отнесенности ценностей к языковой картине мира человека» [1, с. 185]. Подчеркнём, что все типы дискурсивного пространства в той или иной степени отражают ценностную систему социума. Однако, англоязычный драматургический дискурс обладает повышенной аксиологичностью, поскольку в его основе лежит стилизованная разговорная речь, т. е. коммуникация между персонажами, приближенная по своим прагматическим установкам и лингвистическим характеристикам к живому повседневному об-

щению. Персонажи англоязычной драмы выступают как представители определённого лингвокультурного сообщества: их речевое взаимодействие аутентично отражает существенный фрагмент социальной лингвоаксиосферы, т. е. фиксирует часть актуальных для определённого времени ценностных доминант и одновременно с этим, содержит адекватную лингвистическую репрезентацию аксиосферы через набор контекстуально акцентуализированных оценочных маркеров.

Разговорная речь, преобразуясь в стилизованную коммуникацию в рамках драматургического дискурса, проходит этап авторского преломления, т. е. обрабатывается автором (который также является представителем конкретного лингвокультурного сообщества) в соответствии с определённым художественным замыслом. Драматург в своём произведении обычно апеллирует к широкой аудитории, представляя зрительскому вниманию актуальные темы и проблемы, раскрываемые в процессе коммуникации персонажей, и благодаря этому отражает в стилизованном диалоге центральные оценочные векторы, систематизация которых позволяет определить фрагмент социально значимой лингвоаксиосферы. В итоге, в драматургическом дискурсе в существенной степени репрезентированы все лингвоаксиологические уровни – от лингвистических оценочных средств до аксиологических доминант и аксиологических абсолютов.

Целью исследования, результаты которого кратко представлены в настоящей статье, являются идентификация, систематизация и сравнительный анализ взаимообусловленных уровневых элементов лингвоаксиосферы в ходе лингвоаксиологической интерпретации британского и американского драматургического дискурса XX в. Для достижения поставленной цели необходимо ответить на следующие исследовательские вопросы:

– Какие именно лингвистические средства выступают в роли оценочных

маркеров в англоязычном драматургическом дискурсе и составляют ядро и периферию системы оценочных средств? Идентичен ли «план выражения» лингвоаксиосферы в британском и американском дискурсе XX в.?

– Какие оценочные векторы можно идентифицировать в стилизованных коммуникативных ситуациях, основываясь на субъектно-объектных отношениях в оценочном сообщении? Каким образом оценочные векторы обеспечивают содержательное наполнение ценностных доминант? Совпадают ли качественные характеристики оценочных векторов, формирующих схожие ценностные доминанты, в британском и американском драматургическом дискурсе?

– Какова структура аксиосферы, нашедшая своё отражение в британском и американском драматургическом дискурсе? Какие ценностные доминанты являются общими для обозначенных лингвокультурных сообществ, а какие следует признать национально-обусловленными?

Материал и методы

В качестве фактического материала исследования была использована выборка объёмом в 2000 оценочных высказываний, представленных в пьесах британских и американских драматургов первой трети XX в., а именно произведениях Дж. Пристли¹ (далее – Priestley) и Т. Уильямса² (далее – Williams). Все задействованные в исследовании англоязычные драматургические произведения относятся к жанру драмы, т. е. подразумевают воспроизведение на сцене стилизованного фрагмента действительности, в том числе коммуникативного взаимодействия персонажей, максимально приближенного по своим прагмалингвистическим и стилистическим параметрам к реальной разговорной речи. Единый вре-

¹ The Plays of J. B. Priestley. Vol. 1. Melbourne; London; Toronto: Heinemann LTD, 1950. 503 p.

² The Collected Plays of Tennessee Williams. Vol. 1. New York: The Library of America, 2011. 2053 p.

менной отрезок позволил сконцентрироваться на горизонтальном лингвоаксиологическом варьировании в родственных лингвокультурных сообществах без учёта динамических характеристик лингвокультурной аксиоферы.

В качестве центрального метода при проведении эмпирического исследования применялся метод дискурсивно-коммуникативной лингвоаксиологической интерпретации, предполагающий поступательное движение анализа от уровня языковых оценочных средств и их включения в оценочные высказывания до уровня тематически организованных оценочных векторов и ценностных доминант. Обозначенный метод позволил систематизировать все компоненты лингвоаксиосферы и провести комплексный сравнительный анализ аксиологического плана британского и американского драматургического дискурса. Кроме того, учитывались данные дискурс-анализа коммуникативных ситуаций, в ходе которых персонажи выражают своё позитивное или негативное отношение к собеседнику, ситуации или явлениям действительности.

Теоретической основой исследования выступили современные научные труды по лингвоаксиологической проблематике и аспектам изучения англоязычного драматургического дискурса. В частности, вопросы концептуализации ценностей в языке и речи представлены в работах В. И. Карасика [4], Е. Ф. Серебренниковой [7], И. В. Чекулая, О. Н. Прохоровой, И. А. Куприевой [10], В. А. Марьянчика [6]. Вариации выражения оценки в различных типах англоязычного дискурса разрабатываются в исследованиях Г. А. Шушариной [11], Р. Агсама и М. Озкана [12], Т. Ананко [13], Б. Дугласа и М. Жанг [14]. Различным аспектам англоязычного драматургического дискурса посвящены научные труды И. П. Зайцевой [2], А. В. Зиньковской [3], Е. С. Кубряковой и О. В. Александровой [5], М. Манолиу [15]. Соотнося категории

ценности и оценки, В. А. Марьянчик правомерно указывает на то, что, несмотря на достаточно ограниченное количество ценностей, актуализированных в пространстве определённого дискурса, их идентификация и определение их смыслового наполнения представляют собой существенную трудность [6, с. 156]. Исследователи (см., напр., [4, с. 25]) отмечают потенциальную возможность определения ценностной парадигмы социума при анализе высказываний с оценочным компонентом, однако до настоящего момента не было представлено системных исследований по обозначенному научному вопросу. В частности, ещё не проводилось сравнительно-сопоставительного изучения британской и американской лингвоаксиосферы на материале драматургического дискурса. Обозначенный анализ аксиосферы родственных лингвокультур должен способствовать лучшему пониманию принципов организации социальной жизни в целом, а также определению тенденций развития системы ценностных ориентиров англоязычного социума и лингвистических способов их репрезентации.

Результаты и дискуссия

Лингвоаксиосфера, представленная в современном англоязычном драматургическом дискурсе, являет собой многоуровневое образование, где в качестве лингвистической основы выступает система оценочных маркеров, функционирующих в пределах пейоративных и мелиоративных оценочных высказываний и формирующих их коммуникативный центр. Включаясь в оценочные сообщения в пределах стилизованной коммуникации, оценочные маркеры могут дополняться средствами моделирования интенсивности оценочного смысла, т. е. разноплановыми интенсификаторами и деинтенсификаторами. К лингвистическому уровню аксиологической системы также относятся стилистические приёмы, например, метафоры, которые приобре-

тают очевидный оценочный потенциал в стилизованной коммуникации, представленной драматургическим дискурсом [8]. Следующий уровень лингвоаксиосферы занимают оценочные векторы, актуализирующие отношение к одному и тому же оценочному объекту в формате тематически обусловленных оценочных сообщений в пределах существенного количества коммуникативных ситуаций. Группа тематически организованных оценочных векторов выступает в качестве смыслового наполнения ценностной доминанты, выстраивая, таким образом, третий уровень лингвоаксиосферы – уровень ценностных доминант, набор которых специфичен для лингвокультурного сообщества определённого исторического периода. Далее ряд ценностных доминант, однородных по своему смысловому наполнению в нескольких лингвокультурных сообществах, формируют высший уровень лингвоаксиосферы, а именно уровень ценностных абсолютов, т. е. аксиологических доминант, обладающих универсальным характером в пределах обозначенных лингвокультур.

Анализ парадигмы лингвистических оценочных маркеров

Сравнительный анализ лингвистических оценочных маркеров в британском и американском драматургическом дискурсе XX в. отразил значительное сходство в парадигме оценочных средств, которая объединяет позитивно- и негативно-оценочные лексемы, принадлежащие к различным частям речи. Ядро системы занимают оценочные прилагательные, с помощью которых коммуниканты имеют возможность кратко и выразительно высказать своё отношение к объекту оценки. Имена прилагательные функционируют в качестве аксиологического смыслового центра в 50% оценочных высказываний, представленных в британском драматургическом дискурсе, и в 44% соответствующих сообщений в пределах американского драматургиче-

ского дискурса. Следующим по частотности классом выступают имена существительные (19% и 20% соответственно), а также комбинированные оценочные комплексы, в которых оценочные лексические единицы различных частей речи употребляются совместно ради существенного усиления интенсивности выражаемой оценки. Периферию системы оценочных средств составляют оценочные глаголы и наречия.

Средства интенсификации и деинтенсификации оценки в рамках коммуникативного сообщения также являются частью системы оценочных средств как лингвистической основы аксиосферы. Их функциональные особенности тяготеют к схожим характеристикам в британском и американском дискурсе. Число случаев аксиологической интенсификации (например, использование лексических детерминантов и приёма синонимической конденсации оценочных маркеров) значительно превышает частотность использования лингвистических средств деинтенсификации, к которым, в частности, относятся лексические аппроксиматоры, вводные конструкции, мотивирующие высказывания. Расхождение в частотности употребления интенсификаторов и деинтенсификаторов может быть обусловлено тенденцией стилизованного коммуникативного пространства к повышенной экспрессивности и эмоциональности, т. е. склонности говорящих скорее подчёркивать выражаемое оценочное отношение, нежели смягчать его. Участники стилизованного диалога стремятся максимально выразительно передать эмоциональное оценочное отношение, что на лингвистическом уровне зачастую требует дополнительной интенсификации. Тем не менее и в британской, и в американской лингвоаксиосферах наблюдается функционирование многоплановых типов оценочного моделирования.

Различия британской и американской лингвоаксиосфер на уровне лингвистических оценочных средств и оценочных вы-

сказываний заключаются, главным образом, в распределении оценочных знаков. И в том, и в другом случае отрицательная оценка доминирует над положительной, однако, в британском драматургическом дискурсе негативно-оценочные высказывания составляют 71% от общего числа оценочных сообщений, 29% составляют позитивно-оценочные высказывания, в то время как в американском драматургическом дискурсе соответствующие показатели составляют 64,5% и 35,5%. Американская лингвоаксиосфера, таким образом, включает в себя большую долю мелиоративной оценки по сравнению с британской лингвоаксисферой, т. е. представители американского лингвокультурного сообщества чаще выражают похвалу, способствующую благоприятному течению диалога и поддержанию ситуации коммуникативного сотрудничества, по сравнению с британским стилизованным коммуникативным пространством. Критические сообщения с негативно-оценочными маркерами в качестве коммуникативных центров высказываний, тем не менее, превалируют в обоих обозначенных лингвокультурных сообщениях.

Анализ уровня оценочных векторов и уровня ценностных доминант

Переходя к уровню оценочных векторов и ценностных доминант, следует указать, что в ходе исследования было выделено 8 ценностных доминант в британской лингвоаксиосфере и 10 ценностных доминант в американской лингвоаксиосфере, часть из которых имеет выраженный национальный характер и не дублируется в родственном лингвокультурном социуме, часть – обладают определённым сходством, но варьируется по содержанию, и наконец, часть – совпадает полностью и на этом основании относится к разряду ценностных абсолютов.

В британском драматургическом дискурсе XX в. в качестве национально специфичных аксиологических ориентиров

выступили ценностные доминанты «КАРЬЕРА» и «ПЕРЕМЕНЫ». Ценностная доминанта «КАРЬЕРА» актуализируется в значительном количестве разнородных коммуникативных ситуаций и вербализуется через такие оценочные векторы, как «карьерный рост», «деньги», «слава», «признание», «талант». Оценочные векторы раскрываются, например, при помощи включения в высказывания таких позитивно-оценочных лингвистических маркеров, относящихся к различным частям речи, как *“a brilliant career”, “original work”, “rich and famous”, “a famous actress”, “wonderful chances”, “triumphs”, “have been knighted”, “admired”*. Одновременно с этим указанные оценочные векторы могут быть вербализованы при помощи лингвистических средств с противоположным оценочным знаком: *“a dismal failure”, “not talented enough”*. В основном при лингвистической актуализации оценочных векторов задействована ингерентная оценка, однако встречаются единичные случаи адгерентной оценки, когда при включении в стилизованный диалог оценочный потенциал приобретает нейтральная лексическая единица, зачастую функционирующая комбинаторно с другой, оценочной, лексемой: *DR. KIRBY: ... You have your profession. You're enjoying life* (Priestley, p. 96).

В репрезентации ценностной доминанты «ПЕРЕМЕНЫ», характерной для британской лингвоаксиосферы, задействованы 4 оценочных вектора, а именно «новые технологии», «ускорение жизни», «непредсказуемость жизни» и «стагнация жизни в провинции». Они представлены в драматургическом дискурсе через комбинирование позитивно- и негативно-оценочных высказываний, соотношение которых зависит от возраста персонажей, их принадлежности к определённому социальному классу, а также от накопленного на момент коммуникации жизненного опыта. Например, оценочный вектор «новые технологии» вербализован с помощью позитивно-оценочных

маркеров в речи молодых образованных людей, обсуждающих телефон как современное средство связи, однако в высказываниях пожилой женщины тема получает отрицательное маркирование: SARAH: *If it's worth saying, it's worth saying properly, instead o' gabbling into a daft machine* (Priestley, p. 106).

Для американской лингвоаксиосферы национально специфичными ценностными доминантами, актуализированными в драматургическом дискурсе XX в., выступили «УДАЧА», «БОГАТСТВО». «КОМФОРТ» и «ПАТРИОТИЗМ». Первая ценностная доминанта репрезентирована в виде набора из трёх оценочных векторов: «удача в финансах», «удача в азартных играх» и «удача в любви». Ценностная доминанта «БОГАТСТВО» формируется как совокупность пяти оценочных векторов: «недвижимость», «прибыльных бизнес», «драгоценности», «дорогая одежда», «наличные деньги»: (1) STANLEY: *And what have we here? The treasure chest of a pirate! ... And diamonds! A crown for an empress!* (Williams, p. 18); (2) STELLA: *I guess that money is always nice to get hold of* (Williams, p. 37). Приведённые примеры показывают, что оценочные маркеры, посредством которых актуализированы релевантные оценочные векторы, относятся к разным частям речи; они могут быть представлены метафорической номинацией, а также могут быть интенсифицированы или деинтенсифицированы за счёт вспомогательных средств оценочного моделирования. Ценностные доминанты «УДАЧА» и «БОГАТСТВО» характеризуются соположением оценочных векторов «удача в финансах» и «наличность», что доказывает комплексный характер данного аксиологического уровня. «КОМФОРТ» как ценностный ориентир раскрывается через оценочные векторы «личный комфорт» и «неудобства для других», каждый из которых репрезентирован через соответствующие оценочные маркеры: (1) STANLEY: *Be comfortable is my motto* (Williams, p. 14); (2) BLANCHE:

I thought I would if it's not inconvenient for you all (Williams, p. 15). Ценностная доминанта «ПАТРИОТИЗМ» реализуется посредством таких оценочных векторов, как «величие Америки» и «американское гражданство». Указанные оценочные векторы особенно ярко проявляются в позитивно-оценочных высказываниях Стэнли, потомка польских иммигрантов, относительно недавно ставших американскими гражданами: STANLEY: *... But what I am is a one hundred percent American, born and raised in the greatest country on earth and proud as hell of it, so don't ever call me a Polack* (Williams, p. 64).

Ценностные доминанты, которые имеют частичное совпадение в британской и американской лингвоаксиосфере, обозначены как «ДОМ», «СЕМЬЯ» и «ДЖЕНТЛЬМЕН». В обоих лингвокультурных сообществах в структуру ценностной доминанты «ДОМ» входят оценочные векторы «уют» и «родовое гнездо», при этом прочие оценочные векторы разнятся. Для представителей британского лингвокультурного сообщества «ДОМ» зачастую подразумевает возвращение к беззаботности детства или юности, а тоска по дому сродни ностальгии, т. е. обозначенная ценностная доминанта имеет абстрактные духовные основы, что подтверждается следующими примерами: (1) STELLA: *I was nearly dying of homesickness when I wrote that letter* (Priestley, p. 69); (2) DR. KIRBY: *I've had a good life here. Your mother and I were happy. We'd all the friends we wanted. This has been a real home* (Priestley, p. 76). В пределах американской лингвоаксиосферы ценностная доминанта «ДОМ» основывается на более приземлённых, практических понятиях, таких как чистота и порядок в доме, размер и географическое расположение недвижимости: EUNICE (*defensively, noticing Blanche's look*): *It's sort of messed up right now but when it's clean it's real sweet* (Williams, p. 5).

Функционирование ценностной доминанты «СЕМЬЯ» в британском драма-

тургическом дискурсе осуществляется через набор таких оценочных векторов, как «взаимная поддержка», «время с семьёй», «любовь», «семейные конфликты», «отношения между родственниками», «друзья семьи», что на уровне оценочных высказываний выражается через актуализацию как мелиоративной, так и пейоративной оценки, в зависимости от личного жизненного опыта коммуникантов: (1) *STELLA: It's all a muddle [about her marriage and relations with her husband]. Let's stop talking about it* (Priestley, p. 81); (2) *MISS M. Then there'd be three pairs of adoring husbands and wives. ... I'm almost prepared to marry Charles Stanton myself to be one of your charmed circle* (Priestley, p. 20). В американской лингвоаксиосфере при реализации данной ценностной доминанты задействован к тому же оценочный вектор «страсть между супругами», а также оценочные векторы, отражающие тему семейного насилия: *MITCH: Ho-ho! There's nothing to be scared of. They're crazy about each other. Naw, it's a shame this had to happen when you just got here. But don't take it serious. BLANCHE: Violence!* (Williams, p. 34)

Ценностную доминанту «ДЖЕНТЛЬМЕН» можно признать одной из ведущих в британской лингвоаксиосфере по количеству и разнообразию формирующих её ценностных смыслов. В британском драматургическом дискурсе образ джентльмена как социальный ценностный ориентир представлен большим числом дробных оценочных векторов, объединяющих различные нравственные качества (смелость, здравомыслие, доброта) и принципы поведения (тактичность, вежливость, внимательность, спокойствие в сложной ситуации, чувство юмора и т. д.), при этом каждый оценочный вектор получает достаточное освещение в британской стилизованной коммуникации. В американской лингвоаксиосфере данная ценностная доминанта представлена достаточно схематично и предполагает актуализацию ограни-

ченного количества оценочных векторов, а именно «интеллект», «утончённость», «уважение к женщине». Такая разница в смысловом наполнении ценностной доминанты объясняется историческими и культурными условиями жизни британского и американского общества: в Британии джентльмен традиционно подразумевает аристократическое происхождение, соответствующее образование, воспитание и стиль жизни, в то время как в США романтизированный образ джентльмена прежде всего стереотипно связан с вежливым поведением в обществе: *BLANCHE: Thank you, sir! I appreciate your gallantry!* (Williams, p. 30)

Ценностными абсолютами, представленными как в британской, так и в американской лингвоаксиосферах, и равными по содержанию, выступили такие ценностные доминанты, как «ИСТИНА», «ВНЕШНОСТЬ», «ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО». Ценностный абсолют «ИСТИНА» репрезентирован в стилизованной коммуникации через оценочные векторы «факты», «честность», «откровенность», «ложь», «тайна». В обоих лингвокультурных сообществах достоверная информация, честное поведение и прямолинейный разговор признаются значимыми ценностными ориентирами: (1) *DR. KIRBY: That's all right. It's all old history now. We can talk frankly and freely now* (Priestley, p. 75); (2) *BLANCHE: You're simple, straightforward and honest* (Williams, p. 21).

Ценностная доминанта «ВНЕШНОСТЬ» подразумевает сочетание физической привлекательности, молодости и красивой одежды. Актуализация указанной ценностной парадигмы зачастую происходит за счёт противопоставления позитивной оценки коммуникантов, обладающих обозначенными характеристиками, и негативной оценки (возможно, самооценки) людей с отсутствием искомым черт: (1) *FARRANT: ... Matter of fact, you're looking prettier than ever* (Priestley, p. 82); (2) *BLANCHE: God love you for a liar!*

Daylight never exposed so total a ruin! But you – you've put on some weight, yes, you're just as plump as a little partridge! And it's so becoming to you! (Williams, p. 9)

«ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО» как ценностный абсолюте не характеризуется большим количеством оценочных векторов и подразумевает неприкосновенность личных вещей, невмешательство в личные дела других и возможность при необходимости побыть в одиночестве. Как в британском, так и в американском драматургическом дискурсе негласное правило не вмешиваться в дела других зачастую репрезентировано в коммуникативных ситуациях, участниками которых являются члены одной семьи: *LILLIAN: I've not the least desire to read your letters. STELLA: It was no business of yours. ... You'd no right to interfere* (Priestley, p. 101). Приведённый стилизованный диалог происходит между сёстрами, после того как одна из них, Лилиан, воспользовалась личной информацией о Стелле в собственных целях. В американской стилизованной коммуникации указанный ценностный ориентир может быть также актуализирован через указание на важность личного пространства в доме или невмешательства в частные дела со стороны посторонних людей: (1) *BLANCHE: When I think of how divine it is going to be to have such a thing as privacy once more – I could weep with joy!* (Williams, p. 73). Таким образом, в американском драматургическом дискурсе ценностная доминанта «ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО» получает чуть более широкое освещение по сравнению с британским дискурсом.

Выводы

В целом, лингвоаксиосфера определяет мировоззрение представителей каждого лингвокультурного сообщества, при этом язык предлагает неисчерпаемые возможности для ценностно-оценочной вербализации в различных моделях высказываний. Англоязычный драматургический дискурс можно признать пространством адекватной лингвистической репрезен-

тации фрагмента аксиосферы в терминах оценочных сообщений, при оформлении которых коммуниканты используют элементы системы оценочных маркеров в соответствии с дискурсивными параметрами коммуникативной ситуации.

Высказываемые оценки в пределах дискурсивно обусловленных индивидуальных оценочных сообщений могут быть систематизированы по их принадлежности к оценочным векторам, т. е. множеству направлений и тем, интересующих коммуниканта настолько, что они подвергаются оценочному осмыслению. Оценочный вектор, который правомерно будет определить как совокупность оценочных суждений, высказанных несколькими коммуникантами на одну и ту же тему, может быть актуализирован в пределах одной коммуникативной ситуации, а обычно является рассредоточенным по нескольким коммуникативным ситуациям в пределах пространства драматургического диалога. Оценочные векторы, репрезентированные в речи значительного числа коммуникантов, выстраивают ценностные доминанты, которые, в свою очередь, составляют аксиосферу, актуальную для всех представителей лингвокультурного социума.

Проведённое исследование показало, что частотность употребления оценочных средств разных частей речи примерно одинакова в британском и американском драматургическом дискурсе, что обусловлено семантической спецификой каждой части речи и её большим или меньшим потенциалом при реализации оценочной функции в коммуникации. Ядро системы лингвистических оценочных средств занимают оценочные прилагательные, оценочные существительные и комбинированное использование оценочных лексических единиц в пределах одного сообщения. Средства лингвоаксиологического моделирования распределены со значительным перевесом в сторону оценочной интенсификации, представленной разноуровневыми язы-

ковыми средствами. При этом британский и американский драматургический дискурс характеризуются примерно равным качественно-количественным составом оценочных интенсификаторов и деинтенсификаторов.

На уровне ценностных доминант лингвоаксиосферы было выявлено, что значительная часть аксиологических ориентиров, репрезентированных в британском и американском драматургическом дискурсе обозначенного временного периода, совпадает, т. е. аксиосфера фрагментарно тяготеет к лингвокультурной универсальности, что позволяет говорить о наличии аксиологических абсолютов. Другая часть ценностных доминант формально совпадает, но имеет различия в наполнении ценностными смыслами, что отражается в различном наборе

оценочных маркеров, обеспечивающих смысловое наполнение ценностных доминант. Наконец, ряд ценностных доминант имеет национальную специфику и, соответственно, находит своё отражение только в британском или американском драматургическом дискурсе. Таким образом, англоязычная лингвоаксиосфера характеризуется комплексной многоуровневой структурой, что обусловлено одновременным функционированием универсальных и национально-специфичных ценностных доминант, которые репрезентированы в драматургическом диалоге речи при помощи множества оценочных векторов, актуализированных в сообщениях с релевантными оценочными маркерами.

Статья поступила в редакцию 13.05.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракелова А. Р. Формирование профессиональной идентичности индивида посредством аксиологической концептосферы // Университетские чтения – 2019: материалы научно-методических чтений ПГУ. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2019. С. 185–189.
2. Зайцева И. П. О своеобразии проявления эстетической функции в современном драматургическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 673–686. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-673-686
3. Зиньковская А. В. Драматургический дискурс как статусно новое дискурсивное образование // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2015. № 2 (153). С. 36–42.
4. Карасик В. И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения // Гуманитарные технологии в современном мире: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Калининград: Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. С. 22–25.
5. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Драматургические произведения как особый объект дискурсивного анализа (к постановке проблемы) // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 2008. № 4 (67). С. 3–10.
6. Марьянчик В. А. Аксиологический потенциал формы медиаполитического текста // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2015. Т. 14. № 6. С. 151–156.
7. Серебренникова Е. Ф. Введение // Лингвистика и аксиология: энтосемиотрия ценностных смыслов: монография / Е. Ф. Серебренникова, Н. П. Антипов, Л. Г. Викулова и др. М.: Тезаурус, 2011. С. 3–6.
8. Старостина Ю. С. Аксиологический потенциал метафор в современном англоязычном драматургическом дискурсе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 4. С. 128–135. DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-4-128-135.
9. Тимофеев А. В. Аксиологическое измерение бытия человека: цели, ценности, абсолюты // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 1 (51). С. 32–42.
10. Чекулай И. В., Прохорова О. Н., Куприева И. А. Дифференциация категорий эмоции и оценки (на материале словосочетаний английского языка, передающих эмоциональные реакции) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 38. № 1. С. 80–87. DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-1-80-87.

11. Шушарина Г. А. Репрезентация ценностей в дискурсивном пространстве разового политического дискурса // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2020. № 4 (44). С. 20–26.
12. Ağcam R., Özkan M. A Corpus-based Study on Evaluation Adjectives in Academic English // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 199. Iss. 12: The Proceedings of the 1st GlobELT Conference on Teaching and Learning English as an Additional Language. P. 3–11. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.07.480.
13. Ananko T. The category of evaluation in political discourse // *Advanced Education*. 2017. Vol. 4. Iss. 8. P. 128–137. DOI: 10.20535/2410-8286.108550.
14. Douglas B., Zhang M. Expressing Evaluation without Grammatical Stance: Informational Persuasion on the Web // *Corpora*. 2018. Vol. 13. Iss. 1. P. 97–123. DOI: 10.3366/cor.2018.0137.
15. Manoliu M. N. The Dramatic Discourse // *International Journal of Communication Research*. 2016. Vol. 6. Iss. 1. P. 23–27.

REFERENCES

1. Arakelova A. R. [Formation of the professional identity of the individual through the axiological conceptual sphere]. In: *Universitetskiye chteniya – 2019: materialy nauchno-metodicheskikh chteniy PGU* [University readings – 2019: materials of scientific and methodological readings of Pyatigorsk State University]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State University Publ., 2019, pp. 185–189.
2. Zaitseva I. P. [About the originality of the aesthetic function manifestation in modern dramatic discourse]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2019, vol. 10, no. 3, pp. 673–686. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-673-686.
3. Zin'kovskaya A. V. [Dramatic discourse as a basically new discursive formation]. In: *Vestnik Adygheiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [The Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism], 2015, no. 2 (153), pp. 36–42.
4. Karasik V. I. [Values as Culturally Significant Guidelines for Behavior]. In: *Gumanitarnye tekhnologii v sovremennom mire: sbornik materialov VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Humanitarian technologies in the modern world: Abstracts of the VII International Scientific and Practical Conference]. Kaliningrad, Western Branch of RANEPa Publ., 2019, pp. 22–25.
5. Kubryakova E. S., Aleksandrova O. V. [Dramatic works as a special object of discourse analysis (to the statement of the problem)]. In: *Izvestiya Rossiiskoi Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [The bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in literature and language], 2008, no. 4 (67), pp. 3–10.
6. Mar'yanchik V. A. [Axiological potential of a media-political text's form]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2015, vol. 14, no. 6, pp. 151–156.
7. Serebrennikova E. F. [Introduction]. In: Serebrennikova E. F., Antip'ev N. P., Vikulova L. G. et al. *Lingvistika i aksiologiya: entosemiometriya tsennostnykh smyslov* [Linguistics and axiology: entosemiometry of value meanings]. Moscow, Tezaurus Publ., 2011, pp. 3–6.
8. Starostina Yu. S. [Axiological potential of metaphors in modern English drama]. In: *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2020, vol. 26, no. 4, pp. 128–135. DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-4-128-135.
9. Timofeev A. V. [Axiological dimension of human being: goals, values, absolutes]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Tver State University Vestnik. Series: Philosophy], 2020, no. 1 (51), pp. 32–42.
10. Chekulai I. V., Prokhorova O. N., Kuprieva I. A. [The differentiation of the categories “emotion” and “evaluation” (the English word- combinations describing the emotional reactions)]. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Humanities], 2019, vol. 38, no. 1, pp. 80–87. DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-1-80-87.
11. Shusharina G. A. [Value representation in the one-time political discourse]. In: *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Scholarly Notes of Komsomolsk-na-Amure State Technical University], 2020, no. 4 (44), pp. 20–26.

12. Ağcam R., Özkan M. A Corpus-based Study on Evaluation Adjectives in Academic English. In: *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 199, Iss. 12, pp. 3–11. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.07.480.
13. Ananko T. The category of evaluation in political discourse. In: *Advanced Education*, 2017, vol. 4, iss. 8, pp. 128–137. DOI: 10.20535/2410-8286.108550.
14. Douglas B., Zhang M. Expressing Evaluation without Grammatical Stance: Informational Persuasion on the Web. In: *Corpora*, 2018, vol. 13, iss. 1, pp. 97–123. DOI: 10.3366/cor.2018.0137.
15. Manoliu M. N. The Dramatic Discourse. In: *International Journal of Communication Research*, 2016, vol. 6, iss. 1, pp. 23–27.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Старостина Юлия Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева;
e-mail: juliatim@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Julia S. Starostina – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English Philology, Samara National Research University;
e-mail: juliatim@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Старостина Ю. С. Репрезентация британской и американской лингвоаксиосферы в драматургическом дискурсе XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 5. С. 24–35.
DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-24-35

FOR CITATION

Starostina J. S. Representation of British and American linguo-axiosphere in drama discourse of the 20th century. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 5, pp. 24–35.
DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-24-35

УДК 811.133.1: 81`36

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-36-45

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРЯМЫМ ПОРЯДКОМ СЛОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ XI–XVII ВЕКОВ)

Зубкова М. Н.¹, Дроздова Ю. А.²

¹ *Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

² *Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития
Российской Федерации
1192856, г. Москва, Воробьевское ш., д. 6А, Российская Федерация*

Аннотация

Целью написания настоящей статьи выступает выявление основных характеристик общевопросительных предложений с прямым порядком слов во французском языке в аспекте диахронии. Рассматривается эволюция семантико-грамматических особенностей вопроса SV-типа в период с XI по XVII вв. Анализируются отличия вопросительной конструкции с прямым порядком слов от вопроса с инверсией с точки зрения семантики и синтаксиса.

Процедура и методы. Авторами проанализирован значительный корпус примеров из текстов художественной литературы XI–XVII вв., полученных методом сплошной выборки. Методологической базой исследования являлись: сравнительно-сопоставительный метод, метод лингвистического наблюдения и описания, приёмы контекстного, коммуникативно-прагматического и контрастивного анализа изучаемых явлений в синхронии и диахронии.

Результаты. В процессе исследования были выявлены основные отличия вопроса с прямым порядком слов от вопроса с инверсией, с одной стороны, и от повествовательного предложения, с другой стороны. Было доказано, что предпочтение структуры SV объясняется рядом взаимообусловленных факторов как структурно-семантического, так и прагматико-социолингвистического характера.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты исследования могут быть использованы при преподавании курса истории французского языка, в спецкурсах по теоретической грамматике на уровне старших курсов бакалавриата, а также в магистратуре.

Ключевые слова: общевопросительное предложение, прямой порядок слов, вопросительная целеустановка, запрос подтверждения информации, вопросительная конструкция, инверсия

FUNCTIONS OF GENERAL QUESTIONS WITH DIRECT WORD ORDER IN FRENCH (BASED ON LITERARY TEXTS OF THE 11TH–17TH CENTURIES)

M. Zubkova¹, Yu. Drozdova²

¹ *Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76 prospekt Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation*

² *Russian Foreign Trade Academy
6A Vorob'evskoe shosse, Moscow 1192856, Russian Federation*

Abstract

Aim. The following article presents the analysis of main characteristics and distinctive features of interrogative sentences with direct word order in French language in diachronic aspect. Evolution of semantic and grammar particularities of SV-type question in XI–XVII centuries is considered. Semantic and syntactic differences of interrogative construction with direct word order and interrogative with inversion are analyzed.

Methodology. An important corpus of examples from belles-lettres of XI–XVII centuries chosen by continuous sampling method was analyzed. The methodological basis of the research are: contrastive-comparative method, linguistic notice and description method, context, communicative-pragmatic and contrastive analysis of studied facts in synchronic and diachronic aspects.

Results. The analysis detected main differences of interrogative with direct word order from interrogative with inversion to the one hand and from narrative sentence to the other hand. The research proved that the predilection of SV structure is explained by some interdependent structural-semantic and pragmatic-sociolinguistic factors.

Research implications. The research results can be used in teaching of French language history and special courses of theoretical grammar at the bachelor and master levels.

Keywords: general interrogative, direct word order, interrogative object, request for confirmation, interrogative construction, inversion

Введение

Порядок слов относится к хорошо изученным явлениям французского синтаксиса. В работах как отечественных, так и зарубежных авторов не раз ставился вопрос о положении главных и второстепенных членов в предложении, а также о факторах, влияющих на порядок слов [1–6; 10; 12; 14; 17; 18].

В современном французском языке порядок слов – *Sujet-Verbe-Complément* – является нормой для повествовательного предложения, однако возможное построение вопросительного предложения с прямым порядком слов приводит к тому, что границы между вопросительным и повествовательным предложениями размываются. С этой тенденцией связан ряд теоретических и практических проблем,

которые требуют решения, причём не только в плане синхронии, но и в плане диахронии.

Целью исследования, послужившего основой данной статьи, выступают выявление основных семантических, синтаксических и прагматических особенностей общевопросительных предложений с прямым порядком слов во французском языке в диахронном аспекте, а также разграничение вопросительной конструкции типа SV и вопроса с инверсией или *est-ce que*, с одной стороны, и повествовательного предложения, с другой стороны.

Анализ был проведён на материале корпуса примеров из текстов XI–XVII вв., полученных методом сплошной выборки.

Методологическую базу исследования составили: сравнительно-сопоставитель-

ный метод, метод лингвистического наблюдения и описания, приёмы контекстного, коммуникативно-прагматического и контрастивного анализа изучаемых явлений в синхронии и диахронии.

Основные отличия вопроса типа SV от конструкций с инверсией или *est-ce que* и от повествовательного предложения

Как показало проведённое исследование, общевопросительное предложение с прямым порядком слов характеризуется рядом отличительных черт с точки зрения семантики, прагматики и функциональной целеустановки, что позволяет отграничить вопрос SV-типа как от повествовательного предложения, так и от вопроса с инверсией или *est-ce que*.

Основное значение интеррогатива – это направленность на поиск информации, т. е. на восполнение отсутствующих у говорящего сведений об объекте разговора. Лингвисты говорят об “*interrogation dubitative*”, где говорящий указывает собеседнику, что он не может в полной мере судить о правдивости предмета разговора [15]. Это значение присуще конструкции с инверсией или оборотом *est-ce que*.

Вопрос с SV отличается от данных типов вопросов прежде всего по своей функции. Как отмечает Н. М. Васильева, у структуры с прямым порядком слов ослабляется вопросительная целеустановка: “... *la valeur interrogative de la phrase s'affaiblit ou s'efface complètement et devient proche de l'assertion*” [3, с. 27]. Значением SV оказывается в таком случае запрос подтверждения информации (“*la demande de la confirmation*”). В связи с этим, использование вопросительного предложения типа SV исключено в высказываниях со значением сомнения, когда собеседник хочет найти ответ на свой вопрос и сам не склоняется к какому-либо определённом варианту [15].

Интересен анализ, проведённый М.-Б. М. Хансен, которая рассматривает функции инверсии, *est-ce que* и прямого

порядка слов с точки зрения диалогического взаимодействия (*interaction*) на базе диалогов устной речи. Автор выделяет две прагматические функции вопросов: “1. *The speaker is signaling to the hearer that it is relevant for someone (prototypically, but not necessarily the speaker herself) to wonder about the validity of the proposition expressed*. 2. *The speaker is appealing to the hearer for a reaction to that proposition*” (1. Адресант сигнализирует адресату, что кто-либо (не обязательно сам адресант) интересуется истинностью того или иного предложения. 2. Адресант призывает адресата отреагировать каким-либо образом на это предложение.) [15, с. 467]. По мнению исследователя, вопрос SV выполняет вторую функцию, и он более типичен в общении между людьми, которые являются близкими друзьями или принадлежат к одному социальному классу.

Что же касается определённой близости структур общего вопроса с прямым порядком слов и повествовательного предложения, необходимо учитывать ряд факторов, позволяющих провести некоторую границу между ними.

Отличительным признаком вопросительного предложения может служить вопросительный знак на письме и восходящая интонация – в устной речи [13, р. 1227; 20, р. 391; 3, с. 24]. Однако важно подчеркнуть, что многие авторы ставят под сомнение релевантность фонетического критерия [8, р. 120–130; 21]. Экспериментальные исследования показывают, что мелодический рисунок высказывания зависит от многих факторов (“... *l'intonation renseigne sur l'attitude du locuteur, sur ses connaissances, et même sur la dimension dialogique*” («... интонация говорит об отношении адресанта, его знаниях и даже об особенностях диалогической речи»)) [7, р. 51]), поэтому восходящая интонация не является однозначным показателем общего вопроса.

Таким образом, отличия общего вопроса структуры SV от повествовательного предложения минимальны, поскольку

ни пунктуационный, ни фонетический критерии не являются однозначными.

Учитывая ряд схожих признаков с повествовательным предложением, можно говорить о том, что вопрос SV занимает промежуточное положение между утверждением и собственно вопросом. Его основным значением, в отличие от инверсии и оборота *est-ce que*, является запрос подтверждения информации.

**Результаты диахронного
исследования эволюции
вопросительной конструкции
SV-типа на основе анализа языкового
материала XI–XVII вв.**

Базируясь на результатах многочисленных статистических исследований, можно утверждать, что в современном языке вопрос с прямым порядком слов является доминирующим типом [6; 11; 15; 19]. Подобное явление объясняется логикой исторического развития языка. Об этом говорит Л. Фуле (L. Foulet): “... de 1350 à 1650 l’effort de la langue a consisté principalement à faire triompher l’ordre sujet-verbe-complément, en d’autres termes à se débarrasser tant bien que mal des nombreuses inversions dont elle avait hérité et qui étaient désormais contraires à son génie” («... в период с 1350 по 1650 гг. развитие языка привело к повсеместному распространению порядка слов ‘подлежащее – сказуемое – прямое дополнение’ другими словами, язык избавился в определённой степени от многочисленных видов инверсий, которые он унаследовал и которые противоречили его сути» [9, p. 262]). Так, эволюция порядка слов во французском вопросительном предложении шла по пути от VSC к SVC в общем вопросе, и от схемы QVS к SVQ – в частном.

Наиболее ранней формой построения вопроса являлась, безусловно, инверсия, и вплоть до XV в. она оставалась наиболее типичным средством выражения значения вопросительности.

Как отмечают исследователи, прямой порядок слов появляется сначала в при-

даточных предложениях (уже в XII в.), в том числе в косвенных вопросах. В простом вопросительном предложении подобная структура начинает широко использоваться с XVII в. [13, p. 1227; 16, p. 76]. Таким образом, придаточное предложение предвещает развитие независимых предложений в плане порядка слов.

Это положение подтверждается результатами анализа значительного корпуса фактического материала. В процессе исследования было выявлено, что конструкция с прямым порядком слов встречается в составе сложносочинённого вопросительного предложения, а именно, во второй его части, в то время как в первой части содержится инверсия. Данное явление зафиксировано в текстах разных периодов (с XII по XIV вв.).

A) *Dunc, n’este-vos li plus vaillant,*

E nos sumes li meins puissant ?

N’est’os meuz nez, plus hauz de nos,
*Plus forz et plus chevaleros ?*¹ – XII в.

B) *Suesfrent il tuit aussi si grant dolor,*

*Ou il dient le mal q’il ont d’amor?*² – XIII в.

C) *Fait il le sourt, ou il est mounres?*³ – XIV в.

В ходе анализа художественных текстов установлено, что прямой порядок слов в простых общевопросительных предложениях эпизодически встречается уже в XII в. В старофранцузском языке такое построение предложения было характерно для т. н. «вопросов-эхо» или восклицательных предложений.

“*Je le te dirai,*” *fait Merlins,* “*car je sai bien que tu me veuls demander.*” “*Tu le sés?*” *fait li rois:* “*encore ne le t’ai je pas dit*”⁴.

¹ Benoît de Sainte-Maure. Chronique des ducs de Normandie. Vol. II / publ. d’après un manuscrit de musée britannique par Francisque Michel. Paris: Imprimerie Royale, 1838. P. 308.

² Les chansons de Thibaut de Champagne, roi de Navarre / ed. critique, publiée par A. Wallensköld. Paris: Librairie Ancienne Édouard Champion, 1925. P. 153.

³ Miracles de Nostre-Dame, par personnages. T. 2 / publiés d’après le ms. de la Bibliothèque nationale, par G. Paris, U. Robert. Paris: Librairie de Firmin Didot et Cie, 1877. P. 44.

⁴ Robert de Boron. Merlin: roman en prose du XIIIe siècle. T. 2 / publ. avec la mise en prose du poème de Merlin de Robert de Boron d’après le manuscrit ap-

В XIV–XV вв. сфера употребления прямого порядка слов в вопросе расширяется. Основными контекстами для данных структур в этот период являются следующие:

1. Структура SV используется в случае, если говорящий просит у собеседника подтверждения информации, содержащейся в вопросе. Это значение можно считать основным и наиболее распространённым.

– *Et vous savez qu'elle est muette?*

Ne parle point.

– *Sire, ne me chaut de ce point,*

*Tout a un mot*¹.

В этом случае характерны вставки наречий типа *donc, alors*, что усиливает значение подтверждения.

Celi dist : Tu vels donc morir?

– *Osis seras, n'i pues faillir*².

Нагляден в этом плане диалог Христа с Пилатом, где последний просит, чтобы Тот признал свою вину.

– *Tu es donc roy?*

– *Tu le dis,*

*et m'as le nom de roy donné*³.

2. SV используется для выражения дополнительных значений (возмущения, удивления, недоумения и т. д.).

A) *Lors la dame respond et dit: Vraiment, mes chieres commeres et cousines, je ne scey que faire, et m'en ne scey chevir, tant est mal homme et divers. Il est mal homme, dit l'une d'elles*⁴

B) – *Pierre, il vous convient ensuivre:*

baillez vos piez, si le serez.

– *Ha ! sire, et vous me laverez les piez ? est ce chose advenant ?*

– *Ce que je te fais maintenant tu ne sces; après le scaras*⁵.

C) – *Ne vous souvient-il, fait-elle, comment je fus tant malade de noustre enfant, et que je me voué à Nostre- Dame du Puy ... ; et vous n'en faites compte? – Avoy, fait-il m'amie, ne savez-vous pas comment j'ay tant a fure que je ne scey auquel obéir*⁶

Вопрос часто сопровождается междометиями *comment, quoi, allons*.

*Comment donc, vous me laisserez, enfans, pour suir ung estrange*⁷?

Следующий пример является яркой демонстрацией чёткого семантического различия между вопросительной конструкцией с прямым порядком слов и с инверсией: говорящий пытается угадать, какой подарок приготовил его собеседник, последовательно задавая ему вопросы. Примечательно, что здесь сочетаются два указанных типа вопросов. Можно предположить, что в случае с SV говорящий уверен в том, что он даёт правильную версию и что его собеседник подтвердит его догадку. В случае же с инверсией у него нет такой уверенности.

– *J'ay bien advisé quel present je luy feray, qui sera digne.*

– *Quel, je te pry ?*

– *Or adevine,*

et tu orras bonne sornette.

– *Tu luy veulx donner ta houlette ou ton beau chapelet troué?*

– *Encor ne l'as tu pas trouvé:*

partenant à M. Alfred H. Huth par G. Paris, J. Ulrich. Paris: Librairie de Firmin Didot et Cie, 1886. P. 161.

¹ Miracles de Nostre-Dame, par personnages. T. 6 / publiés d'après le ms. de la Bibliothèque nationale, par G. Paris, U. Robert. Paris: Librairie de Firmin Didot et Cie, 1881. P. 72.

² Renaut de Beaujeu. Le bel inconnu ou Giglain fils de messire Gauvain et de la féé aux blanches mains: poème de la Table Ronde ([Fac-sim.]) / publ. d'après le manuscrit unique de Londres, avec une introd. et un glossaire par C. Hippeau. Paris: Chez Auguste Aubry, 1860. P. 26.

³ Le Mystère de la Passion, d'Arnoul Greban / publié d'après les manuscrits de Paris, avec une introduction et un glossaire. Paris: Gallimard, 1987. P. 281.

⁴ Les quinze joyes de mariage [attribuées à A. de La Sale] / nouv. éd., avec les variantes des anciennes éditions,

une notice bibliographique et des notes par P. Jannet. Paris: Chez P. Jannet Libraire, 1853. P. 29.

⁵ Le Mystère de la Passion, d'Arnoul Greban / publié d'après les manuscrits de Paris, avec une introduction et un glossaire. Paris: Gallimard, 1987. P. 233.

⁶ Les quinze joyes de mariage [attribuées à A. de La Sale] / nouv. éd., avec les variantes des anciennes éditions, une notice bibliographique et des notes par P. Jannet. Paris: Chez P. Jannet Libraire, 1853. P. 98.

⁷ Le Mystère de la Passion, d'Arnoul Greban / publié d'après les manuscrits de Paris, avec une introduction et un glossaire. Paris: Gallimard, 1987. P. 143.

*ma houlete m'est trop propice;
sans elle n'est riens que je fisse;
encore s'il la desiroit,
je me doute bien qu'il l'aroit...
– Luy donras tu ton chien?
– Nennin;
qui retourneroit mes brebis?
– Tu luy donras donc du pain bis
et des chastaignes ung grant mont?
– Nennil.
– Que luy donras tu dont?
– Je luy donray mon flageolet...¹*

3. В некоторых случаях вопросительное предложение с SV практически равно утверждению. Говорящий не спрашивает, а скорее с уверенностью утверждает, ожидая от своего собеседника согласия с высказанной точкой зрения.

*A) – Il fault donc dire que c'est Crist,
promis des prophutes haultains?
– C'est il, nous en sommes certains².*

*B) Et bon mary, de soy courroucer, qui
dist: Vous avez menty, paillarde! Vous l'avez
mengée ou caichée quelque part?³*

В XVI–XVII вв. общий вопрос с SV продолжает использоваться в типичной для него функции – запроса подтверждения информации:

*Entre autres un jour il lui dit: Vous estes
des champs, mamie? – Voire, Monsieur. – Je
m'en doutois bien⁴.*

*Oisille dist en riant: “Vous sçavez doncques
bien nager?”⁵*

Для структуры SV сохраняется дополнительное значение удивления или негодования:

*Comment, dist Epistemon, tout le monde
chevauchera, et je menerai l'asne?⁶*

Вопрос с прямым порядком слов встречается также в вопросах-переспросах:

*– Et si je ne me marie point? – Je n'y voi
inconvenient aulcun. – Vous n'y en voyez
point? – Nul⁷.*

Что касается морфосинтаксических особенностей общевпросительного предложения SV-типа в XI–XVII вв., то одним из его характерных признаков является местоименная природа подлежащего. Как правило, это местоимение 2-го лица, что объясняется преимущественным употреблением вопроса в рамках диалога.

Tu ne sez pas que il t'estuie?⁸

Встречается также местоимение 3-го лица, в составе безличных конструкций:

Il luy fault or? on le luy fourre!⁹

Именное подлежащее также не исключено, хотя и является менее типичным для вопросительного предложения с SV.

*– Et ainsi l'enfant a esté
par ce moyen mis en oubly?¹⁰*

Спецификой общих вопросов с прямым порядком слов (которая отличает их от других структурных типов вопроса) является оформление дополнительными лексико-грамматическими элементами, которые подчёркивают разную степень уверенности спрашивающего. Используя данные вставки, говорящий ожидает скорее утвердительного ответа на свой вопрос.

¹ Le Mystère de la Passion / d'Arnoul Greban, publié d'après les manuscrits de Paris, avec une introduction et un glossaire. Paris: Gallimard, 1987. P. 70.

² Le Mystère de la Passion / d'Arnoul Greban, publié d'après les manuscrits de Paris, avec une introduction et un glossaire. Paris: Gallimard, 1987. P. 73.

³ Les Cent Nouvelles nouvelles. Dites les Cent nouvelles du roi Louis XI. Paris: Delahays, 1858. P. 191.

⁴ Bérolalde de Verville F. Le moyen de parvenir. T. 1. Notice, variantes, glossaire et index des noms par Charles Royer, 1896. P. 80.

⁵ Marguerite de Navarre. L'Heptaméron des nouvelles. T. 2. Paris: Librairie des bibliophiles, 1880. P. 66.

⁶ Rabelais F. Oeuvres de François Rabelais, contenant la vie de Gargantua et celle de Pantagruel. Paris: Nouvelle Librairie Française, 1957. P. 131.

⁷ Rabelais F. Oeuvres de François Rabelais, contenant la vie de Gargantua et celle de Pantagruel. Paris: Nouvelle Librairie Française, 1957. P. 140.

⁸ Benoît de Sainte-Maure. Chronique des ducs de Normandie. Vol. II / publ. d'après un manuscrit de musée britannique par Francisque Michel. Paris: Imprimerie Royale, 1838. P. 223.

⁹ La farce de maître Pathelin. Paris: Gallimard, 1999. P. 18.

¹⁰ Le Mystère de la Passion, d'Arnoul Greban / publié d'après les manuscrits de Paris, avec une introduction et un glossaire. Paris: Gallimard, 1987. P. 119.

*Tu es doncques de sa maigrie,
son disciple, a ce que j'entens?*¹

В XV в. встречается выражение *faictes pas?*, которое можно считать предшественником современного *n'est-ce pas*:

*Or, Monseigneur, vous avez perdu la gai-
geure? Vous le congnoissez bien, faictes pas? –
Ouy, dist-il, c'est raison*².

Заключение

Как показало исследование, развитие общего вопроса во французском языке шло по пути от инверсии к прямому порядку слов, однако нельзя сказать, что прямой порядок слов полностью вытеснил инверсию, поскольку в современном языке несколько форм вопроса (SV, *est-ce que*, инверсия) сосуществуют. В то же время, каждая форма сохраняет свою специфику, которую нужно учитывать.

Согласно проведённому анализу, структура SV занимает промежуточное положение между собственно вопросом и повествовательным предложением. Существует ряд особенностей семантического, синтаксического и фонетического порядка, позволяющих разграничить общевпросительное предложение с прямым порядком слов и простое повествовательное предложение, с одной сторо-

ны, и такие структуры общего вопроса, как инверсия и оборот *est-ce que*, с другой стороны.

Исследование значительного корпуса фактического материала позволило выявить, что основным значением вопроса с SV является направленность на подтверждение запрашиваемой информации, и, как показывает анализ примеров художественной литературы XI–XVII вв., он используется в более широких контекстах по сравнению с *est-ce que* и инверсией, приобретая дополнительное значение удивления, недовольства и др.

Общевпросительная конструкция с прямым порядком слов способна сочетаться с дополнительными лексико-грамматическими элементами, усиливающими тот или иной семантический оттенок. Она может функционировать со вставками (*donc*, *alors*, *sûrement*), целью которых является стремление ориентировать, склонить собеседника к какому-либо ответу.

Таким образом, можно заключить, что тенденция увеличения доли структуры SV в вопросительных предложениях объясняется не столько стремлением избежать инверсии, сколько целой совокупностью разнообразных структурно-семантических, прагматических и социолингвистических факторов.

Статья поступила в редакцию 12.05.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкова И. А. Проблема порядка слов во французском языке в трудах ведущих ученых-лингвистов // Scripta manent. 2015. № 21. С. 6–13.
2. Васильева Н. М. Вопросительное предложение во французском и испанском языках (на французском языке) / La phrase interrogative dans les langues française et espagnole. М.: ЛЕНАНД, 2020. 112 с.
3. Васильева Н. М. Порядок слов в современном французском языке (простое независимое предложение): монография. М.: МГОУ, 2009. 113 с.
4. Еливанова А. М. Порядок слов в предложении во французском языке: диахронический подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9-1 (27). С. 67–69.
5. Berrendonner A. Questions et mémoire discursive // Les Etats de la question / éd. C. Rossari, A. Beaulieu-Masson, C. Cojocariu, A. Razgoulieva. Québec: Editions Nota Bene, 2005. P. 147–173.
6. Coveney A. L'interrogation directe // Travaux de linguistique. 2011. No. 63. Iss. 2. P. 112–145. DOI : 10.3917/tl.063.0112
7. Delais-Roussarie E., Herment S. Intonation et interprétation des questions: un puzzle pluridimensionnel // L'interrogative en français / édс. M.-J. Béguelin, A. Coveney, A. Gurjev. Berne: Peter Lang, 2018. P. 51–79.

8. Fontaney L. A la lumière de l'intonation // La question / ed. C. Kerbrat-Orecchioni. Lyon : Presses Universitaires de Lyon, 1991. P. 113–161.
9. Foulet L. Comment ont évolué les formes de l'interrogation // Romania. 1921. T. 47. No. 186–187. P. 243–348.
10. Fournier N. Expression et place des constituants dans l'énoncé en français classique: la relation sujet-verbe et la relation verbe-objet // Langue française. 2001. No. 130. La linguistique diachronique: grammaticalisation et sémantique du prototype. P. 89–107.
11. Fromageat E. Les formes de l'interrogation en français moderne: leur emploi, leurs significations et leur valeur stylistique // Vox romania. 1938. No. 3. P. 1–47.
12. Fuchs C., Le Goffic P. Le français moderne, entre V2 et SVO? // Discours, diachronie, stylistique du français / dir. O. Bertrand, M. Charolles, J. François, S. Prevost, C. Schnedecker. Berne: Peter Lang, 2007. P. 17–35.
13. Grande Grammaire Historique du Français (GGHF) / ed. Ch. Marchello-Nizia, B. Combettes, S. Prevost, T. Scheer: 2 vol. Berlin: De Gruyter Mouton, 2020. 2185 p.
14. Guryev A. Du rôle des paramètres morphosyntaxiques dans la sélection des interrogatives // L'interrogative en français / eds. M.-J. Béguelin, A. Coveney, A. Guryev. Berne: Peter Lang, 2018. P. 153–182.
15. Hansen M.-B. M. Syntax in interaction. Form and function of yes/no interrogatives in spoken standard French // Studies in language. 2001. Vol. 25. Iss. 3. P. 463–520. DOI: 10.1075/sl.25.3.04mos.
16. Marchello-Nizia C. Le français dans l'histoire // Le grand Livre de la langue française / éd. M. Yaguello. Paris: Le Seuil, 2003. P. 11–88.
17. Merle J.-M. La question et l'interrogation en contexte: point de vue énonciatif // Corela (revue en ligne). 2019. HS-29. URL: <http://journals.openedition.org/corela/8834> (дата обращения: 24.04.2021). DOI: 10.4000/corela.8834
18. Muller C. Réflexions sur l'ordre des mots en français (les constituants majeurs de l'énoncé). // Actes du 1er Congrès Mondial de Linguistique Française / ed. J. Durand, B. Habert, B. Laks. Paris: EDP Sciences, 2008. P. 2663–2676
19. Quillard V. La diversité des formes interrogatives – comment l'interpréter? // Langage et société. 2001. No. 95. P. 57–72.
20. Riegel M., Pellat J.-Ch., Rioul R. Grammaire méthodique du français. 7-e éd. Paris: PUF, 2018. 1168 p.
21. Šafárová M. The semantics of rising intonation in interrogatives and declaratives // Proceedings of sinn und bedeutung. 2005. Vol. 9. P. 355–369.

REFERENCES

1. Biryukova I. A. [The problem of word order in French in the works of leading linguists]. In: *Scripta manent*, 2015, no. 21, pp. 6–13.
2. Vasil'eva N. M. *Voprositel'noe predlozhenie vo frantsuzskom i ispanskom yazykakh (na frantsuzskom yazyke) / La phrase interrogative dans les langues française et espagnole* [Interrogative sentence in French and Spanish (in French)]. Moscow, LENAND Publ., 2020. 112 p.
3. Vasil'eva N. M. *Poryadok slov v sovremennom frantsuzskom yazyke (prostoe nezavisimoe predlozhenie)* [Word order in modern French (simple independent sentence)]. Moscow, MGOU Publ., 2009. 113 p.
4. Elivanova A. M. [Word order in the French language sentence: diachronic approach]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2013, no. 9-1 (27), pp. 67–69.
5. Berrendonner A. Questions et mémoire discursive. In: Rossari C., Beaulieu-Masson A., Cojocariu C., Razgoulieva A., eds. *Les Etats de la question*. Québec, Editions Nota Bene Publ., 2005, pp. 147–173.
6. Coveney A. L'interrogation directe. In: *Travaux de linguistique*, 2011, no. 63, iss. 2, pp. 112–145. DOI: 10.3917/tl.063.0112
7. Delais-Roussarie E., Herment S. Intonation et interprétation des questions: un puzzle pluridimensionnel. In: Béguelin M.-J., Coveney A., Guryev A., eds. *L'interrogative en français*. Berne, Peter Lang, 2018, pp. 51–79.
8. Fontaney L. A la lumière de l'intonation. In: Kerbrat-Orecchioni C., ed. *La question*. Lyon, Presses Universitaires de Lyon, 1991, pp. 113–161.
9. Foulet L. Comment ont évolué les formes de l'interrogation. In: *Romania*, 1921, T. 47, no. 186–187, pp. 243–348.
10. Fournier N. Expression et place des constituants dans l'énoncé en français classique: la relation sujet-verbe et la relation verbe-objet. In: *Langue française*, 2001, no. 130, pp. 89–107.

11. Fromaigeat E. Les formes de l'interrogation en français moderne: leur emploi, leurs significations et leur valeur stylistique. In: *Vox romania*, 1938, no. 3, pp. 1–47.
12. Fuchs C., Le Goffic P. Le français moderne, entre V2 et SVO? In : Bertrand O., Charolles M., François J., Prevost S., Schnedecker C., dir. *Discours, diachronie, stylistique du français*. Berne, Peter Lang, 2007, pp. 17–35.
13. Marchello-Nizia Ch., Combettes B., Prevost S., Scheer T., eds. *Grande Grammaire Historique du Français* (GGHF). Berlin, De Gruyter Mouton, 2020. 2185 p.
14. Guryev A. Du rôle des paramètres morphosyntaxiques dans la sélection des interrogatives. In: Béguelin M.-J., Coveney A., Guryev A., eds. *L'interrogative en français*. Berne, Peter Lang, 2018, pp. 153–182.
15. Hansen M.-B. M. Syntax in interaction. Form and function of yes/no interrogatives in spoken standard French. In: *Studies in language*, 2001, vol. 25, iss. 3, pp. 463–520. DOI: 10.1075/sl.25.3.04mos
16. Marchello-Nizia C. Le français dans l'histoire. In: Yaguello M., ed. *Le grand Livre de la langue française*. Paris, Le Seuil, 2003, pp. 11–88.
17. Merle J.-M. La question et l'interrogation en contexte: point de vue énonciatif. In: *Corela (revue en ligne)*, 2019, HS-29. Available at: <http://journals.openedition.org/corela/8834> (accessed: 24.04.2021). DOI: 10.4000/corela.8834
18. Muller C. Réflexions sur l'ordre des mots en français (les constituants majeurs de l'énoncé). In: Durand J., Habert B., Laks B., eds. *Actes du 1er Congrès Mondial de Linguistique Française*. Paris, EDP Sciences, 2008, pp. 2663–2676.
19. Quillard V. La diversité des formes interrogatives – comment l'interpréter? In: *Langage et société*, 2001, no. 95, pp. 57–72.
20. Riegel M., Pellat J.-Ch., Rioul R. *Grammaire méthodique du français*. Paris, PUF, 2018. 1168 p.
21. Šafářová M. The semantics of rising intonation in interrogatives and declaratives. In: *Proceedings of sinn und bedeutung*, 2005, vol. 9, pp. 355–369.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зубкова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
e-mail: privezentsevamn@gmail.com;

Дроздова Юлия Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации;
e-mail: connectinfo1@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria N. Zubkova – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Department of French Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
e-mail: privezentsevamn@gmail.com

Yulia A. Drozdova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Romance and Germanic languages, Russian Foreign Trade Academy;
e-mail: connectinfo1@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зубкова М. Н., Дроздова Ю. А. Функционирование общевпросительных предложений с прямым порядком слов во французском языке (на материале художественных текстов XI–XVII веков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 5. С. 36–45.
DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-36-45

FOR CITATION

Zubkova M. N., Drozdova Yu. A. Functions of general questions with direct word order in French (based on literary texts of the 11th–17th centuries). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 5, pp. 36–45.

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-36-45

УДК: 81' 366.58 [811.161.1+ 811.133.1]
DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-46-55

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ФРАНЦУЗСКИХ ГРАММАТИСТОВ В ЕВРОПЕЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ XVII–XVIII ВВ.

Сенченкова М. В.

*Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, Российская Федерация*

Аннотация

Целью работы является изучение и анализ лингвистических идей французских грамматистов в европейском языкознании XVII–XVIII вв.

Процедура и методы. Основным методом исследования является описательный приём. При проведении исследования было проанализировано соотношение логического и грамматического в представлении филологов.

Результаты. Учитывая большой интерес к трудам грамматистов Пор-Рояля среди историков культуры и науки, философов, филологов и представителей других наук, а также современных учёных, их интерпретация с позиций современной науки о языке поможет яснее и полнее представить себе манеру изложения и круг интересов авторов грамматики XVIII в., которые писали во Франции не только для французов, но и для всей «просвещённой Европы».

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования являются значительными в изучении французского языкознания и могут быть использованы в теории и практике преподавания французского языка на уровне бакалавриата, магистратуры и послевузовского образования по дисциплинам: теоретическая грамматика французского языка, история французского языка.

Ключевые слова: грамматика, грамматика Пор-Рояля, французский язык, историческое языкознание

LINGUISTIC IDEAS OF FRENCH GRAMMARIANS IN EUROPEAN LINGUISTICS OF THE XVII-XVIII CENTURIES

M. Senchenkova

*Moscow State Linguistic University
38 ulitsa Ostozhenka, Moscow 119034, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study and analyze the linguistic ideas of French grammarians in European linguistics of the XVII–XVIII centuries.

Methodology. The main method of research is a comparative-descriptive technique. During the research, the correlation of logical and grammatical in the representation of philologists was analyzed.

Results. The works of the grammarians of Port Royal are of interest to modern scholars-philologists, philosophers, historians of science and culture, and representatives of other sciences. These works will help us to understand more clearly and fully the range of interests and the manner of presentation of the scholars of grammar of the eighteenth century, who wrote in France not only for the French, but for the whole of «enlightened Europe».

Research implications. The results of the research are significant in the study of French linguistics, and can be used in the theory and practice of teaching French at the undergraduate, graduate and postgraduate levels in the following disciplines: theoretical grammar of the French language, history of the French language.

Keywords: grammar, grammar of Port Royal, French, historical linguistics

Введение

Грамматика Пор-Рояля считается первым фундаментальным грамматическим сочинением, основанным на принципе «анализа мысли», общих смысловых категорий восприятия человеком действительности. Простота и логическая рационалистичность являются основными чертами «грамматической науки» во Франции XVII–XVIII вв.

Грамматики Клода Бюфье, С.-Шено Дю Марсэ, Э.-Бонно де Кондильяка, аббата Г. де Жирара поражают как будто намеренным отторжением априорно-философской линии (которая имплицитно играет очень большую роль), стремлением представить суть вещей, апеллируя лишь к разуму и иногда к «рациональному» анализу чувств.

За грамматиками того времени стоит огромный труд. Они кроют в себе те мысли, которые в будущем окажут большое влияние на формирование не только французской, но и мировой грамматической языковедческой мысли [9].

Труды грамматистов Пор-Рояля представляют интерес для современных учёных – филологов, философов, историков науки и культуры и представителей других наук [2; 3; 5]. Эти труды помогают яснее и полнее представить себе круг интересов и манеру изложения авторов грамматики XVIII в., писавших во Франции не только для французов, но и для всей «просвещённой Европы».

Материал, методы и результаты исследования

«Грамматики Пор-Рояля»

Традиционные в XVII в. и восходящие к Античности методы описания языка по частям речи и грамматическим категориям, без учёта особенностей языко-

вого материала и осмысления значений грамматических категорий, превращали грамматику в запутанную, во многом непоследовательную науку. Принципы рационального анализа речи, разработанные в «Грамматике Пор-Рояля», основаны на прочной научной базе рационализма французского философа Рене Декарта, полагавшего, что истинность знаний находится в самом разуме – единственном источнике знаний, в постигаемых разумом представлениях и понятиях. Разум может достичь истинного знания, исходя из достоверного, дедуктивного метода познания.

Сложившаяся к середине XVIII в. во Франции «грамматическая наука» – новая область грамматических исследований – плод непосредственного развития принципов грамматического описания, впервые применявшихся и во многом уже обоснованных авторами Пор-Рояля. Об этом писали и комментаторы «Общей рациональной грамматики», аббат Фроман в частности [1, с. 32–37].

Можно вполне говорить при этом о единой линии собственно грамматических изысканий, имеющих объектом «основанное на разуме (рациональное) описание общих и неизменных принципов речеобразования» (определение «грамматической науки» приводится у Дю Марсэ) [13, р. 62–99]. В развитии филологического знания данная линия является с 30–40 гг. XVIII в. структурной доминантой всего комплекса филологических дисциплин (в чём не может убедить подход в системе знаний о языке, который представлен во Французской энциклопедии) [1, с. 73–88]. Эта линия вытесняет риторико-грамматическое знание, восходящее к Античности и переживавшее в XVIII в. эпоху кризиса, и вместе с тем,

ориентируясь на описание грамматической системы языка, «грамматическая наука» выводит постоянно за свои пределы собственно философские изыскания в области природы и происхождения языка, типологического анализа языков, знаковой природы языка, а также – проблемы сопоставления языков по их стилистическим качествам. К концу XVIII в. все эти проблемы образуют собственно философскую линию в изучении языка, которая является по традиции более областью философии, нежели знания о языке [1, с. 88–109].

В XVIII в. французская грамматическая мысль развивалась под влиянием величайшего в своей логичности и простоте грамматического сочинения Арно и Лансло – «Грамматики Пор-Рояля» [22]. Именно логическая рационалистичность и простота являются основными чертами «грамматической науки» во Франции XVII–XVIII вв. В грамматиках Клода Бюфье (1661–1702), С.-Шено дю Марсэ (1676–1756), Э.-Бонно де Кондильяка (1715–1780), аббата Г. де Жирара (1677–1748) поражает как будто намеренное отторжение априорно-философской линии (которая имплицитно играет очень большую роль), стремление представить суть вещей, апеллируя лишь к разуму и иногда к «рациональному» анализу чувств. Философия рационализма (собственно картезианская линия в развитии «грамматической науки»), представлена у них скорее в скрытой форме, нежели в явной [10, р. 40–51]. Более явной и эксплицитно выраженной является философско-сенсуалистическая линия, которая представлена в грамматике Кондильяка [6; 7; 8, с. 108–158].

Во Франции XVIII в. развитие «грамматической науки» было подчинено не столько философским влияниям, сколько внутренним законам развития словесных наук, которые связаны с развитием самого языка и языкового материала (типов и видов текстов, представляющих филологическую культуру различных эпох).

Процесс формирования французского литературного национального языка, который переживал в середине XVIII в. эпоху наивысшего развития, требовал выработки строгих научных критериев оценки языкового материала, критериев нормативности и правильности, которые отражают потребности эпохи, основанных на вечных законах разума, а не на «прихотях и причудах обихода».

Идея «рационального единства», некоторого основанного на разуме «равновесия» языков мира, служила основой метода «грамматической науки». Становление данного метода происходило в постоянном взаимодействии всех дисциплин, имеющих дело со Словом, но принципы «общей и рациональной грамматики» интенсивнее всего шлифовались на материале описаний французского языка.

Сложившаяся в XVIII в. во Франции традиция медитативно-рационалистического подхода к сопоставлению языков, к «принципам грамматики», оказала большое влияние на все основные европейские традиции описания языков, в частности на русскую грамматическую традицию [4].

В России основное внимание уделялось сочинениям тех французских грамматистов, которым удалось разработать основы синтаксиса. Французская «грамматическая наука» XVIII в. преимущественно развивается по пути «рационального» изложения основ синтаксиса. Такие авторы, как Кл. Бюфье, Г. де Жирар, Э.-Б. де Кондильяк, Н. Бозе и С.-Шено дю Марсэ особенно, разработали весьма детально учение о строении предложения в связи с законами и особенностями «протекания мысли» в сознании человека, учение о конструировании фразы в плане последовательности понятий в противоположность содержательно-грамматическому строению фразы (различение «конструкции» фразы и её «синтаксиса»), а также учение об источниках национально-стилевого синтаксического варьирования [1, с. 52–57].

В трудах выдающегося филолога Франции XVIII в. С.-Шено Дю Марсэ, который был чрезвычайно глубоким автором и признанным в области грамматики европейским авторитетом, особое внимание уделяется разработке синтаксической теории. В России конца XVIII–начала XIX вв. изучение работ Дю Марсэ, также как и Кондильяка, входило в круг обязательного филологического чтения просвещённого «порядочного человека». В. Л. Пушкин выразил следующим образом отношение русского просвещённого дворянства к сочинениям Дю Марсэ и Кондильяка:

“Кондильяка я и Дю Марсэ читаю,
Логике учусь и ясным быть желаю.

Кто мыслит правильно, кто мыслит
благородно,

Тот изъясняется приятно и свободно”¹.

Для того чтобы более полно понять традицию «грамматической науки» XVIII в., явившейся во Франции логическим развитием идей авторов Пор-Рояля, необходимо дать хотя бы самое общее представление о фактическом развитии грамматической мысли, о «живой материи» этого развития.

Создание грамматики французского языка

На одном из заседаний Французской академии ещё в конце XVII в. было решено как можно быстрее создать грамматику французского языка, которая должна была «дополнять словарь» (*compléter le dictionnaire*), так как без грамматики невозможно «установить язык» (*fixer la langue*). В этой связи возникла необходимость описать грамматический строй французского языка в нормативном академическом варианте как можно полнее. В существовавших в тот период грамматиках представление частей речи и грамматических категорий было основано на традиционном описании языка без учёта

специфики языкового материала и осмысления категориальных значений. Эта почётная задача была возложена на аббата Ренье-Демарэ, известного литератора, филолога и переводчика текстов духовного содержания, постоянного секретаря Академии (1684 г.). В 1705 г. Ренье-Демарэ завершил свою «Французскую грамматику», но Академия нашла в ней ряд недостатков, не позволявших её издать как академическую грамматику. Она вышла в свет в 1706 г. от имени Ренье-Демарэ [23]. Автор при создании грамматики практически не опирался на грамматику Пор-Рояля, не использовал методов описания языка, предложенных в ней. Ренье-Демарэ полагал, что «большинство терминов и даже грамматических правил заимствовано французским языком из латинского; и, несмотря на то, что ни эти термины, ни эти правила не описывают французский язык столь точно, как латинский, тем не менее, постараемся, насколько возможно, ограничиться ими, ибо необходимо всегда стремиться ограничиваться уже принятыми понятиями и правилами»² [23, р. 132].

«Новый взгляд на французскую грамматику» Клода Бюфье

Клод Бюфье в 1709 г. издаёт свою работу «Новый взгляд на французскую грамматику», в которой пытается для описания французского языка использовать достижения грамматической науки (в основном учения Пор-Рояля). Он критикует Ренье-Демарэ за то, что последний не проанализировал «философски» правил, вводимых им в грамматику, хотя «подобный анализ мог бы значительно облегчить изучение языка и сократить объём грамматики» [12, р. 435–436].

К. Бюфье был первым французским грамматистом, который успешно сочетал положения «общей и рациональной» грамматики с практическим описанием языка. Он считал, что нет ничего «более разумного, нежели говорить в соот-

¹ Пушкин В. Л. К В. А. Жуковскому (Скажи, любезный друг) // Поэты 1790–1810-х годов / сост. Ю. М. Лотман. Л.: Советский писатель, 1971. С. 664.

² Здесь и далее перевод наш. – М. С.

ветствии с обиходом», хотя и предвидел возражения следующего порядка: «Если мы будем придерживаться обихода, а не грамматики, то будем говорить не в соответствии с разумом, а как придется» [12, р. 436]. Отвечая на подобные возражения, Бюфье подчёркивал, что противоречие между разумом и обиходом – мнимое, поскольку разум человека нельзя отождествлять со способностями к «аналогии и вкусовым оценкам». К тому же «разумный человек всегда придерживается в речи обихода большинства» [12, р. 436].

К. Бюфье, говоря о «принципах грамматики», выделяет общие и частные принципы, существование которых, он объясняет природой самих языков. «Важнейшие элементы всех языков сводятся к словам и оборотам речи, означаящим: 1) предмет, о котором мы говорим; 2) то, что мы говорим (утверждаем); 3) обстоятельства первого и второго» [12, р. 444]. Трём указанным «элементам языков» соответствуют у Бюфье имя, глагол и модификатив. Отсюда – имя, глагол и модификатив являются обязательными категориями грамматических описаний, «хотя в разных языках они могут выражаться столь различными способами, что далеко не всегда мы можем сразу их распознать» [12, р. 444].

При всей стройности и строгости изложения грамматика Бюфье не могла служить грамматикой французского языка в школах и коллежах. Она была теоретической, а не практической грамматикой (грамматика Бюфье преимущественное внимание уделяла развитию теории Пор-Рояля).

«Замечания о французском языке», изданные в 1732 г. д'Оливе, являлись основным грамматическим руководством для учёных, писателей и светских людей, т. е. всех «порядочных людей» (*honnêtes gens*) эпохи, как их называли в XVIII в.

Д'Оливе в предисловии к «Замечаниям ...» поднимает очень важный вопрос о языке грамматики: в каких «категориях и

терминах описывать живой язык»; «нужно ли насильно подгонять французский язык, “гений” [“*génie*”] которого столь отличен от “гениев” греческого и латинского языков, под категории последних» [14, р. 6–7].

Он предлагает различать основу (*le fond*) и «гений» языка, возражая тем авторам грамматик, которые считают, что «гении» латинского и французского языков не могут быть различны, ибо «французский язык, несомненно, имеет корнем своим латинский». Под основой он понимает «все слова, которые составляют язык», под гением – «направления мысли, которым необходимо следовать, дабы быть в речах понятным, правильным, изящным» [14, р. 7]. Д'Оливе утверждает, что основой французского языка, несомненно, является латинский, но «это ещё не раскрывает особенностей гения языка» [14, р. 7]. У д'Оливе определение основы языка близко к определению «языка-основы», «праязыка», «материнского» языка в возникшей в начале XIX в. компаративистике [10, р. 9–22].

Вопрос о языке грамматики д'Оливе

Д'Оливе высказывает ряд интересных мыслей о «грамматических» определениях частей речи (в отличие от «логических», или «философских», определений последних), о порядке слов во французском языке, о том, от чего зависит произвольный (свободный) или, напротив, фиксированный порядок слов в предложении. Даётся точное определение терминов «падеж» и «склоняемое слово» в «Грамматических этюдах» [14, р. 126–133]. Согласно мнению д'Оливе, падеж, есть не что иное, как совокупность контекстов (окружений), предполагающих различные окончания имён. Указанные контексты различны для латинского и французского языков, поэтому падежная система латинского языка не может использоваться в грамматике французского языка.

Автор подчёркивал, что грамматика не должна в целом описывать язык и стараться охватить все факты языка. В грамматику должно включаться лишь то, что является наиболее общим и характерным для языка. «Как бы то ни было, чем меньше грамматика допускает исключений, тем меньше вызывает она затруднений. Ничто не кажется мне более достойным сделать честь языку просвещённому и отшлифованному [savante et polie], чем общие правила» [14, р. 131].

Французская грамматическая мысль переживает период расцвета в 30–50-е гг. XVIII в. Именно в это время создаются такие выдающиеся грамматические сочинения, как грамматики Г. Жирара и С.-Шено Дю Марсэ.

Аббат Г. Жирар и его грамматико-философское сочинение

Аббат-академик Г. Жирар вошёл в историю французской филологии как создатель первого полного словаря синонимов французского языка (первое издание датируется 1718 г.) [17], член Французской академии (1744 г.) и секретарь-переводчик короля со старославянского и русского языков. Грамматико-философское сочинение Г. Жирара, явившееся результатом многолетних философских размышлений над французским языком и над пригодностью традиционной грамматической терминологии для его описания, выходит в свет в 1747 г. Его двухтомный труд озаглавлен следующим образом: «Истинные начала французского языка, или Речь, сведённая к системе в соответствии с законами обихода» [18]. Один из крупнейших французских филологов второй половины XVIII в. Н. Бозе это грамматическое сочинение характеризует как «последовательную систему, требующую от читателя большого напряжения ума и предварительной подготовки» [11, р. 14].

От магистральной линии развития французской грамматической мысли грамматика Г. Жирара оказалась как бы

в стороне. Лишь один раздел этого сочинения, который относится к синтаксису, а именно – к правилам конструирования фраз, описанию членов предложения и принципов анализа предложения («грамматического разбора»), составил исключение. Эта часть грамматики Г. Жирара неоднократно перепечатывалась в различных учебниках и руководствах по грамматике во Франции конца XVIII – начала XIX вв. Именно на Г. Жирара во многом в разделе синтаксиса опирается знаменитая компиляционная «Грамматика грамматик» Жиро-Дювивье, вышедшая первым изданием в 1811 г. и переиздававшаяся 22 раза во Франции в течение XIX в. (последнее издание вышло в свет в 1886 г.) [21]. При ответе на вопрос о вхождении того или иного грамматического сочинения, созданного во Франции в XVIII в., во французскую грамматическую традицию, заложенную авторами Пор-Рояля, этот факт играет решающую роль. Грамматика Жиро-Дювивье, по которой училось не одно поколение французов, для нас представляет большой интерес потому, что каждый её раздел содержит отрывки из сочинений грамматистов, особенно прославившихся «совершенным изложением материала, относящегося к данной теме» (по свидетельству самого Жиро-Дювивье) [1, с. 70–71].

Грамматические положения Дю Марсэ

Наивысшего расцвета в 30–50-е гг. достигает творчество самого знаменитого «грамматиста-философа» XVIII в. С.-Шено Дю Марсэ. Лишь к старости С.-Шено Дю Марсэ, как многие выдающиеся мыслители, стал получать признание и возможность издавать свои сочинения, во многом опередившие эпоху. Когда, в 1756 г. 80-летний аббат скончался, были опубликованы лишь несколько его грамматических статей в «Энциклопедии...» Дидро и д'Аламбера («Артикль», «Конструкция», «Согласование» и ряд других), а все его основные труды по грамматике

и логике были опубликованы лишь после его смерти. Лишь в 1769 г. увидели свет «Принципы грамматики» Дю Марсэ (*Principes de grammaire*), изданные вместе с его же «Логикой». «Логика» Дю Марсэ (как наука о наиболее общих законах мышления) теоретически обосновывала возможность создания грамматического описания, базирующегося на «разумных началах». В предисловии к своей грамматике Дю Марсэ писал: «Я знаю, что есть грамматисты, ум которых столь мало склонен к философским размышлениям, что они осудят метод, предложенный мною. Они хотят, чтобы мы придерживались только слепого обычая...» [20, р. 156]. Но от противопоставления «разума» и «обычая» (обычая) Дю Марсэ был далёк. Он полагал, что грамматика не может быть создана только на базе «рационального» анализа речи, так как «языки образованы обычаем народа и некоторым его особым духовным складом, а не в соответствии с рациональным обоснованием». Поэтому образцы речи, принятые в обыденном языке и одобренные образованными («порядочными») людьми, не могут отвергаться грамматистом даже тогда, когда они кажутся ему слишком цветистыми и противоречащими общим правилам [20, р. 321].

Дю Марсэ, определяя предмет и задачи грамматики, писал, что последняя должна содержать сведения «о различении субъекта и атрибута во фразе, а также – о знаках, которые делают предложения осмысленными. Все остальные знания о языке не являются собственно грамматическими» [20, р. 237].

Грамматика Дю Марсэ известна тем, что содержит систематическое изложение вопросов синтаксиса (впервые в истории французской грамматики). Автор предложил различать конструкцию фразы и её синтаксис. Разработанный им метод «грамматического, рационально обоснованного анализа предложения» лёг в основу традиционного школьного «грамматического разбора» [1, с. 52–57].

Метод «грамматического анализа» состоит в выделении субъекта и атрибута предложения, в определении частей речи, которыми они выражены, в определении синтаксических связей субъекта и атрибута с модифицирующими их частями речи, входящими в предложение, и т. п. Данный анализ также предполагает выделение грамматических признаков субъекта, атрибута и модификативов (второстепенных членов).

В предложении Дю Марсэ выделил несколько уровней: 1) логический уровень (чисто смысловой) – уровень «грамматического анализа»; 2) уровень синтаксиса предложения – уровень «знаков, установленных в язык для того, чтобы в сознании людей мог из смысла отдельных слов складываться смысл целой фразы» (формы функции синтаксических связей слов в предложении); 3) уровень «конструкции» предложения – уровень аранжировки, «расположения слов» в предложении. Эта «модель» предложения предполагает выделение в нём содержания (или смысла) – первый уровень, формы содержания в связи с формой выражения – второй уровень, и, наконец, непосредственного выражения на уровне слов и их аранжировки – третий уровень [20].

Рассматривать предложение с логической и грамматической точек зрения в отдельности Дю Марсэ предлагает первыми, подчёркивая, что «предложение в мысли» – это совсем не то, что «предложение в языке».

За внешней лаконичностью и простотой слога Дю Марсэ стоит огромный труд проникновенного мыслителя; кроются те мысли, которые в будущем окажут большое влияние на формирование не только французской, но и мировой грамматической и шире – языковедческой мысли [19].

Взгляд на грамматику Э.-Б. де Кондильяка

Глубокая философская основа грамматических штудий другого не менее известного автора XVIII в. – Э.-Б. де Конди-

льяка – во многом послужила причиной широкой европейской известности его «Грамматики». В 60–70-е гг. знаменитый французский философ создаёт свой известный «Курс для обучения принца Пармы, излагающий основы наук» [15]. В основу построения этого курса положена философско-сенсуалистическая линия объяснения всего воспринимаемого и сущего. Автор предлагает отказаться от идей о «врождённых способностях души» и в первую очередь исследовать наши «ощущения». Кондильяком отвергается традиционная схема восприятия человеком действительности, положенная, в частности, авторами Пор-Рояля в основу грамматики и логики (созерцание, ведущее к образованию исходных понятий; умозаключение, суждение, или рассуждение) [22, р. 89–93]. Выдающийся французский философ-сенсуалист выдвигает новые основания грамматической науки, грамматического искусства и обучения «молодых умов» «искусству мыслить», состоящему из «искусства думать и писать», «искусства рассуждать» и «грамматики».

Кондильяк рассматривает грамматику как «первую часть искусства мыслить»: «Для того чтобы понять основы языка, необходимо наблюдать за процессом мышления; надо искать эти основы в анализе мысли» [16, р. 352].

Согласно Кондильяку, грамматика каждого языка представляет собой «систему слов, отражающую систему понятий»; она не столько «средство передачи

мыслей», сколько «орудие мышления» [16, р. 353].

Заключение

«Грамматика Пор-Рояля» – это шедевр точности, ясности и образец рассуждения. Чем больше её изучаешь, тем больше поражаешься глубине изложенных в ней взглядов.

Изучая и анализируя грамматики Пор-Рояля, можно сказать, что эти труды внесли огромный вклад во французский язык и в языкознание в целом. Все труды того времени представляют собой колоссальную грамматическую энциклопедию Франции XVIII в. По этим грамматикам училось не одно поколение французов.

Вообще французская «грамматическая наука» XVIII в. развивается преимущественно по пути «рационального» изложения основ синтаксиса. Такие авторы, как Кл. Бюфье, Г. де Жирар, Э.-Б. де Кондильяк, Н. Бозе и особенно С.-Шено Дю Марсэ, весьма детально разработали учение о строении предложения в связи с особенностями и законами «протекания мысли» в сознании человека, учение о конструировании фразы в плане последовательности понятий в противоположность содержательно-грамматическому строению фразы (различение «конструкции» фразы и её «синтаксиса»), учение об источниках национально-стилевого синтаксического варьирования.

Статья поступила в редакцию 01.04.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокадарова Н. Ю. Французская лингвистическая традиция XVIII – начала XIX века. М.: Наука, 1987. 152 с.
2. Браше О. История французского языка // Браше О. Историческая грамматика французского языка; пер. с фр. М.: URSS, 2019. С. 11–51.
3. Бурсье Э. От среднефранцузского к современному французскому языку // Бурсье Э. Основы романского языкознания / пер. с фр. М.: URSS, 2018. С. 540–620.
4. Виноградов В. В. Из истории русского синтаксиса. М.: Изд-во Московского университета, 1958. 405 с.
5. Доза А. Классический язык // Доза А. История французского языка / пер. с фр. М.: URSS, 2019. С. 90–101.
6. Кондильяк Э. Б. де. О языке и методе. М.: URSS, 2016. 184 с.
7. Пастернак Е. Л. Теория языка Э. Б. де Кондильяка // Пастернак Е. Л. Формирование основных направлений французской лингвистической мысли XVIII века. М.: URSS, 2019. С. 68–123.

8. Реферовская Е. А. Философия языка и грамматические теории во Франции (из истории лингвистики). СПб.: Петербург XXI век, 1996. 175 с.
9. Хомский Н. Картезианская лингвистика: Глава из истории рационалистической мысли. М.: URSS, 2018. 332 с.
10. Auroux S. L'encyclopédie, Diderot, l'esthétique. Paris: Presses Universitaires de France, 1991. 358 p.
11. Beauzée N. Grammaire générale ou Exposition raisonnée des éléments nécessaires du langage: pour servir de fondement à l'étude de toutes les langues. T. 2. Paris: J. Barbou, 1767. 1338 p.
12. Buffier P.-Cl. Grammaire française sur un plan nouveau: pour en rendre les principes plus clairs et la pratique plus aisée. Paris: Chez Nicolas Le Clerc: Michel Brunet: Leconte et Montalant, 1741. 501 p.
13. Chevalier J.-Cl. La notion de complément chez les grammairiens: (1530–1750). Paris: Larousse, 1968. 668 p.
14. D'Olivet P.-J. Remarques sur la langue française par M. l'Abbé d'Olivet. Paris: Chez les frères Barbou, 1793. 368 p.
15. De Condillac E.-B. Cours d'étude pour l'instruction du prince de Parme. Paris: Deux-Ponts, 1782. 744 p.
16. De Condillac E. -B. Oeuvres complètes. T. 6. Genève: Slatkine reprints, 1970. 665 p.
17. De Girard G. Synonymes françois, leur significations et le choix qu'il en faut faire pour parler avec justesse. Paris: De l'Imprimerie de la Veuve d'Honry, 1736. 523 p.
18. De Girard G. Vrais principes de la langue française ou la Parole réduite en méthode conformément aux loix de l'usage. Paris: Le Breton, 1789. 442 p.
19. Du Marsais C.-Ch. Des tropes ou des différents sens dans lesquelles on peut prendre un même mot dans une même langue. Paris: P. Prault, 1787. 408 p.
20. Du Marsais C.-Ch. Logique et principes de grammaire. Paris: Le Breton et Hérisant fils, 1769. 342 p.
21. Girault-Duvivier. Grammaire des grammaires, ou Analyses raisonnées des meilleurs traités sur la langue française. Paris: A. Cotelte, Libraire-éditeur, 1848. 726 p.
22. Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal par Arnauld et Lancelot. Paris: Perlet, 1803. 492 p.
23. Rénier-Desmarais. Traité de la grammaire française. Genève: Slatkine, 1706. 778 p.

REFERENCES

1. Bokadarova N. Yu. *Frantsuzskaya lingvisticheskaya traditsiya XVIII–nachala XIX veka* [French linguistic tradition of the 18th – early 19th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 152 p.
2. Brachet A. [History of the French language]. In: Brachet A. *Istoricheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Historical grammar of the French language]. Moscow, URSS Publ., 2019, pp. 11–51.
3. Bourciez E. [From Middle French to Modern French]. In: Bourciez E. *Osnovy romanskogo yazykoznaniya* [Elements of linguistique romane]. Moscow, URSS Publ., 2018, pp. 540–620.
4. Vinogradov V. V. *Iz istorii russkogo sintaksisa* [From the history of Russian syntax]. Moscow, Moscow University Publ., 1958. 405 p.
5. Dauzat A. [Classical language]. In: Dauzat A. *Istoriya frantsuzskogo yazyka* [History of the French language]. Moscow, URSS Publ., 2019, pp. 90–101.
6. Condillac E. B. de. *O yazyke i metode* [About language and method]. Moscow, URSS Publ., 2016. 184 p.
7. Pasternak E. L. [The theory of language by E. B. de Condillac]. In: Pasternak E. L. *Formirovaniye osnovnykh napravleniy frantsuzskoi lingvisticheskoi mysli XVIII veka* [Formation of the main directions of French linguistic thought of the 18th century]. Moscow, URSS Publ., 2019, pp. 68–123.
8. Referovskaya E. A. *Filosofiya yazyka i grammaticheskie teorii vo Frantsii (iz istorii lingvistiki)* [Philosophy of language and grammatical theories in France (from the history of linguistics)]. St. Petersburg, Peterburg XXI vek Publ., 1996. 175 p.
9. Chomsky N. *Kartezianskaya lingvistika: Glava iz istorii ratsionalisticheskoi mysli* [Cartesian Linguistics: A chapter in the history of rationalist thought]. Moscow, URSS Publ., 2018. 332 p.
10. Auroux S. L'encyclopédie, Diderot, l'esthétique. Paris, Presses Universitaires de France, 1991. 358 p.
11. Beauzée N. Grammaire générale ou Exposition raisonnée des éléments nécessaires du langage: pour servir de fondement à l'étude de toutes les langues. T. 2. Paris, J. Barbou, 1767. 1338 p.
12. Buffier P.-Cl. Grammaire française sur un plan nouveau: pour en rendre les principes plus clairs et la pratique plus aisée. Paris, Chez Nicolas Le Clerc, Michel Brunet, Leconte et Montalant, 1741. 501 p.
13. Chevalier J.-Cl. La notion de complément chez les grammairiens: (1530–1750). Paris, Larousse, 1968. 668 p.

14. D'Olivet P.-J. Remarques sur la langue françoise par M. l'Abbé d'Olivet. Paris, Chez les frères Barbou, 1793. 368 p.
15. De Condillac E. -B. Cours d'étude pour l'instruction du prince de Parme. Paris, Deux-Ponts, 1782. 744 p.
16. De Condillac E. -B. Oeuvres complètes. T. 6. Genève, Slatkine reprints, 1970. 665 p.
17. De Girard G. Synonymes françois, leur significations et le choix qu'il en faut faire pour parler avec justesse. Paris, De l'Imprimerie de la Veuve d'Honry, 1736, 523 p.
18. De Girard G. Vrais principes de la langue françoise ou la Parole réduite en méthode conformément aux loix de l'usage. Paris, Le Breton, 1789. 442 p.
19. Du Marsais C.-Ch. Des tropes ou des différents sens dans lesquelles on peut prendre un même mot dans une même langue. Paris, P. Prault, 1787. 408 p.
20. Du Marsais C.-Ch. Logique et principes de grammaire. Paris, Le Breton et Hérisson fils, 1769. 342 p.
21. Girault-Duvivier. Grammaire des grammaires, ou Analyses raisonnées des meilleurs traités sur la langue française. Paris, A. Cotelle, Libraire-éditeur, 1848. 726 p.
22. Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal par Arnauld et Lancelot. Paris, Perlet, 1803. 492 p.
23. Régnier-Desmarais. Traité de la grammaire françoise. Genève, Slatkine, 1706. 778 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сенченкова Марина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: sentchenkova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Senchenkova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Lexicology and Stylistics of the French Language, Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: sentchenkova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сенченкова М. В. Лингвистические идеи французских грамматистов в европейском языкознании XVII–XVIII вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 5. С. 46–55.
DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-46-55

FOR CITATION

Senchenkova M. V. Linguistic ideas of French grammarians in European linguistics of the XVII–XVIII centuries. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 5, pp. 46–55.
DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-46-55

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81`25

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-56-67

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ В МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕДАЧЕ САКРАЛЬНОГО ТЕКСТА: ПУТЬ В БУДУЩЕЕ ИЛИ НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ПЕРЕВОДА?

Беляева И. Ф.¹, Хухуни Г. Т.¹, Осипова А. А.²

¹Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Московский педагогический государственный университет

119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель работы – анализ понятия политкорректности применительно к межъязыковой передаче текстов, рассматриваемых как сакральные, выявление основных способов придания им «политкорректного» характера и рассмотрение их статуса как *переводов*.

Процедуры и методы. Материалом исследования послужили некоторые версии Библии, главным образом вышедшие в свет в последние десятилетия прошлого – начале нынешнего века, при изучении которых применялись методы филологического анализа и интерпретации текста, а также сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты. Использование политкорректного подхода к передаче Священного Писания восходит к концу XIX в., но широкое распространение в западной культуре он получил, начиная с последней четверти XX в. Наиболее радикально он проявился в так называемой феминистической теологии; однако в большей или меньшей степени его можно наблюдать и в ряде других версий, в связи с чем возникает вопрос о возможности называть их переводами в собственном смысле слова. В новых русских переводах Библии, несмотря на существенные расхождения в ряде случаев с традиционным текстом, вызвавших оживлённую дискуссию, этот подход не выявлен.

Теоретическая и практическая значимость. Как содержащийся в статье фактический материал, так и полученные авторами результаты могут найти применение в дальнейшей разработке переводоведческой проблематики, уточнении сущности перевода и его специфики, в курсах истории и теории перевода, интерпретации текста, лингвокультурологии.

Ключевые слова: оригинал, перевод, Библия, язык, политкорректность, адекватность, эквивалентность

POLITICAL CORRECTNESS IN INTERLINGUAL TRANSMISSION OF THE RELIGIOUS TEXT: THE ROAD TO THE FUTURE, OR THE VIOLATION OF TRANSLATION PRINCIPLES?

I. Belyaeva¹, G. Khukhuni¹, A. Osipova²

¹*Moscow Region State University*

24 ulitsa Very Voloshinoi, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

²*Moscow Pedagogical State University*

1 build. 1 ulitsa Malaya Pirogovskaya, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. The paper analyzes the notion of political correctness with regard to the translation of the texts, referred to as sacred ones. The authors show the main ways of giving the said texts the politically correct character and discuss the problem of their status as translations.

Methodology. The data of the investigation includes some versions of the Bible published mainly in last decades of the 20th – the beginning of the 21st century. The methods of philological analysis and text interpretation, as well as comparative method have been used.

Results. Although the politically correct approach in its gender aspect goes back to the end of the 19th century, its broad expansion in Western culture belongs to the final quarter of the 20th century. In its most radical form this approach is represented in the so-called “feminist theology”; but it may be also observed to a greater or lesser extent in other versions; so arises the question, if they may be called translations in the proper sense of the word. Speaking about the new Russian translations of the Bible, it may be said, that despite their discrepancies with the traditional text, that caused the contradictory reaction, the said tendency in them is practically non-existent.

Research implications. Both the factual material represented in the article and the results of its study may be applied in further investigation of interlingual communication problems and teaching of the translation theory, text interpretation, cultural linguistics, etc.

Keywords: original, translation, Bible, language, political correctness, adequacy, equivalence

Введение

Вероятно, не будет большим преувеличением утверждение, согласно которому доминирующим трендом коммуникативного процесса в западной культуре стало явление политкорректности, распространяемое нередко не только на синхронический, но и на диахронический аспекты. Это проявляется в «выправлении» в соответствии с её требованиями произведений классической литературы, редактировании кинофильмов, созданных в прошлом веке, коренной переоценке роли многих исторических деятелей и т. п. Естественно, не могла она не затронуть и сферы межъязыковой коммуникации. Появился ряд работ, содержащих своего рода «кодекс политкорректности» (см., напр., [16; 17; 21]).

Как известно, само это понятие достаточно объёмно и охватывает национальные, расовые, религиозные и иные аспекты. Однако применительно к библейскому дискурсу на передний план выдвинулись вопросы инклюзивного языка, в первую очередь связанные с гендерной стороной, – чему в немалой степени способствовала так называемая феминистическая теология, представленная рядом направлений [3; 12; 14]. Естественно, в связи с этим исследуется и вопрос, сохраняется ли при использовании «политкорректного языка» верность оригиналу, в том числе когда объектом межъязыковой передачи является библейский текст [18]. Некоторые моменты, относящиеся к указанной проблеме, рассматриваются ниже.

Эволюция понимания перевода

Характеризуя труды по теории перевода, созданные отечественными учёными второй половины прошлого века, представлявшими лингвистическое направление, часто обращают внимание на то, что принадлежавшие к нему авторы могли по многим вопросам достаточно существенно расходиться друг с другом (обстоятельство, позволившее Р. Р. Чайковскому заметить, что, в отличие от литературоведческой, «лингвистическая школа распушилась как веер» [15, с. 10]). Однако при всём различии подходов к тем или иным конкретным вопросам (порой достаточно серьёзном) их характеризовала одна общая черта, которую до определённого времени разделяло и большинство их зарубежных коллег, – перевод рассматривался в первую очередь в его отношении к исходному (оригинальному) тексту. Приведём в этой связи несколько определений:

«Перевод – речевое произведение в его соотношении с оригиналом ... перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [13, с. 10].

«Задача переводчика – передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности» [9, с. 7].

«Перевод – это вид языкового посредничества, при котором на другом языке создается текст, предназначенный для полноправной замены оригинала, в качестве коммуникативно-равнозначного последнему» [6, с. 44].

Однако этот, как его стали называть позднее, «текстоцентричный» подход стал подвергаться критике – сначала в зарубежной науке (в чём сыграли роль и появившиеся в это период концепции динамической / функциональной эквивалентности Ю. Найды, скопос-теории К. Райс и Х. Фермеера с их последователя-

ми и ряд других¹), а затем и в отечественном переводоведении (см., например, [10]). При этом в некоторых моментах представители названных течений достаточно сильно расходились друг с другом, однако – во всяком случае, в практическом плане – в них прослеживалась общая тенденция: провозглашение возможности и даже необходимости в ряде случаев отойти от исходного текста не только в формальном, но и в содержательном планах. Разумеется, появляются и работы, в которых указанный тренд не проявляется столь очевидно (можно вспомнить недавно изданные в нашей стране книги [2; 4]), но в целом, вероятно, его можно считать если не доминирующим, то, во всяком случае, одним из наиболее влиятельных в зарубежном переводоведении, а требование «низвести исходный текст с пьедестала» (мотивируемое тезисом, что вообще существует не некий единый исходный текст, а множество его интерпретаций) воспринимается как вполне приемлемое (см., напр., [20]).

Естественно, что ярче всего подобного рода «множество интерпретаций» будет проявляться как раз в придании исходному тексту политкорректного характера, которым последний не только не обладал, но и который зачастую прямо противоречит его установкам. При этом в качестве аргумента часто используется апелляция к «лояльности намерениям автора» [19], которые в подавляющем большинстве случаев объективной проверке не поддаются.

Но, прежде чем перейти к анализу конкретных примеров того, каким образом придание Священному Писанию политкорректного характера осуществлялось в тех или иных версиях, отметим, что предлагаемая статья не претендует на сколь-нибудь полный обзор приёмов и методов достижения политкорректности библейского дискурса даже только в од-

¹ Критический обзор ряда концепций, представленных в современном переводоведении, можно найти в [8].

ном – гендерном – аспекте, поскольку это потребовало бы гораздо более обширного (возможно, не одного) труда.

Инклюзивная Библия: первый опыт

Хотя появление гендерной лингвистики в собственном смысле слова принято относить к последним десятилетиям XX в., в интересующей нас области попытки «переосмыслить» библейский текст начались почти за сто лет до этого, когда появилось феминистическое движение.

Первой в ряду «борцов за гендерное равноправие» при передаче библейских текстов называют обычно американскую суфражистку Элизабет Кэди Стэнтон (Elizabeth Cady Stanton, 1815–1902), игравшую видную роль в борьбе за избирательные права женщин (и участвовавшую в аболиционистском движении за освобождение чернокожих), автора «Женской Библии», вышедшей в конце позапрошлого столетия. Однако здесь целесообразно сделать оговорку – переводом как таковым (т. е. созданием нового текста на переводном языке путём непосредственной передачи с исходного) этот труд при всей его значимости может быть назван в значительной степени условно. Элизабет Кэди Стэнтон и её коллеги ставили целью не столько перевести Священное Писание, сколько прокомментировать его с феминистических позиций (подробно об истории создания и установках авторов «Женской Библии» см. [1]). Об этом чётко говорится в предисловии к названному труду: “The object is to revise only those texts and chapters directly referring to women, and those also in which women are made prominent by exclusion. As all such passages combined form but one-tenth of the Scriptures, the undertaking will not be so laborious as, at the first thought, one would imagine”¹.

¹ См.: Stanton E. C. The Woman's Bible // The Internet Archive. URL: <https://archive.org/stream/thewomansbible09880gut/wbibl10.txt> (дата обращения: 24.02.2021).

Примером того, как реализовывалась эта цель, могут служить комментарии к имеющимся в книге Бытия двум версиям рассказа о сотворении человека (об одновременном сотворении мужчины и женщины и о создании Евы из ребра Адама). Рассмотрение обоих фрагментов (довольно обширное с привлечением существовавших в период создания рассматриваемой книги взглядов на библейский текст) завершается выводом, клеймящим некоего «коварного автора», специально использовавшего приём введения злого духа с целью дезавуировать содержащуюся выше идею о равенстве мужчины и женщины. Как подчёркивает «Женская Библия», подобная трактовка в корне неверна и не может быть оправданна, поскольку этот дух существовал и до грехопадения: “It is evident that some wily writer, seeing the perfect equality of man and woman in the first chapter, felt it important for the dignity and dominion of man to effect woman's subordination in some way. To do this a spirit of evil must be introduced, which at once proved itself stronger than the spirit of good, and man's supremacy was based on the downfall of all that had just been pronounced very good. This spirit of evil evidently existed before the supposed fall of man, hence woman was not the origin of sin as so often asserted”².

Приведённый выше фрагмент представляет интерес и в силу того, что в нём отчётливо прослеживается стратегия, характерная и для многих позднейших политкорректных (в том числе, и гендерно-политкорректных) переработок Священного Писания, о которых будет сказано несколько ниже. Их создатели нередко утверждали, что «переосмысление» библейского текста в подобном духе – это не искажение Слова Божия, а напротив, возвращение последнему его «подлинного» смысла, извращённого ревнителями патриархального мировоззрения.

² См.: Stanton E. C. The Woman's Bible // The Internet Archive. URL: <https://archive.org/stream/thewomansbible09880gut/wbibl10.txt> (дата обращения: 24.02.2021).

О деятельности Э. Стэнтон имеется достаточно обширная литература, а сама «Женская Библия» неоднократно переиздавалась (кстати, в 2018 г. на французском языке была опубликована книга под аналогичным заглавием¹, представлявшая собой, правда, не перевод *The Woman's Bible*, а самостоятельную интерпретацию Библии в феминистическом духе, ориентированную уже на современную аудиторию). Однако в России до последнего времени, когда стали появляться посвящённые ей публикации, деятельность американской суфражистки была известна относительно мало (показательно, что в известном «Библиологическом словаре» А. Меня, созданном в конце прошлого столетия, данные о ней отсутствуют).

Инклюзивный язык: проблема местоимений

Что касается современных продолжателей Э. Стэнтон, вышедшие к настоящему времени «политкорректные переводы» вызывали и продолжают вызывать оживлённый отклик, в том числе в российской научной литературе [5; 12; 14]. При этом – что представляется вполне естественным – в центре внимания оказываются в первую очередь англоязычные версии подобного рода изданий². Хотя, как известно, английский в современном мире действительно нередко рассматривается как глобальный и доминантный язык, а созданные на нём «инклюзивные Библии»³ нередко выступают в качестве своего рода образца, указанные тенденции, как свидетельствует хотя бы приведённый выше пример с французской *Une Bible des femmes*, имеют место и в других лингвокультурах, в част-

ности, в немецкой, на которой мы остановимся несколько позже.

Разумеется, в имеющихся подходах к решению данной задачи (отчасти объясняющейся и собственно лингвистическими моментами) наблюдаются и некоторые различия. Так, в английском языке при слабой выраженности категории грамматического рода обеспечить «инклюзивность» текста, вероятно, несколько проще, чем в немецком, где даже за словами, обозначающими некоторых лиц женского пола (*das Mädchen, das Mädchen, das Weib*), закреплена грамматическая форма среднего рода. Нам неизвестно, были ли попытки создать гендерно-нейтральные версии Библии на грузинском языке, но явно один момент, вызывающий весьма серьёзную озабоченность у создателей подобного рода асексуальных переводов, в этом случае был бы полностью нерелевантен. Речь идёт об использовании личного местоимения третьего лица *он* для обозначения общего рода. Показательна в этом отношении одна из наиболее популярных англоязычных Библий нашего времени – *New International Version*, где вопрос, допустимо ли употребление местоимений мужского рода *he, him, his* в качестве общего обозначения по отношению к мужчинам и женщинам, разбирается весьма подробно. Причём подход авторов представляется не лишённым любопытства. Прежде всего отмечается, что в тех случаях, когда адресат очевиден, в тексте используются гендерно-нейтральные местоимения множественного числа, хотя при этом и признаётся, что традиционное применение остаётся достаточно распространённым и в сниженном варианте современного английского: “This usage does persist at a low level in some forms of English, and this revision therefore occasionally uses these pronouns in a generic sense. But the tendency, recognized in day-to-day usage and confirmed by extensive research, is away from the generic use of “he,” “him,” and “his.” In recognition of this shift in language and in an effort to

¹ *Une Bible des femmes* / dir. P. Daviau, L. Savoy, É. Parmentier. Genève: Labor et Fides, 2018. 300 p.

² Ср. замечание митрополита Илариона о гендерно-нейтральных «инклюзивных» версиях: «Данный феномен имеет отношение преимущественно к переводам Библии на английский язык» [7].

³ Среди них можно назвать, в частности, *The Inclusive Bible: the First Egalitarian Translation*. Lanham Md.: Rowman & Littlefield Publishers, 2007. 808 p.

translate into the “common” English that people are actually using, this revision of the NIV generally uses other constructions when the biblical text is plainly addressed to men and women equally. The reader will frequently encounter a “they,” “their” or “them” to express a generic singular idea”¹.

Что же касается лексем *man* и *man-kind*, когда речь идёт о человеческом роде в целом, то по отношению к ним выбран компромиссный вариант – их применение допускается наряду с другими средствами: “... most English speakers today tend to hear a distinctly male connotation in this word. In recognition of this change in English, this edition of the NIV, along with almost all other recent English translations, substitutes other expressions when the original text intends to refer generically to men and women equally. ... On the other hand, “man” and “mankind,” as ways of denoting the human race, are still widely used. This edition of the NIV therefore continues to use these words, along with other expressions, in this way”².

Поскольку в грузинском языке отсутствие грамматической категории рода распространяется и на местоимения, обозначающие третье лицо, прибегать к замене единственного числа множественным в большинстве случаев вряд ли потребуется (если вопрос о создании подобного рода «инклюзивных Библий» по-грузински вообще возникнет).

Гендерно-политкорректные Библии: опыт типологии

Рассуждая о некоторой общей типологии подобных версий, можно выделить среди них (естественно, несколько упрощая ситуацию) следующие разновидности: 1) практически полную переработку библейского текста, в ряде случаев фактически придающую ему прямо противоположный характер в духе упомянутого выше «феминистического богословия»;

2) создание новых версий, с одной стороны, провозглашающих стремление к адекватной передаче оригинала (т. е. без крайностей типа замены определения Бога как отца на «мать», но с использованием инклюзивного языка там, где, по мнению авторов, это допускает интерпретация соответствующих фрагментов); 3) использование подобных гендерно-нейтральных форм при редактировании классических («национальных») переводов Священного Писания с целью сделать их более политкорректными.

Среди немецких версий к первому типу (правда, с некоторыми существенными оговорками) можно отнести относительно недавно вышедшую в Германии несколькими изданиями *Bibel in gerechter Sprache*, созданную коллективом авторов под руководством Луизы Метцлер. Как отмечают её создатели, сам термин *gerechte Sprache* представляет собой утвердившуюся с 80-х гг. прошлого века передачу (*Wiedergabe*) используемого в США понятия *inclusive language* (см. выше). Однако нельзя не заметить, что эквивалентность в данном случае представляется относительной: английское *inclusive* само по себе в языковом плане может рассматриваться как нейтральное, тогда как немецкое *gerechte* неизбежно воспринимается как претендующее на «правильность», коей противостоят версии «неправильные». Поэтому авторы сочли необходимым оговорить, что предложенное ими название отнюдь не означает отрицания других существующих переводов, а речь идёт об особой «правильности», которая бы соответствовала основной теме Библии: “Der Name Bibel in gerechter Sprache erhebt nicht den Anspruch, dass diese Übersetzung gerecht ist, andere aber ungerecht sind. Sie stellt sich die Anforderung, dem biblischen Grundthema Gerechtigkeit in besonderer Weise zu entsprechen”³.

¹ Holy Bible. New International Version NIV. Grand Rapids, Michigan: Zondervan, 2011. P. VI–VII.

² Ibid. P. VI.

³ Bibel in gerechter Sprache. München: Gütersloher Verlagshaus. Gütersloh in Verlagsguppe Random House. GmbH, 2011. S. 9.

В интересующем нас плане создатели названной книги подчёркивают два момента. Признавая, что Библия отражает патриархальный мир и использует лексику и грамматические формы мужского рода (Nun stammt die Bibel aus seiner patriarchalen Welt und spricht oft grammatisch nur von "Söhnen Israels" und "Jüngern"), авторы задаются риторическим вопросом, будет ли такая «чисто филологическая» передача, представленная практически во всех существующих переводах, верной также и по существу? Понятно – учитывая установки творцов «Библии на правильном языке», – что ответ на это даётся абсолютно отрицательный. В связи с этим подчёркивается, что необходимо принимать во внимание социально-исторические условия, чтобы выяснить, не включает ли подобное обозначение и женщин и – что особенно интересно – как в «сегодняшнем языке» обозначалось бы подобное положение вещей (думается, понятно, как ...): "Ist aber rein philologisch korrekte Übergabe – die man in praktisch allen anderen Übersetzungen nachlesen kann – auch die sachlich richtige? ... Es ist notwendig, jedes Mal auf der Grundlage sozialgeschichtlicher Forschungen zu fragen, ob eine männliche Bezeichnung auch Frauen umschließt und wie in unserer heutigen Sprache der betreffende Sachverhalt bezeichnet würde"¹.

Второй момент (пожалуй, являющийся одной из наиболее ярких черт «феминизированных Библий» этого типа) относится уже к обозначению наименования Господа, который, по мысли авторов, также не должен характеризоваться в грамматическом плане исключительно мужским родом. При этом принципиально рассуждения практически не отличаются по установкам от предшествующего примера: хотя о Боге в грамматическом плане принято говорить в мужском роде, здесь, опять-таки, имеется множество признаков и однозначных формулировок, де-

монстрирующих, что Бог не подчиняется половой принадлежности.

На основе двух указанных критериев делается вывод, что следует порвать с традицией передавать библейское имя Бога через слово «Господь» (Herr): "Für das Profil dieser Bibelübersetzung ist ferner zentral, dass durchgängig versucht wird, Gott nicht einseitig mit grammatisch männlich Bezeichnungen zu benennen. ... Obwohl von Gott grammatisch sich überwiegend männlich geredet wird, gibt es seine Fülle von Signalen und eindeutigen Formulierungen, dass Gott jenseits der Geschlechtspolarität steht. ... Beide genannten Kriterien sind wichtige Gründe, mit der Tradition zu brechen, die den biblischen Namen Gottes mit "Herr" wiedergibt"².

Среди версий второго типа наиболее известна, пожалуй, *Gute Nachricht Bibel*, представляющая собой своего рода «склонение на немецкий лад» принципов, которые легли в основу англоязычной *Good News Bible / Good News Translation*, опиравшейся на принципы «динамической эквивалентности» Ю. Найды. Создание её относится к 80–90-м гг. прошлого века; однако, как и другие подобные версии, она периодически переиздается с той или иной степенью переработки, в которых не последнюю роль играет и стремление усилить «гендерное равноправие». Теоретические декларации здесь обычно носят менее эпатажный для приверженцев традиционных версий характер, однако «гендерная озабоченность» достаточно явно проявляется и в них. Одним из наиболее ярких примеров последней можно считать «расширение» обращения к аудитории за счёт включения в него наименований лиц женского пола. В этой связи отмечалось, что это первая (но, добавим, далеко не последняя) немецкая Библия, которая к традиционному обращению «братья» добавила «и сестры»: "... war sie die erste Übersetzung, die die Bedeutung und Rolle von Frauen sichtbar

¹ Ibid. S. 10.

² Ibid.

macht, z.B. mit der Redewendung: „Brüder und Schwestern“¹. Ср. Послание к филиппийцам (4.1) апостола Павла в Библии Лютера 1545 г.: „meine lieben und ersehnten Brüder“ и в *Gute Nachricht Bibel*: „meine geliebten Brüder und Schwestern“¹.

Анализируя переводы третьего типа, целесообразно в первую очередь назвать саму Библию Лютера. Справедливости ради, следует сказать, что сам Лютер никогда не рассматривал её (используя выражение одного известного исторического деятеля, сказанное, правда, по другому поводу) «как нечто законченное и неприкосновенное», о чём неоднократно писали многие авторы. Приведём в этой связи цитату из первой биографии немецкого реформатора на русском языке, опубликованной, кстати, ещё в советское время: «Непримиримый в теологических спорах с противниками, Лютер был поразительно терпим по отношению к критике своей переводческой работы (к её научному филологическому корректированию, как мы сказали бы сегодня). Он шёл навстречу поправкам: он искал возражений. До конца дней создатель немецкой Библии неустанно совершенствовал своё творение и созывал новые и новые «ревизионные комиссии по переводу Священного писания» [11, с. 258].

Собственно, на это обстоятельство и ссылались его продолжатели, занимавшиеся пересмотром и редактированием лютеровского перевода в последующие годы. Однако нельзя не отметить, что стратегия «современной Библии Лютера» (наиболее важны в этом плане версия 1984 г. и, особенно, 2017 г. – последняя была приурочена к 500-летию юбилею Реформации) исходила в интересующем нас вопросе из несколько иных принципов. Речь шла не столько о «филологической корректировке» (т. е. выявлении случаев расхождения с оригиналом и их устранения), сколько, напротив, об

отходе в ряде случаев от неё ради – как выражались создатели «Библии на правильном языке», чьи рассуждения мы приводили выше, – «верности по существу». Правда, создателями *Lutherbibel 2017* в большей степени подчёркивается пиетет к языку Лютера, оказавшему столь большое влияние на немецкий язык и литературу, и недопустимость насилия над ним, однако тут же оговаривается, что, тем не менее, эта «новая Библия» должна стать «гендерно-справедливой», вследствие чего требуется, опять-таки, добавить к «братьям» «сестёр» (что, как мы видели, является общим в такого рода версиях), а также – здесь как раз и называется собственно лингвистический момент – заменить при обозначении женщины слово среднего рода *das Weib* лексемой женского рода *die Frau*: „Der deutschen Sprache Luthers soll keine Gewalt angetan werden ... immerhin hat der Reformator mit seinem geschliffenen Ausdruck und einem reichen Wortschatz die Deutsche Sprache und Literatur tiefgreifend geprägt. Die neue Bibel soll jedoch gendergerechter werden ... So wird der Wortlaut „Brüder“ beispielsweise zu „Brüder und Schwestern“ umgeändert. Zudem wird das Wort „Weib“ weitgehend durch „Frau“ ersetzt werden“². Действительно, такая замена отчётливо представлена в ряде фрагментов. Так, в первом послании к Тимофею (2:12) исходному лютеровскому „Einem Weibe aber gestatte ich nicht das sie lere“ в версиях 1984 и 2017 гг. соответствует „Einer Frau gestatte ich nicht, dass sie lehre“³. Примечательно, что излагались изложенные выше «заповеди гендерного равенства» в статье под названием: „Neue Übersetzung: Luthers

¹ Gute Nachricht Bibel // ERF Bibleserver : [сайт]. URL: <https://www.bibleserver.com/bible/GNB> (дата обращения: 26.02.2021).

² Kreuzer G. Neue Übersetzung: Luthers Bibel soll weiblicher werden (30.03.2015) // |Hamburger Abendblatt : [сайт]. URL: <https://www.abendblatt.de/ratgeber/wissen/article205230741/Neue-Uebersetzung-Luthers-Bibel-soll-weiblicher-werden.html> (дата обращения: 26.02.2021).

³ Timotheus 2 – Lutherbibel 2017 (LU17) // Deutsche Bibelgesellschaft : [сайт]. URL: <https://www.die-bibel.de/bibeln/online-bibeln/lesen/LU17/1TI.2/1.-Timotheus-2> (дата обращения: 26.02.2021).

Bibel soll weiblicher werden», т. е. с использованием того же самого корня *weib-*, который вызывает у борцов с «сексизмом» столь отрицательное отношение.

Политкорректность и русские переводы Библии: игнорирование или отрицание?

Несколько слов о «гендерном вопросе» в русских переводах Библии. Как известно, их появление, начиная с Синодального перевода, признанного сейчас своего рода «национальной» версией Священного Писания, сопровождалось весьма неоднозначной реакцией, а некоторые версии (прежде всего «Радостная Весть» В. Н. Кузнецовой, вошедшая в переработанном виде в качестве Нового Завета в Современный русский перевод Российского библейского общества 2011 и 2015 гг.) спровоцировали весьма острую полемику. Однако среди многочисленных замечаний упрек в неоправданной феминизации текста, насколько нам известно, не предъявлялся. Понятно, что ситуация, аналогичная истории со словом *das Weib*, к русскому языку вообще неприменима (как и выдвигавшаяся по отношению к английскому *woman* претензия из-за второго наличествующего в нём компонента, в связи с чем появились варианты типа *womyn*, *womban* и т. п.). Что же касается «братьев и сестёр», здесь русские версии проявляют явное единодушие – ср. передачу фрагмента из приведённого выше Послания апостола Павла к филиппийцам (4:1) в Синодальном переводе, версии Российского библейского общества и так называемой Заокской Библии, создававшейся по инициативе российских адвентистов в Заокской духовной академии¹: «братья мои возлю-

бленные и возжеленные» (Синодальный перевод) / «любимые мои и желанные братья» (Перевод РБО) / «братья мои возлюбленные и желанные» (Заокская Библия). Не затрагивается этот вопрос – в отличие от рассмотренных западных версий – и в предисловиях к названным изданиям, где излагаются теоретические принципы их авторов. Принимая во внимание, что Российское библейское общество позиционирует себя как внеконфессиональная организация, а Заокская академия носит открыто неправославный характер, можно предположить, что отмеченная особенность в определённой степени отражает ценностные установки представителей отечественной лингвокультуры, даже различающихся по религиозной принадлежности. Фактическое отсутствие в русских версиях Священного Писания – в отличие от западных – «феминистического тренда» признают и авторы, достаточно благожелательно настроенные по отношению к нему². Что касается представителей Русской Православной Церкви, то их отношение к подобным интерпретациям ясно выразил митрополит Иларион: «Переводчик не имеет право привносить в библейский текст отзвуки новомодных дискуссий, чуждых миру Библии. Православная Церковь последовательно выступает против так называемых *gender-neutral* (нейтральных в половом отношении) версий Библии, в которых применительно к Богу используется «инклюзивный язык». Распространённые на Западе феминистские версии Писания воспринимаются православным христианином как непозволительное посягательство на священный текст, граничащее с кощунством» [7].

¹ Использованы следующие издания названных источников: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2013. 1233 с.; Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современный русский перевод / ред. Л. В. Маневич, И. С. Козырев. М.: Российское библейское общество, 2015. 2640 с.; Библия. Книги

Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В современном русском переводе / под ред. М. П. Кулакова. М.: Институт перевода Библии при Заокской духовной академии, 2015. 1856 с.

² «Не во всех мифах женщина – причина грехопадения». Библист Глеб Ястребов – о попытках феминизации Священной истории. Беседовала Елена Кудрявцева // Огонек. 2018. № 47. С. 38).

Заключение

Как показывает представленный в статье материал, «политкорректные» версии Священного Писания в их «гендерно-инклюзивной» ипостаси, с одной стороны, могут несколько по-разному решать поставленную перед ними задачу – от полной переработки библейского текста в соответствии с постулатами «феминистического богословия» до частичной «феминизации» традиционных версий, сопровождаемой оговорками о недопустимости «лингвистического насилия» над ними. Однако в любом случае собственно филологический аспект – воспроизведение в переводе формы и

даже в некоторых случаях содержательной стороны подлинника – оказывается в значительной степени элиминированным. В связи с этим представляется не лишённым основания вопрос: насколько выполненные в соответствии с требованиями политкорректности тексты можно признавать *переводом*, учитывая, что производимые в угоду ей преобразования не только видоизменяют оригинал, но и нередко придают ему характер, никак не согласующийся ни с эпохой, когда он создавался, ни с характером «переводимого» произведения?

Статья поступила в редакцию 05.03.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Басаури-Зюзина А. М. Женская Библия: к истокам феминистской теологии // Религиоведческие исследования. 2020. № 1 (21). С. 36–55. DOI: 10.23761/rrs2020-21.36-55
2. Беллос Д. Что за рыбка в вашем ухе? : Удивительные приключения перевода. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. 416 с.
3. Введение в гендерные исследования / под общ. ред. И. В. Костиковой. М.: Аспект Пресс, 2005. 235 с.
4. Келли Н., Цетше Й. Тонкости перевода: как язык влияет на нашу жизнь и преобразует мир. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. 272 с.
5. Колосова И. А. Инклюзивный язык Библии // Метафизика : [сайт]. URL: <https://www.metafisika.ru/inkluziyazikbiblii.html> (дата обращения: 24.02.2021).
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: курс лекций. М.: ЭТС, 2000. 192 с.
7. Митрополит Иларион. Переводы Библии: история и современность // Православный портал «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/sovremennaja-bibleistika-i-predanie-tserkvi/2_1 (дата обращения: 28.02.2021).
8. Пим Э. Теоретические парадигмы в переводоведении. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018. 255 с.
9. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.
10. Сдобников В. В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода. М.: Флинта, 2016. 463 с.
11. Соловьев Э. Ю. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М.: Молодая гвардия, 1984. 288 с.
12. Суковатая В. А. Феминистская теология и гендерные исследования в религии: перспективы новой духовности // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 183–192.
13. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
14. Финогенова А. Зачем нужна инклюзивная Библия? // Fem Talks : [сайт]. URL: <https://femtalks.moscow/tpost/7vj9uhxs51-zachem-nuzhna-inkluzivnaya-bibliya> (дата обращения: 24.02.2021).
15. Чайковский Р. Р. Свет и тени современного российского переводоведения. // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2016. № 4. С. 5–25.
16. Шаров К. С. Гендерно-нейтральные лингвистические трансформации мессианских священных текстов в современной англиканской гомилетической литературе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 2. С. 523–543. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-523-543.
17. Ardelean C. The Challenge of Political Correctness in the Translation of “Sensitive” Texts // Научные труды на Русенский университет. 2008. Т. 47. Серия 5.3. С. 24–28.

18. Baker-Wright M. Translation Accuracy or Political Correctness? // Transforming Seminarian : [сайт]. URL: <http://transformingseminarian.blogspot.com/2012/06/translation-accuracy-or-political.html> (дата обращения: 24.02.2020).
19. Nord Chr. Function Plus Loyalty: Ethics in Professional Translation // Genesis Revista Científica do ISAG. 2007. Vol. 6. P. 7–17.
20. Prunč E. Entwicklungslinien der Translationswissenschaft: Von den Assimetrien der Sprachen zu den Assimetrien der Macht. Berlin: Frank & Timme, 2012. 528 S.
21. The Peculiarities of the Translation of the Politically Correct Vocabulary / F. G. Muchametzyanova, R. K. Khairutdinov, R. R. Fakhrutdinov, G. M. Kvon, V. P. Butakova // QUID: Investigación, Ciencia y Tecnología, 2017, no. Extra 1. P. 2582–2586.

REFERENCES

1. Basauri-Zyuzina A. M. [The Woman's Bible: to the origins of feminist theology]. In: *Religiovedcheskie issledovaniya* [Researches in Religious Studies], 2020, no. 1 (21), pp. 36–55. DOI: 10.23761/rrs2020-21.36-55.
2. Bellos D. *Chto za rybka v vashem ukhe? : Udivitel'nye prikladyeniya perevoda* [Is that a fish in your ear? The Amazing Adventure of Translation]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus Publ., 2019. 416 p.
3. Kostikov I. V., ed. *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to gender studies]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2005. 235 p.
4. Kelly N., Zetzsche J. *Tonkosti perevoda: kak yazyk vliyaet na nashu zhizn' i preobrazuet mir* [Found in translation: how language shapes our lives and transforms the world]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus Publ., 2021. 272 p.
5. Kolosova I. A. [The inclusive language of the Bible]. In: *Metafizika* [Metaphysics]. Available at: <https://www.metafizika.ru/inkluziyazikbiblii.html> (accessed: 24.02.2021).
6. Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation]. Moscow, ETS Publ., 2000. 192 p.
7. Metropolitan Hilarion. [Bible translations: history and modernity]. In: *Pravoslavnyi portal «Azbuka very»* [Orthodox portal "Alphabet of Faith"]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/sovremennaja-bibleistika-i-predanie-tserkvi/2_1 (accessed: 28.02.2021).
8. Pym A. *Teoreticheskie paradigmy v perevodovedenii* [Exploring translation theories]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University Publ., 2018. 255 p.
9. Retsker Ya. I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* [Translation theory and translation practice]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1974. 216 p.
10. Sdobnikov V. V. *Kommunikativnaya situatsiya kak osnova vybora strategii perevoda* [Communication situation as the basis for choosing a translation strategy]. Moscow, Flinta Publ., 2016. 463 p.
11. Solov'ev E. Yu. *Nepobezhdennyi eretik: Martin Lyuter i ego vremya* [The Undefeated Heretic: Martin Luther and His Time]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1984. 288 p.
12. Sukovataya V. A. [Feminist Theology and Gender Studies in Religion: Prospects for a New Spirituality]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2002, no. 4, pp. 183–192.
13. Fedorov A. V. *Osnovy obshchei teorii perevoda* [Fundamentals of general theory of translation]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1983. 303 p.
14. Finogenova A. [Why do we need an inclusive Bible?]. In: *Fem Talks*. Available at: <https://femtalks.moscow/tpost/7vj9uhxs51-zachem-nuzhna-inklyuzivnaya-bibliya> (accessed: 24.02.2021).
15. Chaikovsky R. R. [Light and shadows of modern translation studies in Russia]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda* [The Moscow University Herald. Series 22: Translation Theory], 2016, no. 4, pp. 5–25.
16. Sharov K. S. [Gender-neutral linguistic transformations of messianic scriptures in the modern Anglican homiletic literature]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika* [RUDN Journal of Linguistics], 2019, vol. 23, no. 2, pp. 523–543. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-523-543
17. Ardelean C. The Challenge of Political Correctness in the Translation of "Sensitive" Texts. In: *Nauchni trudove na Rusenskiy universitet*, 2008, Vol. 47, Seriya 5.3, pp. 24–28.

18. Baker-Wright M. Translation Accuracy or Political Correctness? In: *Transforming Seminarian*. Available at: <http://transformingseminarian.blogspot.com/2012/06/translation-accuracy-or-political.html> (accessed: 24.02.2020).
19. Nord Chr. Function Plus Loyalty: Ethics in Professional Translation. In: *Genesis Revista Científica do ISAG*, 2007, vol. 6, pp. 7–17.
20. Prunč E. Entwicklungslinien der Translationswissenschaft: Von den Assimetrien der Sprachen zu den Assimetrien der Macht. Berlin, Frank & Timme, 2012. 528 S.
21. Muchametzyanova F. G., Khairutdinov R. K., Fakhrutdinov R. R., Kvon G. M., Butakova V. P. The Peculiarities of the Translation of the Politically Correct Vocabulary. In: *QUID: Investigación, Ciencia y Tecnología*, 2017, no. Extra 1, pp. 2582–2586.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляева Ирина Фёдоровна – кандидат филологических наук, доцент, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: belyaevairin@mail.ru

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: khukhuni@mail.ru

Осипова Анна Александровна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой контрастивной лингвистики Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; e-mail: assya@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina F. Belyaeva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Director of the Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University; e-mail: belyaevairin@mail.ru

Georgy T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Language Theory, Anglistics and Applied Linguistics, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University; e-mail: khukhuni@mail.ru

Anna A. Osipova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Departmental Head, Department of Contrastive Linguistics, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University; e-mail: assya@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Беляева И. Ф., Хухуни Г. Т., Осипова А. А. Политкорректность в межъязыковой передаче сакрального текста: путь в будущее или нарушение принципов перевода? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 5. С. 56–67.
DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-56-67

FOR CITATION

Belyaeva I. F., Khukhuni G. T., Osipova A. A. Political correctness in interlingual transmission of the religious text: the road to the future, or the violation of translation principles? In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 5, pp. 56–67.
DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-56-67

УДК 81.347.78.034

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-68-74

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА В РАБОТАХ М. В. ЛОМОНОСОВА

Голубкова О. Н.*Удмуртский государственный университет**426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель исследования – проанализировать работы М. В. Ломоносова, в которых раскрываются его взгляды на перевод как важный вид межкультурного взаимодействия и на роль русского языка как языка перевода.

Процедура и методы. Анализ статьи М. В. Ломоносова «О переводах», которая представлена в виде конспективных заметок, осуществлён в сопоставлении со взглядами учёного на проблему переводимости и роль русского языка в её обеспечении в его «Трудах по филологии 1739–1758 гг.» Используются описательный метод и метод сопоставительного анализа.

Результаты. М. В. Ломоносов отстаивал идею переводимости, т. е. способности русского языка передавать особенности оригинала с необходимой полнотой. Учёный считал необходимым бережное отношение к русскому языку, его защиту от неоправданных заимствований, проникающих в процессе перевода. Ломоносов отмечал особенности передачи рифмы, имён и обращений с французского языка на русский, использование деепричастия в языке перевода.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование дополняет представления о роли М. В. Ломоносова в истории отечественного перевода и о значении сформулированного им положения о необходимости бережного отношения к использованию русского языка как языка перевода.

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, перевод, переводоведение, переводимость, русский язык

THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES OF TRANSLATION IN THE WORKS OF M. V. LOMONOSOV

O. Golubkova*Udmurt State University**1 ulitsa Universitetskaya, Izhevsk 426034, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze M. V. Lomonosov works, which reveal his views on translation as an important type of interlanguage interaction and on the role of the Russian language as a target language.

Methodology. The analysis of M. V. Lomonosov's article 'On translations', which is presented in the form of synopsis, is carried out in comparison with the scholar's views on the problem of translatability and the role of the Russian language in its provision in his "Works on Philology of 1739–1758". Descriptive and comparative methods are used.

Results. M. V. Lomonosov defended the idea of translatability, the ability of the Russian language to convey the character of the original with the proper completeness. The scholar considered it necessary to respect the Russian language and protect it from unjustified borrowings that penetrate

into it in the translation process. Lomonosov noted the peculiarities of transferring rhymes, names, titles and forms of address from French to Russian, and the use of some grammar structures in the translation language.

Research implications. The research adds to the understanding of the role of M. V. Lomonosov in the history of Russian translation and the significance of his statement about the need for careful use of the Russian language as the language of translation.

Keywords: M. V. Lomonosov, translation, translation studies, translatability, Russian

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью проанализировать роль М. В. Ломоносова в становлении отечественного переводоведения, изучение истории которого имеет большое значение для осознания будущими переводчиками и филологами глубины открытий в области межъязыковых взаимодействий русского языка. В известных исследованиях по истории перевода в России имя Ломоносова занимает почётное место, однако ещё остаются лакуны в понимании его взглядов на роль перевода в отечественной словесности [4, с. 214–215; 5, с. 21–23; 7, с. 57–58]. Развитие естественных и гуманитарных наук в период начала и середины XVIII в. предполагало знакомство широких кругов исследователей и преподавателей с публикациями и образцами литературы и истории, поэтому М. В. Ломоносов (1711–1765) понимал значимость перевода как деятельности, и осознавал потребность современного ему общества переводить значительные художественные и научные произведения с французского, немецкого, греческого, латыни и других языков. Учёный много переводил и редактировал переводы современников.

Цель исследования – проанализировать работы М. В. Ломоносова, в которых раскрываются его взгляды на перевод как важный вид межъязыкового взаимодействия, на роль русского языка как языка перевода, а также рассмотреть частные вопросы перевода, возникающие при передаче тех или иных языковых явлений средствами языка перевода.

Основываясь на рукописи «О переводах» в седьмом томе «Трудов по фило-

логии 1739–1758 гг.», изданном в 1959 г. в собрании сочинений Ломоносова, а также на примечаниях к этой работе, которые содержатся в этом же томе и принадлежат членам редакционной коллегии издания, учитывая современные подходы к переводу и переводоведению, попытаемся сформулировать некоторые положения переводческих представлений учёного¹. Во-первых, это идея переводимости, т. е. способности русского языка передавать особенности оригинала, независимо от того, с какого языка перевод выполняется; во-вторых, это стилистическое и жанровое разнообразие произведений на русском языке (в рамках теории «штилей», которая разрабатывалась Ломоносовым), которое позволяло устанавливать отношения тождественности между языком оригинала и русским языком с учётом функционального стиля, говоря современным языком лингвистики; и в-третьих, это практические заметки о частных переводческих трудностях, возникающих при передаче некоторых особенностей оригинала: рифмы (в случае работы с поэтическим текстом), имён и обращений с французского языка на русский, отдельных грамматических явлений (использование деепричастия в языке перевода).

О переводимости

М. В. Ломоносов, исполненный патристических настроений, много сделал для реформирования русского языка, для

¹ Здесь и далее цитируется: Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии (1739–1758 гг.). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 768 (далее в сноске будет указываться номер страницы).

изучения основ его грамматики и красноречия. Многие из филологических сочинений учёного проникнуты мыслями о красоте русского языка, его способности передавать выразительные средства других языков и соответствовать им, а иногда и превосходить их. Говоря языком современного переводоведения, можно истолковать известную цитату о красоте русского языка как свидетельство об убеждённости Ломоносова в абсолютной переводимости иноязычного материала средствами русского языка. В Посвящении к «Российской грамматике» М. В. Ломоносов утверждал, что в русском языке можно найти «великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италийского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка»¹. И уже непосредственно о переводе он писал: «Сильное красноречие Цицероново, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском (русском – О. Г.) языке»².

В статье «О нынешнем состоянии словесных наук в России» Ломоносов отстаивает мысль об особых качествах русского языка, рассматриваемых им в исторической перспективе, которые делают русский язык уникальным инструментом в процессе перевода за счёт его способности передавать необходимые смысловые оттенки языка оригинала: «Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть»³. Все эти высказывания свидетельствуют об убеждённости учёного в исключительной способности русского языка эффективно служить языком

перевода и передавать любые оттенки значений лексического состава и грамматического строя иностранных языков. Вывод о переводимости произведений на иностранных языках средствами русского языка является важным положением, защищаемым М. В. Ломоносовым, и подтверждается двумя с половиной столетиями успешной переводческой практики и неугасаемым интересом к этому вопросу в работах лингвистов XXI в. [2].

В переводах М. В. Ломоносова всегда прослеживается какая-либо концепция, объясняющая почему именно так необходимо понимать и объяснять текст оригинала и передавать содержание определёнными средствами в языке перевода [3]. М. В. Ломоносов активно работал над осмыслением путей развития русского языка в области риторики, грамматики, стилистики. Причём знакомство с законами риторики происходило в ходе изучения античной литературы и культуры, а также немецкого, французского языков [6, с. 144]. Его труды внесли вклад в освоение целых пластов научной лексики, а также в представления о стилистическом многообразии языковых средств русского языка, которое отражалось как на письме, так и в риторике.

При этом учёный не считал себя переводчиком, и перевод находился «на периферии» его научной деятельности. Анализируя переводы Ломоносова из Гомера, А. Н. Егунов отмечает, что переводческая деятельность была нужна Ломоносову только как иллюстрация, пример к его учению о риторике: «сам Ломоносов всего менее мыслил себя переводчиком Гомера или вообще переводчиком – вероятно, его самолюбие было бы даже задето, если бы его обозначили таким наименованием, – на то имелись присяжные академические переводчики» [3].

Находясь в центре дискуссий своего времени по вопросам перевода, Ломоносов формулировал важные принципиальные подходы, которые оказывали влияние как на его современников, так

¹ С. 391.

² С. 392.

³ С. 582.

и на последующие поколения переводчиков и переводоведов. М. П. Алексеев назвал XVIII в. «опытным периодом» в истории русского перевода, так как такие выдающиеся поэты и литературные деятели, как Ломоносов, Сумароков, Тредиаковский, Державин, проявляли в это время «специфически активное и творческое» отношение к переводу, которое соответствовало классицистическому пониманию задач перевода [1, с. 130; 7, с. 58]. Поэты, занимающиеся и переводческой деятельностью, устраивали своего рода состязания, переводя один и тот же подлинник. Например, в 1743 г. на материале 143 псалма с участием Ломоносова, Сумарокова и Тредиаковского, а также в 1760 г. Ломоносов и Сумароков представили свои переводы оды Ж.-Б. Руссо «На счастье». Некоторые сборники помещали разные переводы вместе, рассчитывая на подготовленного читателя, способного оценить достоинства и недостатки каждого из переводов, целью которых считалось не создание единственно успешного и имеющего необходимые достоинства текста, а «усовершенствование» перевода, улучшение его качеств [7, с. 57].

Кроме универсальных выводов о переводимости М. В. Ломоносов решал и переводческие проблемы, свойственные его эпохе. Так, например, распространённым явлением в переводческой практике XVIII в. была работа не с текстом-оригиналом, а с текстом-посредником, доступным переводчику. Такая тенденция вызвала критическое отношение Ломоносова и привела его к выводу, что «переводить лучше с автографов», т. е. с оригиналов, авторских текстов, а не с переводов или переложений и избегать переводов с «текстов-посредников». Переводческая деятельность того времени была сосредоточена на вопросах, как перевести текст, а не на выборе более надёжного и правильного источника [6, с. 145].

О бережном отношении к русскому языку как языку перевода

Второе положение, которое является значимым для развития переводческих взглядов учёного, – «не потерять достоинств штиля» и при этом сохранить «великолепие, силу и нежность» русского языка¹. В этом пункте своего конспекта по проблемам перевода Ломоносов подчёркивает необходимость учёта стилистического разнообразия языковых средств, имеющихся в арсенале переводчика, а также осознанного и бережного отношения к русскому языку как языку перевода. О бережном отношении к русскому языку свидетельствует и тот факт, что в программе своих филологических исследований в качестве целей Ломоносов ставил изучение вопросов, которые он сформулировал следующим образом: «О преимуществах российского языка», «О чистоте р[оссийского] я[зыка]», «О красоте р[оссийского] я[зыка]»².

В «Российской грамматике» Ломоносов писал, что «тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены» поддаются выражению с помощью средств, имеющихся в русском языке. При этом он добавлял, что «ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем». Эта мысль выражалась учёным не только относительно правил красноречия, но и связывалась в его конспектах и заметках к статьям с вопросами перевода. Ломоносов считал, что чем больше человек углубляется в изучение русского слова, тем больше возможностей выразить многообразие мыслей средствами русского языка открывается перед говорящим: «безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море».³ Такие возможности возникают перед перевод-

¹ С. 767.

² С. 767.

³ С. 392.

чиком в процессе изучения грамматики, теории «штилей», а также законов и правил риторики.

Пункт 3 рукописи «О переводе» содержит мысль о «свойствах российского языка», раскрывая которую, Ломоносов конспективно перечисляет ряд переводческих трудностей, с которыми он сталкивался в процессе своей филологической деятельности и объяснение которым можно найти в ряде публикаций Ломоносова периода 1739–1758 гг., включая «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия», «Российскую грамматику», «О нынешнем состоянии словесных наук в России», «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» и др.

Ломоносов писал о качестве перевода и некоторых переводческих недостатках, которые, по его мнению, встречались при переводе с греческого языка на церковно-славянский. Отмечая «греческое изобилие» переводов, Ломоносов считал, что в процессе межъязыкового взаимодействия оно являлось источником «довольства российского слова», то есть за счёт заимствований давало возможность формулирования оттенков значения средствами русского языка. Характеризуя имеющиеся переводы, он отмечал, что «многие места оных переводов недовольно вразумительны, однако польза наша весьма велика». Переводившиеся книги с греческого на церковно-славянский не могли «миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих», однако «оние чрез долготу времени», отмечает Ломоносов, «перестали быть противны, но вошли в обычай». В ходе межъязыковой коммуникации происходило переводческое освоение понятий и категорий в русском языке, которое Ломоносов сформулировал следующим образом: «что предкам нашим казалось невразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно»¹. Это важное для теории и практики перевода за-

мечание о роли заимствований из других языков, которые на начальном этапе освоения переводного текста проникают в русский язык и выполняют необходимую функцию заполнения лакун и обогащения лексического состава языка, а впоследствии могут восприниматься как необоснованный варваризм, не теряет своей актуальности и в настоящее время.

Характеризуя свою работу с естественными текстами, Ломоносов указывал, что при переводе научных трактатов и некоторых научных публикаций ему необходимо было «искать слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые сначала казались «несколько странны», однако, учёный надеялся, что «они со временем чрез употребление знакомее будут» [4, с. 37]. Анализ имеющихся материалов по филологическим исследованиям Ломоносова позволяет сделать вывод о том, что учёный считал естественным процесс лексических заимствований и грамматической интерференции, но при этом всегда напоминал, что необходимо следить за соблюдением чистоты русского языка и следовать правилам его грамматического строя.

О переводческих трудностях

О знании Ломоносовым практики переводческого дела свидетельствует и черновая запись учёного середины января 1757 г., касающаяся подготовки перевода его книги «Русская грамматика» на немецкий язык и поиска переводчика, который бы справился с этой задачей. Ломоносов обещает своё содействие потенциальному переводчику: «Я спомогать не отрекусь», и объясняет, что его помощь будет включать действия так хорошо знакомые и современному переводчику с точки зрения необходимых переводческих операций – «погрешности исправить, недостаток наполнить, излишество откинуть»², при этом «погрешности ис-

¹ С. 587.

² С. 852.

править» относится к переводческому редактированию, а два последних современным языком переводоведения можно выразить как «трансформации добавления и опущения».

В сокращённом конспекте статьи «О переводе» М. В. Ломоносова рассматриваются частные переводческие трудности, которые представляет проблема передачи имён собственных и именованных должностей и «титолов»: к слову *Monsieur* Ломоносов приводит эквивалент «Государь мой Ив. Ив.», что соответствует современной ему норме обращения. Особо Ломоносов отмечает ошибочное употребление деепричастий в русском языке начинающими переводчиками, по предположению авторов примечаний к статье «О переводе»: «Весьма погрешают те, которые по свойству чужих языков деепричастия от глаголов личных лицами разделяют, ибо деепричастие должно в лице согласоваться с главным глаголом личным, на котором всей речи состоит сила: *идуци въ школу, встретился я съ пріятелемъ; написавъ я грамотку посылаю за море*. Но многие в противность сему пишут: *идуци я въ школу, встретился со мною пріятель; написавъ я грамотку, онъ пріѣхалъ съ моря; будучи я удостовѣренъ о вашемъ къ себе дружестве, вы можете уповать на мое къ вамъ усердіе*, что весьма неправильно и досадно слуху, чувствуящему правое российское сочинение»¹.

¹ С. 567.

Заключение

Разрабатывая филологические теории, М. В. Ломоносов внёс заметный вклад в отечественное переводоведение, в понимание важнейших для современной эпохи переводческих проблем: о неограниченных возможностях русского языка служить языком перевода и его способности передавать тончайшие оттенки значений оригинала, о необходимости бережного отношения к русскому языку и осторожного, обоснованного использования заимствований. Работая над грамматикой русского языка и учением о риторике, Ломоносов изучал аналогичные работы на других европейских и древних языках, задействуя переводческий аспект за счёт активных межъязыковых сопоставлений. Учёный предложил ряд решений относительно частных вопросов перевода, касающихся передачи титулов и имён, принципов отбора текстов-оригиналов для перевода, а также грамотном использовании деепричастий русского языка в текстах переводов. Изучение конспекта статьи М. В. Ломоносова «О переводе» будущими переводчиками позволяет сформировать интерес к истории отечественного переводоведения и способствует развитию навыков профессионального использования русского языка как языка перевода, а также воспитывает бережное к нему отношение.

Статья поступила в редакцию 17.12.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубкова О. Н. Оценка качества перевода художественного произведения в исторической перспективе // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 5. С. 129–133.
2. Евтеев С. В., Латышев Л. К. К проблеме переводимости: культурная непереводимость // Филология и культура. 2018. № 1 (51). С. 70–76.
3. Егуннов А. Н. Ломоносов – переводчик Гомера // Михаил Ломоносов : [сайт]. URL: <http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/kritika/egunov-lomonosov-perevodchik-gomera.htm> (дата обращения: 07.12.2020).
4. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). М.: Флинта, 2018. 415 с.
5. Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 448 с.

6. Смирнова А. С. Источники цитат из латинских авторов в «Кратком руководстве к красноречию» (1748) М. В. Ломоносова // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы международной научной конференции. М.: Институт российской истории Российской академии наук, 2019. С. 143–148.
7. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. 416 с.

REFERENCES

1. Golubkova O. N. [Evaluation of the quality of translation of a work of art in the historical perspective]. In: *Sovremennaya nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: actual problems of theory and practice. Series "Humanities"], 2019, no. 5, pp. 129–133.
2. Evteev S. V., Latyshev L. K. [On translatability: cultural untranslatability]. In: *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2018, no. 1 (51), pp. 70–76.
3. Egunov A. N. [Lomonosov – Homer's translator]. In: *Mikhail Lomonosov* [Mikhail Lomonosov]. Available at: <http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/kritika/egunov-lomonosov-perevodchik-gomera.htm> (accessed: 07.12.2020).
4. Nelyubin L. L., Khukhuni G. T. *Nauka o perevode (istoriya i teoriya s drevneishikh vremen do nashikh dnei)* [Translation science (history and theory from ancient times to the present day)]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 415 p.
5. Sdobnikov V. V., Petrova O. V. *Teoriya perevoda* [Theory of translation]. Moscow, AST Publ., Vostok-Zapad Publ., 2007. 448 p.
6. Smirnova A. S. [Sources of quotations from Latin authors in the "Quick Guide to Eloquence" (1748) by M. V. Lomonosov]. In: *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Translators and translations in Russia at the end of the 16th – beginning of the 18th centuries: proceedings of an international scientific conference]. Moscow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences Publ., 2019, pp. 143–148.
7. Fedorov A. V. *Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemi)* [Foundations of the general theory of translation (linguistic problems)]. St. Petersburg, Faculty of Philology, St. Petersburg State University Publ., Moscow, FILOLOGIYA TRI Publ., 2002. 416 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Голубкова Ольга Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики (английский и немецкий языки) Удмуртского государственного университета; e-mail: ongolubkova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga N. Golubkova – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Department of Translation and Applied Linguistics (English and German), Udmurt State University; e-mail: ongolubkova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Голубкова О. Н. Теоретические и практические вопросы перевода в работах М. В. Ломоносова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 5. С. 68–74.

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-68-74

FOR CITATION

Golubkova O. N. Theoretical and practical issues of translation in the works of M. V. Lomonosov. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 5, pp. 68–74.

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-68-74

УДК 81'374

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-75-84

УЧЕБНЫЙ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КАК ЯЗЫКОВОЙ ФОРМАТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ

Гусева А. Е., Мальцева Л. Г.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель настоящей работы – описание принципов построения знаний в учебном словаре на идеографической основе с позиций когнитивного подхода.

Процедура и методы. Проведена систематизация эмпирического материала по теме исследования с использованием описательного метода; применён метод когнитивного моделирования, позволяющий описать концепт как целостную ментальную единицу; при формировании словарной статьи использован приём индукции.

Результаты. Доказано, что учебный лексико-фразеологический словарь как языковой формат представления знаний направлен на совершенствование теоретических и практических основ исследований в области современной лексикографии, в частности идеографической фразеографии, а также на поиск новых методов лингвокогнитивного описания и лексикографической репрезентации лексических и фразеологических единиц английского, немецкого и русского языков, вербализующих концепт «Общение» в форме лексико-фразеологического поля.

Теоретическая и практическая значимость заключается в возможности модернизации теории лексикографии и фразеографии, в частности трёхязычной, направленной на практическое усвоение рассматриваемых языковых единиц по принципу «понятие – лексическая и/или фразеологическая единица».

Ключевые слова: лексико-фразеологический словарь, учебная лексикография, доминантный принцип, лексико-фразеологическое поле, общение, лингвокогнитивное моделирование

LEARNER'S LEXICO-PHRASEOLOGICAL THESAURUS AS A LINGUAL PATTERN OF THE KNOWLEDGE REPRESENTATION

A. Guseva, L. Maltseva

Moscow Region State University

24 ulitsa Verry Voloshinoi, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The research is an attempt to describe the principles of the knowledge representation in the learner's thesaurus based on the cognitive approach.

Methodology. The systematization of the empirical evidence on the research topic is carried out using the descriptive method; a cognitive modeling approach implements a concept description as an integral mental unit; inductive reasoning is used to create a learner's thesaurus extract.

Results. It has been proven, that a learner's lexico-phraseological thesaurus as a lingual pattern of the knowledge representation is aimed at improving theoretical and practical basis research in the field of modern lexicography, in particular ideographic phraseography, and searching for new meth-

ods of linguo-cognitive and lexicographic description of lexical and phraseological units, verbalizing the concept „Communication“ through the lexico-phraseological field on the basis of the English, German and Russian languages.

Research implications. The research contributes to the upgrade of the trilingual lexicographical and phraseographical theories aimed at the practical language learning according to the principle: a concept is a lexical and/or phraseological unit.

Keywords: lexico-phraseological thesaurus, learner's lexicography, dominant principle, lexico-phraseological field, communication, linguo-cognitive modeling

Введение

Актуальность исследования заключается в необходимости постоянного совершенствования представления знаний в учебной лексикографии, в частности в многоязычных идеографических словарях.

Цель работы заключается в описании принципов построения знаний в учебном словаре на идеографической основе с позиций когнитивного подхода, что предполагает решение следующих задач:

1) изучение научной литературы по теме исследования для выстраивания теоретической базы;

2) лингвокогнитивное моделирование лексико-фразеологического поля (далее – ЛФП) «Общение»;

3) практическое применение полученных результатов в лексикографической практике в виде разработки словарной статьи трёхязычного лексико-фразеологического словаря на идеографической основе.

Для решения перечисленных задач были использованы следующие **методы** исследования, а именно: описательный метод, который позволил систематизировать эмпирический материал; метод когнитивного моделирования, который позволил описать концепт как целостную ментальную единицу и построить лингвокогнитивную модель ЛФП «Общение». Результатом моделирования исследуемого концепта в рамках лингвоконцептологического исследования стало лексикографическое представление содержания данного концепта в виде полевой структуры; при формировании словарной статьи как результата исследования, был

применён приём индукции (объединение объектов по тем или иным параметрам).

Научная новизна исследования определяется разработкой и созданием проекта трёхязычного идеографического словаря, построенного по принципу *понятие – лексическая и/или фразеологическая единица* (далее – ЛЕ и ФЕ) на материале английского, немецкого и русского языков.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что её основные результаты и выводы, полученные в ходе исследования, способствуют совершенствованию теории фразеологии и лексикографии, в частности трёхязычной лексикографии.

Практическая ценность исследования определяется тем, что его основные результаты и выводы, полученные в ходе исследования, могут быть использованы в рамках таких дисциплин, как общая и сопоставительная лексикология и фразеология, практический курс иностранного языка (английский / немецкий / русский языки), а также могут быть полезны для студентов языковых вузов при написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

Теоретической базой данного исследования стали труды таких отечественных и зарубежных языковедов, как Н. Н. Болдырев [1], А. Е. Гусева [4], В. Д. Девкин [5], В. А. Звегинцев [6], В. В. Морковкин [10], Ф. де Соссюр [12] и др.

Основное содержание исследования

Постижение внутренней природы человека и окружающей его действительности, принципов представления, хранения

и передачи полученных знаний осуществляется посредством языковых форматов. В качестве одного из таких форматов выступают разные типы словарей, которые, по справедливому замечанию Н. Н. Болдырева, являются «способом и формой концептуализации и категоризации мира, систематизации научных и энциклопедических знаний» [1, с. 29].

Словари не только дают справку, но и влияют на языковое сознание и в некоторой степени формируют его. Есть «словарный взгляд» на действительность. Как бы ни были разрозненны получаемые сведения, они предстают в словаре в совокупности, с учётом системных отношений» [5, с. 19].

Репрезентация знаний в словаре, как в языковом формате, реализуется по определённым принципам, а именно: по общему и частному принципам.

В качестве общего или универсального принципа представления знаний в словаре Н. Н. Болдырев выдвигает **доминантный принцип**, в основе которого лежит алгоритм выделения определённых доминант и установка на них как в процессе познания и формировании сознания, концептуальной системы личности, так и вербальной, языковой репрезентации результатов данного познания. К параметрам универсальности доминантного принципа словарного представления знаний относятся целенаправленность, структурированность и уровневый характер познавательных процессов, что позволяет рассматривать доминантный принцип как универсальную методологическую основу исследования процессов получения и языковой репрезентации знаний в целом, следовательно, и в словаре.

Цель словаря любого типа, как правило, заключается в «отражении результатов познания в той или иной области, т. е. в реализации одновременно когнитивной и метаязыковой функций языка» [1, с. 32]. Таким образом, именно доминанта определяет обоснованность создания

словаря как результата лексикографической деятельности.

При выборе словаря необходимо понимать, что далеко не каждый словарь пригоден для обучения иностранному языку. Вот почему предпочтение при обучении иностранным языкам отдаётся учебным словарям. В последние годы наметилась явная тенденция к составлению учебных словарей различных типов, которая представляется оправданной и вполне закономерной в связи с расширением межкультурных контактов. Данное положение констатирует необходимость создания нашего учебного словаря.

Значительный вклад в области одно- и многоязычной учебной лексикографии внесла научная школа под руководством д.ф.н. проф. А. Е. Гусевой на кафедре германской филологии Московского государственного областного университета [2; 3; 4; 7; 8; 9; 11; 13; 14].

Описание проекта создания идеографического словаря лексико-фразеологического поля «Общение»

Разработанный нами учебный словарь базируется на следующих доминантах: структура, уровень языка, межкультурные соответствия.

Репрезентация **структуры** концепта «Общение» английского, немецкого и русского языков осуществлялась по ономаσιологическому принципу в форме ЛФП. Констатация ономаσιологического подхода в теории языкознания была зафиксирована ещё Ф. де Соссюром введением понятий «означающее» и «означающее» [12]. Здесь же следует отметить и теорию Л. Ельмслева о плане выражения и плане содержания [6].

Наглядным примером ономаσιологического подхода является парадигма «слов и вещей» (Wörter und Sachen) в лингвистике конца XIX–начала XX века. Представители данной школы Г. Шухардт и Р. Мерингер призывали изучать значения слов в тесной связи с реалиями, которые слова называют и обозначают.

Значение слов раскрывается через описание реалий, свойства которых обнаруживаются или иллюстрируются примерами употребления данных слов. Основная продукция использования данного приёма – словари [6].

Значимость идеографических словарей также отражена в исследовании истории человеческих знаний об окружающем мире. При сравнении лексикона одного и того же языка в разный период времени можно увидеть «объективную картину движения человеческого познания». Именно идеографический словарь способствует пониманию переоценки ценностей. В. В. Морковкин отмечает в этой связи тот факт, что «являясь в какой-то мере зеркалом эпохи, словарный состав языка отражает уровень представлений людей о тех или иных явлениях, а иногда характеризует и сами явления» [10, с. 10]. Следовательно, составленный нами учебный словарь является идеографическим словарём или тезаурусом.

При составлении фрагмента учебного словаря за основу был принят тезис о том, что «лексика и фразеология являются двумя взаимосвязанными областями, образующими две подсистемы лексико-фразеологической системы языка, связанные между собой общими закономерностями и характерными универсальными тенденциями, в частности, общими семантическими категориями» [2, с. 118]. Следовательно, репрезентация **языковых уровней** концептосферы осуществляется посредством лексико-фразеологического словаря.

Главным критерием формирования учебного лексико-фразеологического словаря послужила, прежде всего, актуальность исследования – представление знаний в учебной лексикографии, в частности, в трёхязычных идеографических словарях. Репрезентация **межязыковых соответствий**, следовательно, осуществлялась посредством трёхязычного словаря.

К частным лексикографическим принципам относятся такие доминанты,

как: объём словарной статьи, порядок следования значений, система нотаций, выбор примеров.

Конечной целью является составление учебного трёхязычного лексико-фразеологического словаря концепта «Общение», построенного методом лексико-фразеологического поля на идеографической основе. За основу идеи был взят учебный словарь А. Е. Гусевой [4, с. 387].

Составление фрагмента учебного словаря осуществлялось на основании тех критериев и требований, которые выдвигает на сегодняшний день современная лексикографическая деятельность, а именно: актуальная языковая наполненность и иллюстративный материал, табулированная подача информации в словаре.

Актуальность и существенность принятых в словарь ЛЕ и ФЕ заключается в том, что научность словаря сочетается с его доступностью.

Особенно важным и удобным моментом является включение в словарную статью примеров словоупотребления. В любой словарной статье присутствует предложение или словосочетание, иллюстрирующее значение заглавного слова. В преобладающем большинстве случаев эти примеры даны в законченных предложениях, что в нередких случаях поясняет значение лучше, чем само толкование. Благодаря иллюстративным примерам, по замечанию А. Е. Гусевой, словарь приобретает нормативный характер и имеет практическую ценность [4, с. 392].

Предлагаемый учебный лексико-фразеологический словарь является электронным словарём (запись словаря производилась в программах Microsoft Excel и Microsoft Word), что позволяет развивать и расширять его состав в режиме реального времени. Использование электронного словаря предельно упрощает и ускоряет операцию поиска информации.

Главная задача данного словаря заключается в том, чтобы ознакомить уча-

щихся с большим количеством ЛЕ и ФЕ ЛФП «Общение» на материале английского, немецкого и русского языков.

Концепция словаря состоит из авторской идентификационной модели макро- и микроструктуры исследованного

концепта, являющейся одним из этапов лингвокогнитивного моделирования концепта «Общение».

Лингвокогнитивная модель концепта «Общение» в виде ЛФП представлена в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

**Лингвокогнитивная модель лексико-фразеологического поля «Общение» /
Linguo-cognitive model of the lexico-phraseological field “Communication”**

Название МАП	№ МИП	Название микрополя
МАП 1. Межличностное общение	1.1	Формальное общение (информация, уведомление, извещение; дискуссия, полемика; постановка вопроса; объяснение; приказ, требование, запрет)
	1.2	Неформальное общение (непринуждённая беседа; похвала, поддержка, утешение; постановка вопроса; объяснение; лесть, заискивание; обман, ложь, враньё; слухи, сплетни, пересуды; спор, ссора)
МАП 2. Воздействие на партнёров общения	2.1	Неимперативные прямые формы воздействия (просьба, предложение (совет), убеждение, похвала, поддержка и утешение)
	2.2	Императивные прямые формы воздействий (приказы, требования, запрещения и принуждение)
	2.3	Дисциплинарные меры воздействия (предупреждение, выговор, наказание)
	2.4	Угрозы (запугивание)
	2.5	Самовосхваление и самоназидательность
	2.6	Критика
	2.7	Слухи и сплетни
	2.8	Манипуляция (заискивание, лесть, обман, ложь, враньё)
МАП 3. Характеристика партнёров общения, влияющая на эффективность общения	3.1	Положительные личностные качества партнёров общения (экстравертированность, эмпатийность, толерантность, мобильность)
	3.2	Отрицательные личностные качества партнёров общения (интровертированность, властность, конфликтность, агрессивность, застенчивость, робость, ригидность).

Источник: составлено авторами.

Описание словарной статьи учебного лексико-фразеологического словаря

Построение словарной статьи осуществляется следующим образом: статья начинается с макро- и микрополя, что позволяет понять в какой ситуации общения уместно и целесообразно пользоваться данными средствами. Последующая информация отражена в табулиро-

ванном виде с учётом шести параметров:

Шапка словарной статьи выглядит следующим образом:

МАП «...»

МИП	СРЛЕ	ИП	ЭИ	СРФЕ	ИП
1	2	3	4	5	6

Словарная статья предполагает:

1. МИП – название микрополя.
2. СРЛЕ – синонимический ряд лексических единиц, входящих в состав конкретного микрополя.
3. ИП – иллюстративные примеры словоупотреблений в словосочетаниях и предложениях.
4. ЭИ – эксплицитный идентификатор, выраженный ЛЕ (существительным, прилагательным, глаголом), служащим ориентиром для отнесения ФЕ к определённому МАП / МИП.

5. СРФЕ – синонимический ряд фразеологических единиц, входящих в состав конкретного микрополя.

6. ИП – иллюстративные примеры словоупотреблений в словосочетаниях и предложениях.

В качестве иллюстрации вышесказанного приведем фрагмент учебного словаря ЛФП «Общение» на примере МАП 2 «Воздействие на партнёров общения» на материале английского (табл. 2), немецкого (табл. 3) и русского языков (табл. 4).

Таблица 2 / Table 2

Фрагмент учебного словаря (на материале английского языка) / A learner's thesaurus extract (the English language)

МИП	СРЛЕ	ИП	ЭИ	СРФЕ	ИП
1	2	3	4	5	6
МИП 2.8 «Манипуляция (заискивание, лесть, обман, ложь, вранье)»	cajole (cajole sb into doing sth), coax, fawn (on / over), butter sb up (informal), hand sb a bouquet (informal); embellish, lie, fib (spoken)	I tried to coax him to eat a little ¹ . I refused to fawn over her or flatter her ² . Don't think you can butter me up that easily ³ .	compliment, flattery, lie, nonsense, praise, rubbish, yarn	tickle sb's ear, lay it on (informal); tell a lie; spin a line; lie out off the whole cloth; lie in one's throat; lie one's head off; lie through one's teeth; spin a yarn; draw a long bow; talk through (one's) hat (informal).	She has to deal with the fact that Tony's spinning her a line. He's never going to leave his wife for her ⁴ . We ought to be mad that public officials lie through their teeth ⁵ .

Источник: составлено авторами.

Таблица 3 / Table 3

Фрагмент учебного словаря (на материале немецкого языка) / A learner's thesaurus extract (the German language)

МИП	СРЛЕ	ИП	ЭИ	СРФЕ	ИП
1	2	3	4	5	6
МИП 2.8 «Манипуляция (заискивание, лесть, обман, ложь, вранье)»	bauchpinseln, schmeicheln, preisen (geh.), belobhudeln (ugs.), pous-sieren (ugs.),	Er pries die Tüchtigkeit der Mitarbeiterin ⁶ . Er poussiert schon eifrig	Blech, Kohl, Lob, Lüge, Mist, Quatsch, Quark, Schmus, Unsinn, Zeug	j-m etw. zu Gefallen reden / tun, in dieselbe (in die gleiche) Kerbe schlagen, schöne Worte machen,	Er kann doch nur schöne Worte machen , wenn man ihn wirklich einmal braucht, dann kneift er ⁷ .

¹ См.: Longman dictionary of contemporary English. UK: Pearson, 2014. P. 1354.

² См.: Longman dictionary of contemporary English. UK: Pearson, 2014. P. 659.

³ См.: Longman dictionary of contemporary English. UK: Pearson, 2014. P. 234.

⁴ См.: Longman Idioms Dictionary. UK: Pearson, 1998. P. 214.

⁵ См.: Collins COBUILD Dictionaries for Learners COBUILD Idioms Dictionary; 3d ed. Collins, 2012. P. 443.

⁶ См.: Duden. Bd. 10. Bedeutungswörterbuch: Wortschatz und Wortbildung. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2010. S. 725.

⁷ См.: Duden. Bd. 11. Redewendungen: Wörterbuch der Deutschen Idiomatik. 4. Auflage. Berlin, 2013. S. 857.

	schönreden (ugs.), beschnoddern (salopp); vorgaukeln, anschwindeln (ugs.), auftischen (ugs.), vorlügen (ugs.), vorkohlen (salopp)	seinen neuen Leiter. Dieser Speichellecker! ¹ . Er gaukelte ihnen die verlockendsten Zukunftsbilder vor ² .		j-m. das Goderl kratzen (österreich., ugs.), j-m Honig (Sirup) um den Bart / Mund / ums Maul schmieren (ugs.); ein Ding aufbauen, j-m die Hücke voll lügen (ugs.).	Du musst ihm halt das Goderl kratzen , dann wird er dir schon helfen ³ . Als er dir sagte, dass dein Geld wie Fisch im Meer vermehrt, hat er dir die Hücke voll gelogen (Film "Der Hochstapler") ⁴ .
--	---	---	--	--	--

Источник: данные авторов.

Таблица 4 / Table 4

Фрагмент учебного словаря (на материале русского языка) / A learner's thesaurus extract (the Russian language)

МИП	СРЛЕ	ИП	ЭИ	СРФЕ	ИП
1	2	3	4	5	6
МИП 2.8 «Манипуляция (заискивание, лесть, обман, ложь, вранье)»	лстить, хвалить, заискивать, лебезить (разг.), плясать (разг.), поддакивать (разг.), подлаживаться (разг.), врать, выдумывать, вымышлять, лгать, обманывать, сочинять, гнать (разг.), заливать (разг.), плести (разг.), сморозить (разг.).	[Олег Борисович, муж, 60, 1947, пенсионер]: Я больной! У меня рука не двигается! [Елена Олеговна, жен., 31, 1976, дизайнер]: Харэ заливать уже! Больной он! Как жрать/ так здоровый/ как убирать за собой ⁵ так больной! [Домашний разговор об уборке (2007)] ¹²	лстить, лстить, вранье, врать, рассказывать, сочинять	врать не краснея, врёт как сивый мерин (прост.), врать с три короба (разг.), гладить по шерсти (разг.), заговаривать зубы (разг.), рассказывать басни / небылицы / сказки (прост., пренебр.), вешать лапшу на уши (прост.), ездить по ушам (жарг. мол. неодобр.), гнать пургу (жарг. мол. неодобр.),	... Зюганов любит рассказывать сказки , что нашу Партию возрождения России создавал Кремль, он даже Путина об этом спрашивал, на что Путин ему откровенно ответил, что Кремль никакого отношения к этому не имеет ... [Евгений Жеребенков. Кадры мешают все // «Итоги», 2003.03.25] ⁶ .

Источник: составлено авторами.

¹ См.: Девкин В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики: Свыше 12000 слов. М.: Русский язык, 1994. С. 563.

² См.: Девкин В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики: Свыше 12000 слов. М.: Русский язык, 1994. С. 725.

³ См.: Duden. Bd. 11. Redewendungen: Wörterbuch der Deutschen Idiomatik. 4. Auflage. Berlin, 2013. S. 283.

⁴ См.: Шекасюк Б. П. Новый немецко-русский фразеологический словарь; изд. стереотип. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2014. С. 340.

⁵ См.: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 15.06.2021).

⁶ См.: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 15.06.2021).

Основные результаты и выводы исследования

Исходя из проведённого исследования можно сделать вывод о том, что учебный лексико-фразеологический словарь как языковой формат представления знаний направлен на совершенствование теоретических и практических основ исследований в области современной лексикографии, в частности, идеографической фразеологии, а также на поиск новых методов лингвокогнитивного описания и лексикографической репрезентации

английского, немецкого и русского языков, в частности, на рассмотренном нами примере языковой наполненности ЛФП «Общение».

Практическая ценность подготовленного фрагмента словарной статьи обусловлена возможностью использовать данный формат в лексикографической деятельности, а именно во фразеологических словарях на идеографической основе.

Статья поступила в редакцию 30.07.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Доминантный принцип представления знаний в словаре // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус: материалы расширенного заседания (Всероссийского с международным участием) научного семинара проблемной группы «Русский глагол», посвященного 45-летию кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. С. 29–39.
2. Вапник Н. А. Описание фрагмента учебного трехязычного лексико-фразеологического идеографического словаря // Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия: IX Международная научно-практическая конференция, г. Новосибирск, 13–14 марта 2015 г. Ч. 6. Новосибирск: Изд-во Междунар. науч. ин-та „Educatio“, 2015. С. 117–120.
3. Волнакова М. В. Лексико-фразеологические поля в современном немецком языке: лингвокогнитивный и лексикографический аспекты (на примере лексико-фразеологических полей «зрительная деятельность» и «слуховая деятельность»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 20 с.
4. Гусева А. Е. Основы лингвокогнитивного моделирования лексико-фразеологических полей в немецком и русском языках: дис. ... докт. филол. наук. М., 2008. 489 с.
5. Девкин В. Д. Немецкая лексикография: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 2005. 670 с.
6. Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1960. 331 с.
7. Кузнецова Ю. Г. Лингвокогнитивное моделирование и лексикографическое описание лексико-фразеологического поля «Мыслительная деятельность» (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 24 с.
8. Мазитова Е. И. Концепт «Физическое состояние человека»: национально-культурный и лексикографический аспекты (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 20 с.
9. Манукян К. М. Описание фрагмента идеографического словаря лексико-фразеологических единиц (на примере немецкого молодёжного жаргона) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 2. С. 63–72. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-2-63-72. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-2-63-72
10. Морковкин В. В. Идеографические словари. М.: Издательство Московского университета, 1970. 71 с.
11. Потапова О. Ю. Лексикографическое описание лексико-фразеологического поля «Речевая деятельность» (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 21 с.
12. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с фр. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
13. Харитонова Е. Ю. Лексикографическое описание лексико-фразеологического поля «Черты характера человека» (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 20 с.

14. Шабанова В. П. Лингвокогнитивное моделирование и лексикографическое описание лексико-фразеологического поля «Проявление эмоций» (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 21 с.

REFERENCES

1. Boldyrev N. N. [The dominant principle of knowledge representation in dictionaries]. In: *Teoreticheskaya semantika i ideograficheskaya leksikografiya: Slovar'. Diskurs. Korpus: materialy rasshirenno go zasedaniya (Vserossiiskogo s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnogo seminar a problemnoi gruppy «Russkii glagol», posvyashchennogo 45-letiyu kafedry fundamental'noi i prikladnoi lingvistiki i tekstovedeniya* [Theoretical semantics and ideographic lexicography: Dictionary. Discourse. Corpus: materials of the extended meeting (All-Russian with international participation) of the scientific seminar of the problem group "Russian Verb", dedicated to the 45th anniversary of the Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textology]. Yekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2019, pp. 29–39.
2. Vapnik N. A. [Description of a fragment of the educational trilingual lexico-phraseological ideographic dictionary]. In: *Nauchnye perspektivy XXI veka. Dostizheniya i perspektivy novogo stoletiya: IX Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, g. Novosibirsk, 13–14 marta 2015 g.* [Scientific Perspectives of the XXI Century. Achievements and Prospects of the New Century: IX International Scientific and Practical Conference, Novosibirsk, March 13–14, 2015]. P. 6. Novosibirsk, International Science Institute „Educatio“ Publ., 2015, pp. 117–120.
3. Volnakova M. V. *Leksiko-frazeologicheskie polya v sovremennom nemetskom yazyke: lingvokognitivnyi i leksikograficheskii aspekty (na primere leksiko-frazeologicheskikh polei «zritel'naya deyatel'nost'» i «slukhovaya deyatel'nost'»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexico-phraseological fields in modern German: linguo-cognitive and lexicographic aspects (on the basis of lexico-phraseological fields “visual activity” and “auditory activity”): abstract of Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2011. 20 p.
4. Guseva A. E. *Osnovy lingvokognitivnogo modelirovaniya leksiko-frazeologicheskikh polei v nemetskom i russkom yazykakh: dis. ... dokt. filol. nauk* [The basics of linguistic and cognitive modeling of the lexico-phraseological fields in German and Russian languages: D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2008. 489 p.
5. Devkin V. D. *Nemetskaya leksikografiya* [German lexicography]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005. 670 p.
6. Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. Ch. 2* [The history of linguistics of the XIX–XX centuries in sketches and extracts. P. 2]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR Publ., 1960. 331 p.
7. Kuznetsova Yu. G. *Lingvokognitivnoe modelirovanie i leksikograficheskoe opisanie leksiko-frazeologicheskogo polya «Myslitel'naya deyatel'nost'» (na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguo-cognitive modeling and lexicographic description of the lexico-phraseological field “Cognitive activity” (based on the modern English): abstract of Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2017. 24 p.
8. Mazitova E. I. *Kontsept «Fizicheskoe sostoyanie cheloveka»: natsional'no-kul'turnyi i leksikograficheskii aspekty (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Concept “Physical state of a person”: national-cultural and lexicographic aspects (based on the modern German language): abstract of Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2017. 20 p.
9. Manukyan K. M. [Description of a fragment of an ideographic dictionary of lexical and phraseological units (based on German youth jargon)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2021, no. 2, pp. 63–72. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-2-63-72.
10. Morkovkin V. V. *Ideograficheskie slovari* [Ideographic dictionaries]. Moscow, Moscow University Publ., 1970. 71 p.
11. Potapova O. Yu. *Leksikograficheskoe opisanie leksiko-frazeologicheskogo polya «Rechevaya deyatel'nost'» (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexicographic description of the lexico-phraseological field “Speech activity” (based on the modern German language): abstract of Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2008. 21 p.
12. Saussure F. de. *Kurs obshchei lingvistiki* [Course in General Linguistics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.

13. Kharitonova E. Yu. *Leksikograficheskoe opisanie leksiko-frazeologicheskogo polya «Cherty kharaktera cheloveka» (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexicographic description of the lexico-phraseological field "Human character traits" (based on the modern German language): abstract of Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2005. 20 p.
14. Shabanova V. P. *Lingvokognitivnoe modelirovanie i leksikograficheskoe opisanie leksiko-frazeologicheskogo polya «Proyavlenie emotsii» (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguo-cognitive modeling and lexicographic description of the lexico-phraseological field "Manifestation of emotions" (based the modern German language): abstract of Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2004. 21 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гусева Алла Ефимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: angst51@rambler.ru

Мальцева Лилия Геннадьевна – аспирант кафедры германской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: Maltsevalg@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alla E. Guseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Germanic Philology, Moscow Region State University;
e-mail: angst51@rambler.ru

Lilia G. Maltseva – Postgraduate Student, Department of Germanic Philology, Moscow Region State University;
e-mail: Maltsevalg@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гусева Е. А., Мальцева Л. Г. Учебный лексико-фразеологический словарь как языковой формат представления знаний // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 5. С. 75–84.

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-75-84

FOR CITATION

Guseva A. E., Maltseva L. G. Learner's lexico-phraseological thesaurus as a lingual pattern of the knowledge representation. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 5, pp. 75–84.

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-75-84

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-85-95

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

Рокотянская М. М.^{1,2}¹ *Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*² *Национальный исследовательский университет «МЭИ»**111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация

Цель данной работы заключается в проведении анализа языковых средств отражения национального вопроса в англоязычной прессе (на примере британских и американских газет) на лексическом и грамматическом уровнях за период с 2016 по 2020 гг.

Процедура и методы. Проанализировано 450 статей приблизительным объёмом в 3800 п. з. современной качественной англоязычной прессы (интернет-издания британских и американских газет The Guardian, The Independent, The New York Times, The Washington Post). Основное содержание исследования заключается в использовании метода сплошной выборки и количественного метода для определения частотности употребления лексики национального характера, грамматических и лексических особенностей, а также сравнительного метода для определения частотности употребления лексики национального характера в британской и американской прессе в период с 2016 по 2020 гг.

Результаты. Автор приходит к выводу, что наиболее употребительной грамматической структурой на грамматическом уровне является компаративная конструкция, на лексическом уровне преобладает лексика с отрицательной оценочностью. Применение метода количественного анализа употребления лексики в британской и американской прессе показывает, какие вопросы чаще всего затрагиваются в контексте отражения национального вопроса в тот или иной период.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в области теории перевода, в ходе практических занятий по переводу, а также полезны для преподавателей, студентов, аспирантов, исследующих лингвопрагматические особенности газетно-информационных материалов.

Ключевые слова: национальный вопрос, компаративные конструкции, расизм, сегрегация, отрицательная оценочность

LEXICAL AND GRAMMATICAL MEANS OF ETHNIC ISSUE COVERAGE IN BRITISH AND AMERICAN PRESS

M. Rokotianskaya^{1,2}¹ *Moscow Region State University**24 ulitsa. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*² *National Research University "Moscow Power Engineering Institute"**14 ulitsa Krasnokazarmennaya, Moscow 111250, Russian Federation*

Abstract

Aim. The analysis of linguistic means of ethnic issue coverage in British and American press from 2016 till 2020 at lexical and grammatical level.

Methodology. Using the methods of continuous sampling and quantitative analysis and comparative method, the articles of online editions of American newspapers (the New York Times, the Washington Post) and British (the Guardian, the Independent) were analyzed to determine the most frequent lexical and grammatical structures which occur in English and American press in a given period in reporting the problems of racism, immigration, segregation, social stratification, unequal treatment of different nationalities in politics, education, criminal sphere, social life and culture.

Results. The results of quantitative and comparative analysis show that the most frequent grammatical structure is the comparative construction. At the lexical level the vocabulary with negative evaluation prevails, and the application of quantitative analysis of vocabulary in British and American press shows which issues are most often raised in the context of the ethnic issue coverage during a particular period of time.

Research implications. The data obtained in the research may be used in theory of translation, in the course of practical translation classes, as practical material for teachers, students, and postgraduates who study linguistic and pragmatic features of newspaper language and style.

Keywords: ethnic issue, comparative constructions, racism, segregation, negative evaluation

Введение

Проблемы национального характера, связанные с активным процессом глобализации по всему миру, всегда провоцировали активную полемику в обществе и зачастую вызывают ощутимый общественный резонанс. Национальный вопрос – это «совокупность политических, экономических, правовых, идеологических, религиозных и других проблем, проявляющихся в процессе внутригосударственного и межгосударственного общения между нациями и народностями»¹. Политика «открытых дверей» в Великобритании в 2014–2015 гг. также способствовала активизации межнациональных конфликтов с последующей угрозой безопасности в стране [2]. Что касается США, то необходимо подчеркнуть, что расовый вопрос в этой стране оказал значительное влияние на формирование и функционирование различных режимов гражданства, и ни в одной другой стране он не был столь значительным [3]. Все эти важные политические аспекты не могли не найти отражения в современной прес-

се. Несмотря на эпоху повсеместной цифровизации, многие граждане, в частности молодое поколение, предпочитают быть в курсе современных новостей благодаря использованию таких социальных сетей, как Facebook и Twitter. Однако необходимо отметить, что именно пресса продолжает оставаться надёжным, качественным источником информации, не отступающим от установленных лексических, грамматических и стилистических норм [7].

Теоретические аспекты исследования особенностей современной англоязычной прессы

Проблематикой исследования языковых особенностей англоязычной прессы занимались многие известные отечественные учёные-лингвисты, такие как В. В. Виноградов, И. В. Арнольд, О. С. Ахманова, Г. О. Винокур, Д. Э. Розенталь и др., в своих трудах они выделяют основные особенности газетного стиля и его отличия от других функциональных стилей. В научных трудах А. И. Гальперина обозначены следующие общие черты языка англоязычной прессы: построение заголовков в виде вопросов, использование повтора с целью

¹ См.: Лопухов А. М. Словарь терминов и понятий по обществознанию. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Айрис-Пресс, 2013. С. 240–241.

эмфазы, использование инфинитивных оборотов, использование глаголов-штампов, наличие сокращений и аббревиатур, использование неологизмов и лексики образного характера [1, с. 392–402]. В трудах известного лингвиста-переводчика В. Н. Комиссарова, отмечаются следующие характеристики: стилистическая разноплановость лексики, обилие клише и неологизмов, использование аббревиатур, преимущественное использование настоящего времени, стремление к броским заголовкам [4, с. 117–121].

Отражение вопросов национального характера широко представлено в современной иноязычной научной среде. Национальный вопрос, в особенности отражение проблемы расизма в англоязычной прессе, рассматривается в исследованиях Тена А. ван Дейка, и анализ его работ показывает, что в целом британская пресса способствует усилению маргинализации иммигрантов, беженцев и прочих меньшинств другими элитами [5].

Л. Э. Эрнандес в своей научной работе исследует особенности расового дискурса с применением критического дискурс-анализа на примере языка политиков с последующим анализом использования лексики с отрицательной оценочностью. Данная лексика, согласно выводам автора, вызывает негативные представления о маргинализированных расовых группах, а также может отрицательно влиять на обеспечение социальной справедливости [6].

Анализ лексико-грамматических средств отражения национального вопроса в англоязычной прессе за 2016–2020 гг.

Проведённый анализ на лексико-грамматическом уровне демонстрирует в рассматриваемом периоде следующую тенденцию употребления лексических и грамматических конструкций. На грамматическом уровне (рис. 1) представлен количественный анализ употребления

Рис. 1 / Fig. 1. Грамматические средства отражения национального вопроса в англоязычной прессе в период с 2016 по 2020 гг. (количество употреблений грамматических конструкций) / Grammatical means of covering ethnic issues in British and American press in the period from 2016 till 2020 (the number of uses of the grammatical constructions)

Источник: данные автора.

тех или иных конструкций в газетных статьях, отражающих проблемы национального характера.

На грамматическом уровне наиболее частотными являются:

- вопросительные предложения;
- модальные конструкции;
- параллельные конструкции;
- усилительные конструкции;
- повествование от первого лица;
- кондициональные конструкции.

Наиболее частотной за данный период является компаративная конструкция (с союзами: *than, more ... than, less ... than, more likely, less likely*, а также прилагательные и наречия в превосходной степени). Данная конструкция употребляется для сравнения положения в обществе белых людей (*white people*) и других национальностей (*black people, ethnic minorities, asians* etc). С помощью компаративной конструкции отражается проблема расового неравенства в различных сферах, таких как здравоохранение, образование, политика, экономика, культура.

Особенно чётко данную тенденцию можно проследить на фоне пандемии коронавируса в 2020 г. Как в британской, так и в американской прессе отражается проблема расового неравенства при получении медицинской помощи. С помощью метода сплошной выборки можно определить наиболее показательные примеры:

Asian people were significantly more likely to become severely unwell with Covid-19, and significantly more likely to die of it, compared with their white counterparts¹.

You were not only seeing more severe disease and more disease in black and Asian patients².

¹ Booth R., Barr C. Black people four times more likely to die from Covid-19, ONS finds // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/07/black-people-four-times-more-likely-to-die-from-covid-19-ons-finds> (дата обращения: 12.09.2020).

² Jarraf F. Racism isn't just unfair. It's making us ill // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/jul/26/>

They are also 50% more likely to be renters than the wider population, so will have gained less from emergency mortgage holidays and are at greater risk of eviction as a result of rent arrears³.

Также компаративные конструкции используются не только для сравнения уровня жизни белых и этнических меньшинств, но и положения в обществе между различными этническими группами:

People from India and China have higher incomes than those from Southeast Asia because they have higher levels of education on average⁴.

Модальная конструкция является второй по частотности использования при отражении проблем национального характера. В контексте решения национальных проблем модальные конструкции выражают необходимость и долженствование, императивную модальность, а также потенциальную модальность с использованием глаголов *must, should, need to, would*. В англоязычной прессе модальность выражает необходимость принятия действий, обеспечивающих социальное равенство между белым населением и представителями других национальностей. Например:

Cornell must work to actively support students whose families have been impacted for generations by white supremacy and American fascism⁵.

racism-making-us-ill-prejudice (дата обращения: 15.09.2020).

³ Syal R. Covid: ethnic minorities in UK at greater risk of financial hardship – report // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/sep/24/covid-ethnic-minorities-in-uk-at-greater-risk-of-financial-hardship-report> (дата обращения: 15.09.2020).

⁴ Estrin J. Neither Black Nor White in the Mississippi Delta // The New York times : [сайт]. URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/13/lens/mississippi-delta-chinese-americans.html> (дата обращения: 15.09.2020).

⁵ Kang G. C. Where does affirmative action leave Asian-Americans? // The New York times : [сайт]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/08/28/magazine/affirmative-action-asian-american-harvard.html> (дата обращения: 12.09.2020).

In the meantime, if black families are hesitant to move into mostly white neighborhoods, policymakers should think twice before pushing them into those areas. We need to make those new neighborhoods safer for new black residents¹.

Вопросительные предложения также широко представлены в контексте отражения национального вопроса. С помощью вопросительных предложений автор статьи старается привлечь внимание к существующей проблематике, побудить к дальнейшему диалогу или выразить своё отношение к тому или иному явлению. Особенно показательными примерами, как правило, являются вопросительные предложения в заголовках. Например:

Why Do Asian-Americans Remain Largely Unseen in Film and Television?²

Where does affirmative action leave Asian-Americans?³

На грамматическом уровне также можно отметить довольно широкое использование повествовательных конструкций от первого лица, где тот или иной человек, принадлежащий к чернокожей расе или другой этнической группе, рассказывает о своей биографии, проблемах, пережитом опыте в Великобритании и/или в США. Данный грамматический приём довольно часто используется в прессе, т. к. вызывает доверие у читателя новостного сообщения. Например:

"Having blond hair has forced me to reassess how I wanted to present myself to the world," Ms. Wu said. "It's given me more con-

fidence it affects the way I dress and the way I perform"⁴.

Кондициональные конструкции позволяют выразить маловероятный или желаемый исход событий в контексте решения национальных проблем (условные предложения первого, второго и третьего типа). Например:

If the proportion of children in care in all other groups was reduced to that for 'Asian Indian' children, spending would be reduced by 90%⁵.

Также встречаются примеры параллелизма, лексического повтора и усилительных конструкций, что позволяет убедить читателя в правоте высказывания автора статьи. Например:

Here, standing on the shoulders of the many storytellers who have made Bronzeville's reputation the stuff of legend among black Chicagoans, is where I hope to intervene. I hope I can keep black history from going away. I hope to help us understand, and remember⁶.

«I do think our nation is a nation that needs truth and reconciliation, and incidents like Charleston and Charlottesville just reinforce that»⁷.

Лексический уровень представлен следующими средствами:

¹ Smithsimon G. Are African American families more vulnerable in a largely white neighborhood? // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2018/feb/21/racial-segregation-in-america-causes> (дата обращения: 13.10.2020).

² La Force T. Why Do Asian-Americans Remain Largely Unseen in Film and Television? // The New York times : [сайт]. URL: <https://www.nytimes.com/2018/11/06/t-magazine/asian-american-actors-representation.html> (дата обращения: 13.10.2020).

³ Kang G. C. Where does affirmative action leave Asian-Americans? // The New York times : [сайт]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/08/28/magazine/affirmative-action-asian-american-harvard.html> (дата обращения: 12.09.2020).

⁴ Cheng A. Why are so many Asian American women bleaching their hair blond? // The New York times : [сайт]. URL: <https://www.nytimes.com/2018/04/09/fashion/why-are-so-many-asian-american-women-bleaching-their-hair-blond.html> (дата обращения: 20.10.2020).

⁵ Perraudin F. Black and white children more likely to be in care than Asian children // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/society/2018/dec/05/white-and-black-children-are-more-likely-to-be-in-care-than-asians> (дата обращения: 20.10.2020).

⁶ Ewing E. What led Chicago to shutter dozens of majority-black schools? Racism // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/dec/06/chicago-public-schools-closures-racism-ghosts-in-the-schoolyard-extract> (дата обращения: 20.10.2020).

⁷ Lartey J. America has done a terrible job of telling the truth about racism // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/sep/16/america-has-done-a-terrible-job-of-telling-the-truth-about-racism> (дата обращения: 18.10.2020).

- аббревиатуры;
- неологизмы;
- образная лексика;
- лексика с отрицательной оценочностью;
- лексика нецензурного, оскорбительного характера.

Как показано на рис. 2, на лексическом уровне наиболее частотной является лексика с отрицательной оценочностью (797 лексических единиц). Данную тенденцию можно объяснить тем фактом, что в современной англоязычной прессе отражаются такие проблемы, как сегрегация, расизм, неравноправное распределение рабочих мест, неравное отношение полиции к белым и представителям других национальностей, и подобные случаи повествуются в негативном ключе, т. е. как нерешённые проблемы и проблемы несоответствующие демократическому

обществу, что выражается в оценке автора статьи. Приведём примеры лексики с отрицательной оценочностью: *turmoil, disempowerment, poignant message, social toxins, hyper-racial contrivance, harmful effects of racism, hostile policy, irrational and divisive ideas, intolerance, prejudice and violence, to be harassed by police, to be faced with willful ignorance* и т. д.

Среди наиболее часто используемых аббревиатур в области национального вопроса можно отметить: *BAME (Black, Asian and Minority ethnic); BLM (Black Lives Matter)*, получившая наиболее широкое распространение в 2020 г.; *NAACP (National Association for the advancement of Coloured people); OBV (Operational Black Vote); EHRC (Equality and Human Rights Commission)*.

На лексическом уровне в меньшей степени можно отметить использование стилистически окрашенной лексики.

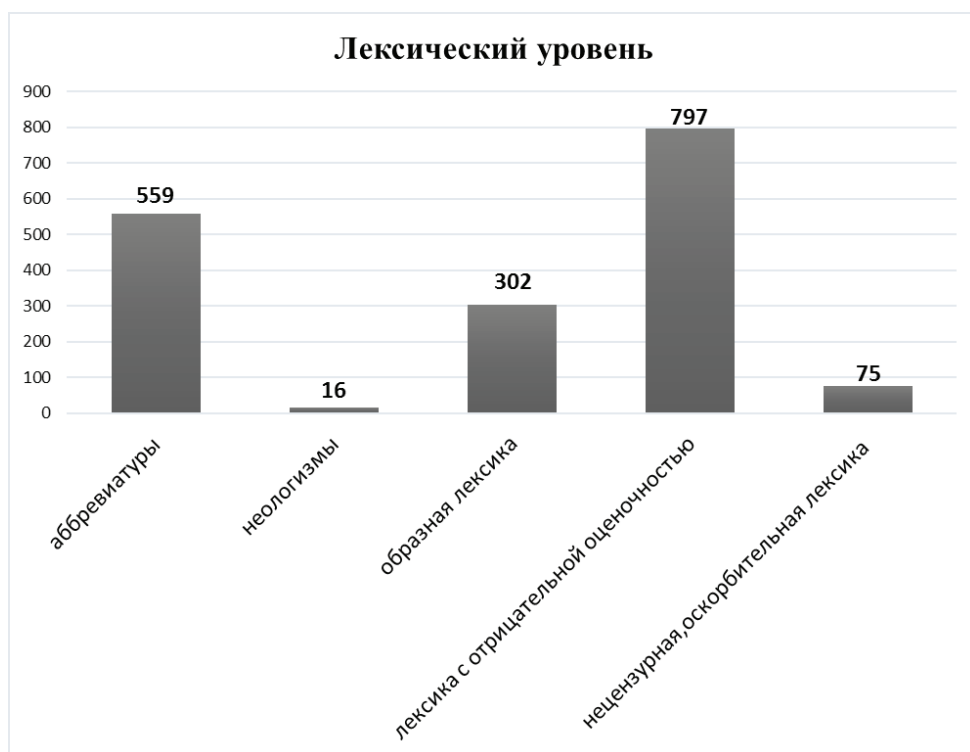

Рис. 2 / Fig. 2. Лексические средства отражения национального вопроса в англоязычной прессе в период с 2016 по 2020 гг. (количество употреблений лексических единиц) / Lexical means of ethnic issues coverage in British and American press in the period from 2016 till 2020 (the number of uses of the lexical units)

Источник: данные автора.

ки, а также выделить несколько примеров использования неологизмов: *birtherism*, *turismophobia*, *n-word*, *white-lash*, *DonaldTrumpism*, *Obamacare*.

Также заметим, что нередко встречается лексика нецензурного и оскорбительного характера, употребляемая, как правило, в статьях, посвящённых проявлению расизма на футбольных матчах.

На рис. 3 представлена частотность употребления лексики, отражающей общие проблемы национального характера в Великобритании и США. Наиболее используемыми являются:

1) прилагательное *black* (3336 случаев употребления лексической единицы) и соответствующие данной лексической единице словосочетания: *black officer*, *black children*, *black students*, *black actors*, *black neighborhood*, *black buyers*, *black school*, *black resident* и т. д.;

2) прилагательное *white* (2714 случая употребления ЛЕ) и словосочетания: *white supremacist*, *white areas*, *white resentment*, *white citizen*, *white teachers*, *white jury* и т. д.;

3) прилагательное *Asian* (1874 случая употребления ЛЕ) с соответствующими словосочетаниями: *Asian graduate*, *Asian-American*, *Asian immigrant*, *Asian customer*, *Asian applicant*, *Asian community* и т. д.

Наиболее частотными за данный период представляются прилагательные *black* и *white*, что объясняется наличием основной проблемы в контексте освещения национального вопроса – продолжающимся конфликтом между чёрным и белым населением в США и Великобритании. Высокая частотность прилагательного *Asian* (1827 случая употребления ЛЕ) объясняется большим количеством статей, в которых рассказывается о текущем

Анализ частотности употребления лексических средств отражения национального вопроса в англоязычной прессе за 2016–2020 гг.

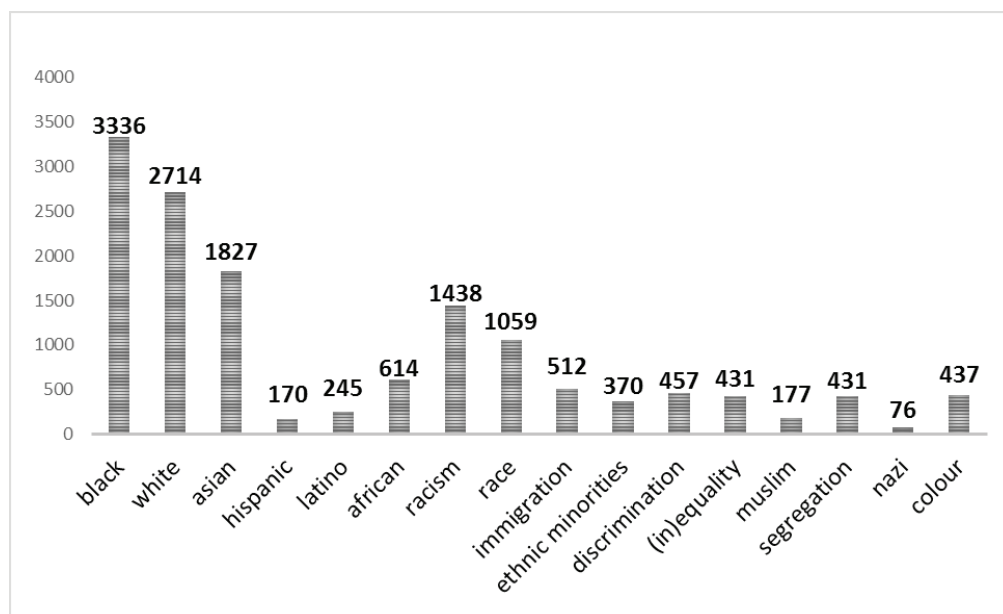

Рис. 3 / Fig. 3. Частотность употребления лексики национального характера в англоязычной прессе в период с 2016 по 2020 гг. (количество употреблений лексической единицы) / The frequency of lexical means usage (in the context of ethnic issues coverage) in British and American press in the period from 2016 till 2020 (the number of uses of the lexical unit)

Источник: данные автора.

положении в обществе выходцев из азиатских стран, особенно после усиленного потока иммиграции в Великобританию и в США. Остальные национальности упоминаются реже, к примеру, лексические единицы *latino* и *hispanic* (245 и 170 случаев употребления) больше используются в американской прессе и практически не представлены в британской прессе. Для американской прессы более характерно употребление исторических реалий в контексте освещения национальных проблем, к примеру, *Jim Crow laws* (закон о расовой сегрегации), *Ku Klux Klan* (расистская террористическая организация) и движение, выраженное аббревиатурой *BLM* (*Black Lives Matter*). Необходимо отметить, что в контексте отражения национального вопроса наиболее употребительным является существительное *racism* (1438 случаев употребления ЛЕ), в то время как другие проблемы нацио-

нального характера представлены в меньшей степени и отражены приблизительно в равной пропорции: *immigration* (512 случаев употреблений), *discrimination* (457 случаев употреблений), *(in)equality* (431 случай употребления), *segregation* (433 случая употреблений).

Анализируя лексико-грамматические средства отражения национального вопроса в сравнительном аспекте на грамматическом уровне, можно отметить тенденцию увеличения использования вопросительных предложений и компаративных конструкций к 2020 г. (см. табл. 1).

На лексическом уровне также отмечается тенденция увеличения аббревиатур и лексики с отрицательной оценочностью к 2020 г. (см. табл. 2).

В табл. 3 отчётливо наблюдается тенденция более частотного использования лексических единиц *black* и *racism* к 2019–

Таблица 1 / Table 1

Грамматические средства отражения национального вопроса в англоязычной прессе в период с 2016 по 2020 гг. в сравнительном аспекте (количество употреблений грамматических конструкций) / Grammatical means of the ethnic issues coverage in British and American press in the period from 2016 till 2020 in a comparative aspect (the number of uses of the grammatical constructions)

Грамматический уровень	2016	2017	2018	2019	2020
вопросительные предложения	209	210	266	364	415
модальность	368	307	333	336	340
компаративные конструкции	400	313	433	348	450

Источник: данные автора.

Таблица 2 / Table 2

Лексические средства отражения национального вопроса в англоязычной прессе в период с 2016 по 2020 гг. в сравнительном аспекте (количество употреблений лексических единиц) / Lexical means of ethnic issues coverage in British and American press in the period from 2016 till 2020 in a comparative aspect (number of uses of the lexical units)

Лексический уровень	2016	2017	2018	2019	2020
аббревиатуры	140	84	156	114	180
отрицательная оценочность	179	181	175	179	210
образность	88	48	62	73	95

Источник: данные автора.

Таблица 3 / Table 3

Частность употребления лексики национального характера в англоязычной прессе в период с 2016 по 2020 гг. в сравнительном аспекте (случаев употребления лексической единицы) / The frequency of lexical means usage covering ethnic issues in British and American press in the period from 2016 till 2020 in a comparative aspect (number of uses of the lexical unit)

Частотность употребления лексики национального характера за указанный год	2016	2017	2018	2019	2020
black	561	664	774	1080	1028
white	198	866	727	765	632
racism	209	249	383	430	490
immigration	182	43	211	60	64
segregation	74	195	41	115	24

Источник: данные автора.

2020 гг., что подтверждает обострение проблем расового неравенства и усугубление отношений между чернокожим и белокожим населением в США и Великобритании.

Выводы

Национальный вопрос в Великобритании и в США продолжает оставаться одним из самых обсуждаемых и всё чаще находит отражение в современных англоязычных газетных статьях. Несмотря на стремительный процесс демократизации в британском и американском обществе, в прессе активно обсуждаются такие проблемы, как проявление расизма, неравноправное получение медицинской помощи, сегрегация населения по национальному признаку, жилищные проблемы и проблемы занятости иммигрантов.

На основании проведённого количественного анализа текстов газетных статей качественной англоязычной прессы на лексико-грамматическом уровне в период 2016–2020 гг. можно сделать следующие выводы. Компаративные конструкции являются наиболее употребительными в контексте освещения национального вопроса в англоязычной прессе, т. к. по-

зволяют отражать проблемы неравенства между различными нациями. Лексика с отрицательной оценочностью является наиболее употребительной в рамках освещения национальных проблем в британских и американских статьях, тем самым авторами статей подчёркивается недовольство действиями правительства по отношению к национальным меньшинствам, чернокожему населению и иммигрантам. Количественный анализ употребления лексики в прессе показывает, какие вопросы чаще всего затрагиваются в контексте отражения национального вопроса. В частности, наиболее затрагиваемой темой за 2016–2020 гг. были проблемы отношений чёрного и белого населения. Сравнительный анализ в диахроническом аспекте показывает, что происходит тенденция увеличения числа использования лексических единиц *black* и *racism*, а также компаративных структур, позволяющих отразить неравенство между белым населением и представителями чернокожих наций, что может служить свидетельством о нарастании проблемы расового неравенства в США и Великобритании.

Статья поступила в редакцию 11.01.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин А. И. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 458 с.
2. Еремина Н. В., Чихачев А. Ю. От политики «открытых дверей» до миграционного кризиса: реформирование миграционной политики в коммуитарном и национальном измерениях на примере Великобритании и Франции // Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 4 (25). С. 36–47. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-36-61
3. Кивисто П., Резаев А. В., Жихаревич Д. М. Расовая демократия, гражданство и иммиграция: опыт США в сравнительной перспективе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1 (137). С. 29–46. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.03
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для институтов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
5. van Dijk T. A. Elites, Racism and the Press // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 1995. Vol. 25. Iss. 1. P. 86–115. DOI: 10.1007/BF03377218
6. Hernández L. E. Complicating the rhetoric: How racial construction confounds market-based reformers' civil rights invocations [Электронный ресурс] // Education Policy Analysis Archives. 2016. Vol. 24. No. 103. URL: <https://epaa.asu.edu/ojs/index.php/epaa/article/view/2321> (дата обращения: 05.10.2020).
7. Schudson M. News [Электронный ресурс]. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1002/9781118841570.iejs0005> (дата обращения: 05.10.2020).

REFERENCES

1. Gal'perin A. I. *Ocherki po stilistike angliiskogo yazyka* [Essays on the style of the English language]. Moscow, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 1958. 458 p.
2. Eremina N. V., Chikhachev A. Yu. [From “open door policy” to migrant crisis: the reforming of migration policy in European and national dimensions (the examples of Great Britain and France)]. In: *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics Russia], 2016, vol. 7, no. 4 (25), pp. 36–47. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-36-61
3. Kivisto P., Rezaev A. V., Zhikharevich D. M. [Racial democracy, citizenship and immigration: the United States experience in comparative perspective]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 2017, no. 1 (137), pp. 29–46. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.03
4. Komissarov V. N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation theory (linguistic aspects)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 253 p.
5. van Dijk T. A. Elites, Racism and the Press. In: *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*, 1995, vol. 25, iss. 1, pp. 86–115. DOI: 10.1007/BF03377218
6. Hernández L. E. Complicating the rhetoric: How racial construction confounds market-based reformers' civil rights invocations. In: *Education Policy Analysis Archives*, 2016, vol. 24, no. 103. Available at: <https://epaa.asu.edu/ojs/index.php/epaa/article/view/2321> (accessed: 05.10.2020).
7. Schudson M. News. Available at: URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1002/9781118841570.iejs0005> (accessed: 05.10.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рокотьянская Мария Михайловна – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета; старший преподаватель кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики Национального исследовательского университета «МЭИ»; e-mail: knightmr@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria M. Rokotianskaya – Postgraduate Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Moscow Region State University; Senior Lecturer, Department of Advertising, Public Relations and Linguistics, National Research University “Moscow Power Engineering Institute”; e-mail: knightmr@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Рокотянская М. М. Лексико-грамматические средства отражения национального вопроса в англоязычной прессе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 5. С. 85–95.

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-85-95

FOR CITATION

Rokotianskaya M. M. Lexical and grammatical means of ethnic issue coverage in British and American press. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 5, pp. 85–95.

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-85-95

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-96-104

«ОЧЕРК НАУКИ О ЯЗЫКЕ» Н. В. КРУШЕВСКОГО В СВЕТЕ НАТУРАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКА

Стекольников И. В.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный пр., д. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель исследования: проанализировать «Очерк науки о языке» Н. В. Крушевского в свете натуралистической концепции языка, сравнить лингвистические воззрения Н. В. Крушевского и других лингвистов-натуралистов XIX в., сделать вывод о корреляции его научного творчества с лингвистическим натурализмом.

Процедура и методы. Ведущие методы исследования – описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный.

Результаты. В статье рассмотрены следующие вопросы, затронутые в «Очерке науки о языке» Н. В. Крушевского и в научных трудах лингвистов натуралистического направления: язык как живой организм, лингвистика как естественнонаучная дисциплина, связь языка и мышления, вопрос о существовании «туранских языков», естественный отбор и борьба за выживание лингвистических элементов. Выявлены сходства взглядов на вышеперечисленные проблемы Н. В. Крушевского и лингвистов натуралистического направления.

Теоретическая значимость состоит в пополнении системы знаний о лингвистическом натурализме, о Казанской лингвистической школе и об одном из её представителей – Н. В. Крушевском.

Ключевые слова: лингвистика, язык, мышление, лингвистический натурализм, слово, фонетический закон

“AN OUTLINE OF LINGUISTIC SCIENCE” IN THE ASPECT OF NATURALISTIC CONCEPTION OF LANGUAGE

I. Stekolshchikova*Moscow City University**4 build. 1 Vtoroy Selskokhoziastvenny Proezd, Moscow 129226, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyse N. Kruszewski's "Outline of Linguistic Science" in the aspect of naturalistic conception of language, to compare linguistic views of N. Kruszewski and of other linguists of naturalistic school of the XIX century, to define if N. Kruszewski's scientific work correlate to linguistic naturalism.

Methodology. The main methods of the research are: descriptive analytical, comparative methods.

Results. The article touches upon the following issues reviewed in "Outline of Linguistic Science" by N. Kruszewski's and in the scientific works of linguists of naturalistic school: language as a living being, linguistics as a natural science, thought-language correlation, question of "Turanian languages", natural selection and struggle for life of linguistic elements. The similarities of the views by N. Kruszewski and linguists of naturalistic school on these problems are revealed.

Research implications. The research results contribute to the theory of linguistic naturalism, of Kazan linguistic school and one of its representatives – N. Kruszewski.

Keywords: linguistics, language, thought, linguistic naturalism, word, phonetic law

Введение

Связь представителя Казанской лингвистической школы Николая Вячеславовича Крушевского (1851–1887) с основателем структурализма Фердинандом де Соссюром не раз отмечалась в трудах отечественных и зарубежных учёных [1, с. 16; 8, с. 251; 17, с. 259–260; 25, р. 81]. О влиянии взглядов И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского на свою научную концепцию говорил и сам Ф. де Соссюр [8, с. 248]. Открытия последнего Н. В. Крушевский именует «весьма важными», поскольку они позволили «... сделать из морфологии путеводную нить при исследованиях фонетических» [6, с. 59] (порядок слов Н. В. Крушевского). Не менее значительна в вопросе формирования лингвистических взглядов Н. В. Крушевского и роль его учителя – И. А. Бодуэна де Куртенэ, на которого Н. В. Крушевский неоднократно ссылается в своих научных трудах. Впрочем, их связь можно считать взаимовлиянием, поскольку, по признанию И. А. Бодуэна де Куртенэ, он сам «многому научился» у Н. В. Крушевского [4, с. 149]. Невозможно отрицать и тот факт, что «Очерк науки о языке» «... стал фундаментом будущей Казанской лингвистической школы и основные положения “Очерка” легли в основу языковой концепции школы» [15, с. 146].

Наша цель в настоящей статье – показать влияние лингвистического натурализма на научное мировоззрение Н. В. Крушевского. Мы рассмотрим сходство лингвистических воззрений Н. В. Крушевского, представленных в работе «Очерк науки о языке» (1883), и представителей лингвистического натурализма (Августа Шлейхера, Фредерика Фаррара, Макса Мюллера, Оноре Жозефа Шаве, Абеля Овелака, Луи Бенлоэва, Уильяма Дуайта Уитни), что и будет составлять научную новизну исследования.

Теоретическая значимость состоит в пополнении системы знаний о Казанской лингвистической школе и одном из её представителей, в дифференциации черт натурализма и структурализма в лингвистической теории Н. В. Крушевского. Ведущие методы научного исследования, используемые в статье: описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный.

Понятие лингвистического натурализма

В статье «Натуралистическая концепция языка И. И. Срезневского» [13] мы обосновали принадлежность отечественного лингвиста И. И. Срезневского натуралистическому направлению в языкознании XIX в. В некоторой степени научные труды Ф. Ф. Фортунатова также соотносятся с лингвистическим натурализмом (см. об этом [12]). Как будет показано ниже, и Н. В. Крушевскому были близки натуралистические идеи.

Натуралистическое направление в лингвистике можно определить как «... направление, возникшее в рамках сравнительно-исторического языкознания 1-ой пол. 19 в. и распространявшее принципы и методы естественных наук на изучение языка и речевой деятельности»¹.

Основными положениями лингвистического натурализма следует считать: взгляд на язык как на организм, природное явление; мнение о том, что жизнь языка не зависит от воли человека, а его развитие происходит естественно, как у любого природного организма; существование двух временных этапов в жизни языка: периода активного развития

¹ Натуралистическое направление в языкознании // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 324.

языка (доисторического) и периода распада языковых форм (исторического); прохождение всеми языками ряда этапов в своём развитии (от изолирующего состояния до флективного, с промежуточным – агглютинативным); отнесение языкознания к естественным наукам и его изучение естественнонаучными методами; противопоставление языкознания филологии, относящейся к историческим наукам и изучающейся историческими методами; признание бесписьменных языков и диалектов не менее важным объектом изучения, чем литературные языки; констатация полигенетического происхождения языков при едином пути их развития и при одинаковой изначальной форме; признание способности к членораздельной речи главным отличием человека от животного; осознание тесной связи языка и мышления вплоть до их отождествления [14, с. 12–13].

Связь Н. В. Крушевского с Ч. Дарвином

В работе «Очерк науки о языке» (1883) Н. В. Крушевский цитирует лингвистов-натуралистов (например, «Лекции по науке о языке» Макса Мюллера [7, с. 96]), делает отсылки к Чарлзу Роберту Дарвину – основному вдохновителю лингвистов натуралистического направления.

Например, Н. В. Крушевский обращается к Ч. Дарвину, когда пишет о лингвистических законах, проводя аналогию с организацией живых существ. Так, однажды начав изменяться, природные создания продолжают это делать на протяжении многих поколений [5, с. 25]. Н. В. Крушевский показывает это на примере истории звука [k']: «Вместе с передвижением места артикуляции изменяется и самый звук: его нёбный оттенок прогрессирует. Результат такого передвижения будет тот, что *k'* перейдет в область соседнего звука *t'*, т.е. вместо *k'* станут произносить звук *t'*» [7, с. 116] (*орфография и пунктуация Н. В. Крушевского*).

Кроме того, Н. В. Крушевский вспоминает Ч. Дарвина, говоря о том, как не-

значительные изменения могут привести через какое-то время к серьезнейшим переменам: «Однако мы не должны забывать, что, как ни ничтожны отдельные результаты действия звуковых законов, самые законы действуют в продолжении громадных периодов времени, и путем сложения ничтожных изменений в течение веков могут произойти различия громадные. Всюду в природе мы видим громадные результаты работы ничтожных по отдельному действию, но могущественных своею продолжительностью причин» [7, с. 120] (*орфография и пунктуация Н. В. Крушевского*). Ч. Дарвин сказал об этом следующим образом: «... мы всегда неохотно допускаем существование великих перемен, ступени которых мы не в состоянии уловить... Наш разум не может суммировать и осознать конечный результат многочисленных незначительных вариаций, кумулировавшихся в течение почти безграничного числа поколений» [5, с. 413]. Н. В. Крушевский иллюстрирует данное положение так называемыми «отложениями звуковых законов» [7, с. 120], или «отложениями звуковых процессов» [7, с. 140], среди которых, например, чередования гласных и согласных звуков в русском языке [7, с. 121].

А индивидуальные различия, по мнению обоих учёных, «... представляют собой первые шаги к образованию разновидностей» [5, с. 418]. Н. В. Крушевский обращается к авторитету современной ему биологии и, в частности, к указанному тезису Ч. Дарвина, критикуя «Принципы истории языка» Германа Пауля [7, с. 140].

Связь Н. В. Крушевского с лингвистическим натурализмом

Рассмотрим те положения лингвистического натурализма, которые объединяют Н. В. Крушевского с лингвистами-натуралистами. Так, Август Шлейхер и Абель Овелах писали о науке о языке как об одной из естественнонаучных дис-

циплин: “The science of language is consequently a natural science; its method is generally altogether the same as that of any other natural sciences” [23, p. 21]; “La linguistique, comme toutes les autres sciences naturelles, nous force a admettre que l’homme s’est développé de formes inférieures...” [21, p. 36]. Связь лингвистики с естественными науками видится Н. В. Крушевским через призму фонетического оформления речи. Иными словами, звуковая сторона языка исследуется им в рамках физиологии: «Морфологические единицы слова не составляют еще конечных единиц речи: они сами делятся на звуки. Переходя к анализу этих последних, мы оставляем область духа и входим в область физиологии» [7, с. 108] (*орфография и пунктуация Н. В. Крушевского*).

Как известно, лингвисты натуралистического направления воспринимают язык как живой организм: “Languages are organisms of nature; they have never been directed by the will of man; they rose, and developed themselves according to definite laws; they grew old, and dye out” [23, p. 20–21] (см. об этом также [3, с. 28]). К языковым законам и явлениям Н. В. Крушевский применяет, подобно лингвистам натуралистического направления, биологические метафоры: «Поэтому ничтожные уклонения приобретают способность прогрессировать и звук мало-помалу выражается» [7, с. 134] (*орфография и пунктуация Н. В. Крушевского*).

Соответственно, звуковые законы происходят естественным образом и объясняются, по убеждению Н. В. Крушевского, физическими причинами: «... мы думаем, что изменение звука зависит от причин чисто физических; что происходит оно весьма медленно, в течение целых веков, совершенно незаметно для носителей звуков» [7, с. 136] (*орфография и пунктуация Н. В. Крушевского*); «... смягчение согласного обусловлено чисто физической причиной, а именно, последующим нёбным гласным» [7, с. 139] (*орфография и пунктуация*

Н. В. Крушевского); «Мы видели выше причины, склоняющие нас предположить существование всеобщих звуковых или, точнее, физиологических законов, по природе своей ничем не различающихся от законов физических или химических» [7, с. 140] (*орфография и пунктуация Н. В. Крушевского*).

По мнению Н. В. Крушевского, не только звуки исследуются в рамках естественных наук. Слова так же представляют собой физиологическое явление: «Слово, рассматриваемое физиологически, есть ряд разнообразных групп рефлексов говорильного механизма. Его можно уподобить какому угодно ряду наших рефлексов, напр. хождению, одеванию и т. п.» [7, с. 108] (*орфография и пунктуация Н. В. Крушевского*).

Однако у слова, по убеждению Н. В. Крушевского, имеется и другая сторона: являясь звуковым рефлексом, слово выступает и как символ, выражение некой идеи, то есть имеет содержание; звуковая же оболочка выступает в качестве формы. И эти две стороны слова неразрывно связаны. Так он говорит об этом: «... слово само по себе цели не имеет, оно есть символ, субститут идеи, и такой член этого ряда – символа, как звук, никогда не бывает самостоятелен» [7, с. 108] (*орфография и пунктуация Н. В. Крушевского*).

Лингвисты натуралистического направления тоже говорили о форме и содержании как о двух взаимосвязанных аспектах языка. Соответственно, форма связана со звуковой стороной языка, а содержание – со смысловой. Так, Август Шлейхер соединял язык и мышление по аналогии с формой и содержанием: «Язык есть звуковое выражение мысли, как содержание и форма» [16, с. 110]. Оноре Жозеф Шаве именовал эти два аспекта слова «телом» и «душой»: “Le mot, étant a la fois corp et l’vme, syllabe et idée...” [19, p. 32].

У. Д. Уитни писал о том, что язык представляет собой ментальные ассоциации между идеями и знаками, их пред-

ставляющими: "It is made up of separate articulated signs of thought, each of which is attached by a mental association to the idea it represents" [24, p. 35]. Похожими словами обозначил роль ассоциации в передаче значения слова и Н. В. Крушевский: «Слово обязано своим значением только законам ассоциации» [7, с. 108] (*орфография Н. В. Крушевского*).

Определение языка как знаковой системы, данное Н. В. Крушевским, сближает этого учёного с лингвистическим структурализмом Ф. де Соссюра: «... язык есть ничто иное, как система знаков...» [7, с. 148] (*орфография и пунктуация Н. В. Крушевского*). Трактовка слова через знак, однако, характерна и для многих лингвистов натуралистического направления (Луи Бенлоэва, Макса Мюллера, Фредерика Фаррапа): «... les mots ne sont-ils que les signes de nos idées...» [18, p. 43]; «слова – это ... приуроченные к нашим понятиям знаки, и притом условные знаки» [11, с. 70] (*орфография и пунктуация переводчика XIX века*); "Language is the sum total of those articulate sounds which man, by the aid of this marvelous faculty of speech, has produced and accepted as the signs of all those inward and outward phenomena These signs are those shadows of the soul, those living sounds which we call words" [20, p. 2].

Интересно сравнение (в духе лингвистического натурализма) следов действия языковых законов с геологическими отложениями, предложенное Н. В. Крушевским: «... мы можем ожидать, что встретим – выражаясь фигурально – отложения звуковых законов» [7, с. 120] (*орфография и пунктуация Н. В. Крушевского*). Происходят такие «отложения», по словам Н. В. Крушевского, по аналогии с тем, как река в тех местах, где течение медленнее, ежедневно откладывает песок [7, с. 121].

«Геологические» метафоры характерны и для лингвиста-натуралиста Макса Мюллера: «Если древние языки бросают свет на происхождение наречий, то но-

вейшие языки дают возможность установить основные начала Науки о языке. Они для исследователя языка – тоже, что третичная, или даже и более близкие к нам формации для геолога» [11, с. 234] (*орфография и пунктуация переводчика XIX в.*).

Говоря о морфонологических явлениях в языках, Н. В. Крушевский вновь обращается к биологическим метафорам: «В этой особенности сочетания фонетических и морфологических элементов слова мы видим зародыши интеграции последнего, зародыши процесса, о котором речь впереди» [7, с. 151] (*орфография и пунктуация Н. В. Крушевского*).

Свойственно Н. В. Крушевскому и признание теснейшей связи между языком и мышлением, которое наблюдается у всех лингвистов натуралистического направления и многих их предшественников, например, у К. Беккера («... язык есть проявляющаяся мысль, а слово – воплощенное в звуках понятие» [2, с. 67]): «Соответствие мира слов миру мыслей есть основной закон развития языка» [7, с. 148] (*орфография и пунктуация Н. В. Крушевского*). Натуралистом же М. Мюллером эта связь признавалась настолько тесной, что доходила практически до отождествления одного с другим: «Худо ли, хорошо ли, но язык и мысль безраздельно соединены: их развод означает смерть как для одного, так и для другой» [9, с. 474] (*орфография и пунктуация переводчика XIX века*).

Большинство лингвистов натуралистического направления признают существование так называемых «туранских языков», относя их к языкам агглютинирующего типа: "The remaining languages, which are non-Semitic and nonArian, have been recently included under the general name Turanian..." [20, p. 187]; «Все туранское семейство состоит из приставочных языков и объемлет действительно все языки, на которых говорят и в Азии, и в Европе, за исключением арийского и семитского семейства и китайского языка

с сродными ему диалектами» [10, с. 220] (*орфография и пунктуация переводчика XIX века*). Не является исключением в этом вопросе и Н. В. Крушевский. Он подробно описывает структуру слов в таких языках [7, с. 163].

Индоевропейскую семью языков, называемую большинством лингвистов-натуралистов «арийской» (кроме А. Овелака и У. Д. Уитни), Н. В. Крушевский, однако, именует «ариоевропейской» [7, с. 213].

Стадиальное (или ступенчатое) развитие языков, подробно рассмотренное лингвистами натуралистического направления, похожим образом описано и Н. В. Крушевским. При этом, по его убеждению, упрощение, свойственное более поздним ступеням развития языков, не исключает возможного менее совершенного звукового оформления языков с течением времени: «Конечно, упрощаясь в звуковом отношении, форма может проходить такие ступени, которые антрофонически будут менее совершенны, чем более ранние ступени» [7, с. 196] (*орфография и пунктуация Н. В. Крушевского*).

Макс Мюллер и другие представители натуралистического направления признавали в жизни языков два периода: период развития (становления) и период деградации (упадка): «Но прежде, чем языки приходят в упадок, они проходят период роста...» [10, с. 130] (*орфография и пунктуация переводчика XIX века*). Август Шлейхер делит жизнь языка на «доисторический» и «исторический» периоды. Формирование языка, согласно А. Шлейхеру, приходится на доисторический период; а в исторический период происходит «падение» языка, то есть постепенное его «омертвление», что иллюстрируется латинским языком [14, с. 147]. Н. В. Крушевский аналогично трактует историю языков и признает их фонетическое и морфологическое «вырождение» [7, с. 164–165] на определённом этапе развития, а также «порчу семасиологическую» [7, с. 212]. Соответственно, он,

как и Август Шлейхер, говорит о фонетической и грамматической «бедности» современных языков по сравнению с древними языками [7, с. 172].

Описанные Ч. Дарвином по отношению к живым организмам «борьба за существование» и «естественный отбор» широко применялись лингвистами-натуралистами к лингвистическим явлениям: “A much more striking analogy, therefore then the struggle for life among words and grammatical forms which is constantly going on in each language. Here the better, the shorter, the easier forms are constantly gaining the upper hand, and they really owe their success to their own inherent virtue” [22, p. 257]. Указанные понятия также нашли отражение в работе Н. В. Крушевского «Очерк науки о языке»: «Элемент наиболее подходящий к окружающей среде, наиболее соответствующий своему назначению, носящий в себе наиболее задатков жизни, вытесняет своих соперников и упрочивается в языке» [7, с. 189–190] (*орфография и пунктуация Н. В. Крушевского*); «В “борьбе за существование” между несколькими разновидностями основы, одолевает та, которая лучше помнится, благодаря частому употреблению, а может быть и другим каким-нибудь своим качеством природы фонетической» [7, с. 194] (*орфография и пунктуация Н. В. Крушевского*); «Это происходит путем вытеснения одних суффиксов другими, при чем победоносными оказываются те, которые лучше помнятся, благодаря частому употреблению, своей полнотонности и выразительности, а также большему соотвествию данным основам» [7, с. 194] (*орфография и пунктуация Н. В. Крушевского*).

Заключение

Таким образом, понимание лингвистики как естественнонаучной дисциплины, языка как живого организма, использование многочисленных биологических метафор, применение дарвиновских за-

конов естественного отбора и борьбы за выживание к лингвистическим фактам, отождествление языка и мышления, признание существования «туранских языков», описание стадийального развития языков – всё это свидетельствует в

пользу того, что лингвистическая теория, представленная в «Очерке науки о языке» Н. В. Крушевского, коррелирует с лингвистическим натурализмом.

Статья поступила в редакцию 01.03.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. «Великий кризис» в истории лингвистики и пути его преодоления // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 7–21. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.7-21
2. Беккер К. Организм языка (перевод) // Филологические записки. 1860. №№ 1–6.
3. Беляева И. Ф., Хухуни Г. Т. Понятия «дух» и «организм» языка в лингвистике XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 3. С. 25–33. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-3-25-33
4. Бодуэн де Куртэнэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: АН СССР, 1963. 385 с.
5. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. СПб.: Наука, 1991. 546 с.
6. Крушевский Н. В. Лингвистические заметки // Крушевский Н. В. Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998. С. 59–64.
7. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке // Крушевский Н. В. Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998. С. 96–222.
8. Курилович Е. Николай Крушевский // Крушевский Н. В. Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998. С. 248–254.
9. Мюллер М. Наука о мысли / пер. с англ.; 2-е изд., доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 496 с.
10. Мюллер М. Лекции по науке о языке / пер. с англ.; 2-е изд., доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 314 с.
11. Мюллер М. Наука о языке: Новый ряд чтений Макса Мюллера в Великобританском королевском институте. Вып. 1. / пер. с англ. Воронеж: Издание редакции «Филологических записок», 1868. 282 с.
12. Стекольников И. В. Натуралистические идеи в лингвистической теории Ф. Ф. Фортунатова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 144–152. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-144-152
13. Стекольников И. В. Натуралистическая концепция языка И. И. Срезневского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 5. С. 22–30. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-22-30
14. Стекольников И. В. Натуралистическая концепция языка в языкознании XIX века: общее и специфическое: дис. ... докт. филол. наук. Мытищи, 2020. 607 с.
15. Тазеев Г. Г., Ахметзянова Г. Р., Филькова А. Ю. Некоторые вопросы фонологии, морфологии и системности языка в работе Н. В. Крушевского «Очерк науки о языке» // Вестник Волжского университета имени Е. Н. Татищева. 2018. Т. 1. № 4. С. 138–147.
16. Шлейхер А. Немецкий язык // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. I. М.: Просвещение, 1964. С. 110–116.
17. Якобсон Р. О. Значение Крушевского в развитии науки о языке // Крушевский Н. В. Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998. С. 262–271.
18. Benloew L. De Quelques Caractères du Langage Primitif. Paris: Librairie A. Franck, 1863. 48 p.
19. Chavée H.-J. La science positive des langues indo-européennes // Revue de linguistique et de philologie comparée. T. 1. Paris: Maisonneuve et C., Libraires d'éditeurs, 1867. P. 1–35.
20. Farrar F. W. An Essay on the origin of language. London: John Murray, 1860. 232 p.
21. Hovelacque A. La linguistique. 3-ème éd. Paris: C. Reinwald et C., Librairie d'éditeur, 1881. 436 p.
22. Müller M. The science of language // Nature. 1870b. P. 256–259.
23. Schleicher A. Darwinism tested by the science of language / transl. from the German by Dr. Alex. V. W. Bickers. London: John Camden Hotten, 1869. 70 p.
24. Whitney W. D. Language, and the study of language. Twelve lectures on the principles of linguistic science. London: Trübner and Co, 1867. 490 p.
25. Williams J. A Paradigm Lost. The Linguistic Theory of Mikolaj Kruszewski. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Co., 1993. 200 p.

REFERENCES

1. Alpatov V. M. ["The great crisis" in the history of linguistics and how it was overcome]. In: *Vo-prosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 2020, no. 5, pp. 7–21. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.7-21
2. Becker K. [The Organism of Language (translation)]. In: *Filologicheskie zapiski* [Philological Notes], 1860, no. 1–6, pp. 3–72.
3. Belyaeva I. F., Khukhuni G. T. [The notions "soul" and "organism" of language in the 19th century linguistics]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2018, no. 3, pp. 25–33. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-3-25-33
4. Baudouin de Courtenay I. A. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu. T. 1* [Selected Works on General Linguistics. Vol. 1]. Moscow, AN SSSR Publ., 1963. 385 p.
5. Darwin Ch. *Proiskhozhdenie vidov putem estestvennogo otbora* [On the origin of species by means of natural selection]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. 546 p.
6. Krushevsky N. V. [Linguistic notes]. In: Krushevsky N. V. *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Nasledie Publ., 1998, pp. 59–64.
7. Krushevsky N. V. [Essay on the Science of Language]. In: Krushevsky N. V. *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Nasledie Publ., 1998, pp. 96–222.
8. Kurilovich E. [Nikolay Krushevsky]. In: Krushevsky N. V. *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Nasledie Publ., 1998, pp. 248–254.
9. Muller M. *Nauka o mysli* [The science of thought]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2011. 496 p.
10. Muller M. *Lektsii po nauke o yazyke* [Lectures on the Science of Language]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 314 p.
11. Muller M. *Nauka o yazyke: Novyy ryad chteniy Maksa Myullera v Velikobritanskom korolevskom institute. Vyp. 1* [The Science of Language: A New Series of Max Müller Readings at the Royal Institution of Great Britain. Iss. 1]. Voronezh, Editorial board of "Philological Notes" Publ., 1868. 282 p.
12. Stekol'shchikova I. V. [Naturalistic ideas in the linguistic theory of F. F. Fortunatov]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 4, pp. 144–152. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-144-152
13. Stekol'shchikova I. V. [I. I. Sreznevskiy's naturalistic concept of language]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2016, no. 5, pp. 22–30. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-22-30
14. Stekol'shchikova I. V. *Naturalisticheskaya kontseptsiya yazyka v yazykoznanii XIX veka: obshchee i spetsificheskoe: dis. ... dokt. filol. nauk* [Naturalistic concept of language in linguistics of the XIX century: general and specific: Dr. Sci. Thesis in Philological sciences]. Mytishchi, 2020. 607 p.
15. Tazeev G. G., Akhmetzyanova G. R., Fil'kova A. Yu. [Some aspects of phonology, morphology and language systematization in the work of N. V. Krushevsky "Essay on the science of language"]. In: *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni E. N. Tatishcheva* [Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatishchev], 2018, Vol. 1, no. 4, pp. 138–147.
16. Shleikher A. [German language]. In: Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh. Ch. I* [History of linguistics of the 19th–20th centuries. in essays and extracts. P. I]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964, pp. 110–116.
17. Jakobson R. O. [The importance of Krushevsky in the development of the science of language]. In: Krushevsky N. V. *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Nasledie Publ., 1998, pp. 262–271.
18. Benloew L. *De Quelques Caractères du Langage Primitif*. Paris, Librairie A. Franck Publ., 1863. 48 p.
19. Chavée H.-J. *La science positive des langues indo-européennes. In : Revue de linguistique et de philologie comparée. T. 1*. Paris, Maisonneuve et C., Libraires-éditeurs, 1867, pp. 1–35.
20. Farrar F. W. *An Essay on the origin of language*. London, John Murray, 1860. 232 p.
21. Hovelacque A. *La linguistique*. Paris, C. Reinwald et C., Librairie d'éditeur Publ., 1881. 436 p.
22. Müller M. The science of language. In: *Nature*, 1870b, pp. 256–259.
23. Schleicher A. *Darwinism tested by the science of language*. London, John Camden Hotten, 1869. 70 p.
24. Whitney W. D. *Language, and the study of language. Twelve lectures on the principles of linguistic science*. London, Trübner and Co, 1867. 490 p.

25. Williams J. A Paradigm Lost. The Linguistic Theory of Mikolaj Kruszewski. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ. Co., 1993. 200 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стеколыщикова Ирина Витальевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Московского городского педагогического университета;

e-mail: vasilij333@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Stekolshchikova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of English Studies and Intercultural Communication, Foreign Languages Institute, Moscow City University;

e-mail: vasilij333@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Стеколыщикова И. В. «Очерк науки о языке» Н. В. Крушевского в свете натуралистической концепции языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 5. С. 96–104.

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-96-104

FOR CITATION

Stekolshchikova I. V. "An outline of linguistic science" in the aspect of naturalistic conception of language. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 5, pp. 96–104.

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-96-104

УДК: 1751

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-105-114

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ИНФЕРЕНЦИАЛЬНОСТИ, ИМЕЮЩЕЙ ЗНАЧЕНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ, В РУССКИХ И ПЕРСИДСКИХ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Хоссейни А. А., Хакрах Кахнамуи Т.*Тегеранский университет**1439813164, г. Тегеран, ул. Каргар-э Шомали, д. 15/16, Исламская Республика Иран*

Аннотация

Цель нашего научного исследования состоит в том, чтобы определить лексические, семантические и грамматические средства, используемые для перевода категории инференциальности с оценкой модального значения необходимости в русских и персидских вопросительных предложениях.

Процедура и методы. В настоящей статье ищется ответ на вопрос, как и какие языковые средства являются языковыми аналогами в передаче категории инференциальности и модального значения необходимости в русских и персидских вопросительных предложениях. Поэтому в ходе нашего исследования, выполненного на материале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», были рассмотрены вопросительные предложения, выражающие семантические значения инференциальности и необходимости. В процессе сопоставления были рассмотрены персидские вопросительные предложения на материале произведения Фарибы Вафи «ماه کامل میشود» («Луна становится полной») с целью выявления сходств и различий языковых средств, используемых для выражения категории инференциальности и значения необходимости.

Результаты. На основе изученного установлено, что частица *لی* آیا; наречие *так много*; اینقدر; вопросительные местоимения *почему* چرا, *зачем* برای چی, *что* چه, *как* چگونه ... и модальные слова *нужно, необходимо* لازم است, *надо, должен* باید ... представляют собой языковые средства выражения значения инференциальности и необходимости в русском и персидском языках.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты настоящего исследования могут быть полезными при обучении русскому языку как иностранному с целью восприятия содержания русских вопросительных предложений, передающих значения инференциальности и необходимости.

Ключевые слова: вопросительное предложение, инференциальность, необходимость, русский язык, персидский язык

MEANS OF EXPRESSION THE CATEGORY OF INFERENTIALITY DENOTING THE MEANING OF NECESSITY IN RUSSIAN AND PERSIAN INTERROGATIVE SENTENCES

A. Hosseini, T. Khakrah Kahnemouei*University of Tehran**15/16 North Kargar Street, Tehran 1439813164, Iran*

Abstract

Aim. Our scientific research strives to identify the lexical, semantical and grammatical means used to translate the category of inferentiality with the assessment in modal meaning of necessity in Russian and Persian interrogative sentences.

© CC BY Хоссейни А. А., Хакрах Кахнамуи Т., 2021.

Methodology. This article is seeking to answer the question of what are the linguistic means and manner that might make linguistic analogy to transmit the category of inferentiality and the modal meaning of necessity in Persian and Russian interrogative sentences. Thus during our study of the novel "Anna Karenina" by L. N. Tolstoy the interrogative sentences expressing the semantic meanings of inferentiality and necessity were analyzed. In the course of comparative study, the Persian interrogative sentences in the novel "The Moon Becomes Full" by Fariba Vafi were studied to find out similarities and differences of linguistic means used to convey the category of inferentiality and the meaning of necessity.

Results. The results of this study show that the particle *ли* آیا; adverb *так много* اینقدر; interrogative pronouns *почему* چرا; *зачем* برای چی; *что* چه; *как* چگونه ... and modal words *нужно, необходимо* لازم است, *надо, должен* باید ... are the linguistic means to express the meanings of inferentiality and necessity in Russian and Persian languages.

Research implication. The results of this research can be helpful in teaching Russian language as a foreign language in order to understand the content of Russian interrogative sentences conveying the meanings of inferentiality and necessity.

Keywords: interrogative sentence, inferentiality, necessity, Russian language, Persian language

Введение

В настоящее время категория эвиденциальности находится в центре внимания многих исследователей. Ф. Боас был первым лингвистом, заговорившим о категории эвиденциальности и рассматривавшим морфологические и синтаксические средства, необходимые для выражения этой категории [19, p. 496].

Можно утверждать, что категория эвиденциальности существует во всех языках мира. Однако для её выражения используются разные языковые средства. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы показать необходимые языковые средства, с помощью которых можно выражать значения инференциальности в русских и персидских вопросительных предложениях.

Эвиденциальность в русском и персидском языках указывает на способы получения информации о ситуации и выражает прямой / не прямой доступ к источнику сообщения. Таким образом, эта категория подразделяется на прямую и косвенную эвиденциальность. Значение инференциальности в обоих языках как один из видов значений не прямой эвиденциальности выражает суждение, умозаключение участника речевого акта, его логический вывод, в результате чего восстанавливается ситуация [14, с. 87;

24]. Далее в нашем исследовании предполагается проанализировать и сравнить ситуации, в которых категория инференциальности является одним из способов выражения значения необходимости в русских и персидских вопросительных предложениях.

Категория эвиденциальности в русском и персидском языках

В современной лингвистической литературе самостоятельной категорией эвиденциальности в русском и в персидском языках является источник информации из первых или из вторых рук [11, с. 135; 17]. Прямая эвиденциальность, как правило, в двух языках указывает на прямой доступ говорящего к информации. В этом случае говорящий сам видел, чувствовал или был участником события. Непрямая эвиденциальность представляет собой не прямой доступ субъекта речевого акта к информации, особенно когда он не является собственным наблюдателем или участником события [7; 17; 21]. Например:

1) *Иван внимательно просмотрел на меня* [14, с. 27] (говорящий сам видел)
 ایوان به دقت مرا و ارسى کرد

2) *От Ивана пахнет вином* [14, с. 27] (говорящий чувствует запах)
 ایوان بوی شراب میدهد

3) *Должно быть, его нет дома* [14, с. 87] (говорящий догадывается) *وااحتمالا خانه نیست*.

4) *Петров, говорят, поправился* [14, с. 21] (говорящий слышал, что Петров поправился) *میگویند که پتروف درمان شده است*.

В первом и во втором русских и персидских примерах значение прямой эвиденциальности лексически выражается посредством глаголов *посмотрел* *وارسی کرد* и *пахнет* *بو میدهد*. Ясно, что эти единицы контекстуально указывают на собственные визуальные и сенсорные чувства субъекта речевого акта, когда он сам был участником событий. Однако в третьем и в четвёртом примерах наличие вводного слова «должно быть» *وااحتمالا* и спрягаемой формы глагола «говорят» *میگویند* лексически выражает значение не прямой эвиденциальности, т. е. контекстуально отражает предположительные и слуховые знания участника речевого акта в тот момент, когда он не был участником событий.

Языки с различными синтаксическими, морфологическими, фонетическими и семантическими конструкциями могут по-разному выражать категорию эвиденциальности, её функции и употребление. [8, с. 249]. Например, в некоторых языках используются определённые морфологические средства для выражения рода, числа или наклонения [21, p. 100].

Для выражения значений прямой или косвенной эвиденциальности в русском и персидском языках, в отличие от других языков мира, не существуют обязательные специальные языковые средства. Например, как уже было отмечено в примерах выше, иногда лексические единицы выступают в качестве показателей значений прямой и косвенной эвиденциальности.

Значение категории не прямой эвиденциальности в русском языке по словам Е. А. Поповой, В. А. Плунгяна [6; 7], В. С. Храковского [14], Т. А. Майсака [5] и др., содержит информацию второго лица, сны, догадки, логическое умозаключение

и пересказывательность [4, с. 93]. Таким образом, пересказывательность, перцептуальность, инференциальность и адмиративность являются четырьмя видами косвенной эвиденциальности [2].

В персидском языке иногда при выражении значения прямой эвиденциальности помимо лексических единиц можно использовать форму изъявительного наклонения глагола, указывающего на уверенность субъекта речевого акта и на достоверность источника информации. Например, в нижеследующем персидском примере форма изъявительного наклонения глагола *دیدم* *увидела* выражает значение прямой эвиденциальности:

دیدم سهراب فوتبال بازی می کرد [21, p. 114].

Я увидела, как Сохраб играл в футбол.

Однако в некоторых случаях для выражения значений не прямой эвиденциальности и сомнения говорящего о достоверности источника информации можно использовать форму сослагательного наклонения глагола [21, p. 116].

شاید باران میبارید [21, p. 114–115].

Наверное, пошел бы дождь

Видно, что в приведённом примере форма сослагательного наклонения глагола «*میبارید* *пошел бы*» в двух языках указывает на значение не прямой эвиденциальности.

Кроме того, в других случаях Г. Лазард, Б. Камери, Л. Джохансон и С. Джахани связывали не прямую эвиденциальность с формой прошедшего времени совершенного вида глагола. В русской терминологии эта форма называется «прошедшее длительное время» [9, с. 247; 20, p. 110; 22; 23]. Ср.:

در این سرزمین همیشه بارانهای سیل آسا میباریده اند [24, p. 86]

На этой территории всегда шли сильные дожди.

Как видно, в персидском примере говорящий на основании существующих сведений описывает состояние окружающей среды (территории). Он воспринимает ситуацию и приходит к определённому выводу. Следовательно, в этом предложе-

Вопросительное предложение в русском и персидском языках, в зависимости от намерения говорящего, субъекта и реакции адресата – собеседника, подразделяется на собственные и риторические вопросительные предложения.

При выражении собственно вопросительных предложений субъект действия задаёт конкретному адресату вопрос, предполагающий ответ. Однако во втором типе вопросительного предложения ответа не предполагается [15, с. 590–591].

Вопросительное предложение как средство выражения значения косвенной эвиденциальности указывает на недостаточные и недостоверные знания участника речевого акта. Иногда рассуждение говорящего о каком-либо событии или предмете в русском и в персидском языках выражается вопросительными предложениями со значением инференциальности. Сравним:

1) ... По ходу фильма думаешь, а **почему** эта история не может быть правдой?
در جریان فیلم می اندیشید که چرا این داستان نمیتواند
صحت داشته باشد؟

2) Все так ясно стало, **не правда ли?**
همه چیز واضح شد. آیا درست است؟

В вышеприведенных примерах вопросительное местоимение «почему?» и частица «ли?» контекстуально осознаются средствами выражения логического вывода говорящего. Очевидно, что субъект речевого акта в первом примере с помощью риторического вопросительного предложения указывает на то, что *история фильма может быть правдой*. Кроме того, во втором предложении участник речевого акта догадывается, что *всё ясно стало*. Эти значения в персидском языке также выражаются с помощью вопросительного местоимения «چرا؟ (почему)» и «آیا (ли)», контекстуально и интонационно передающие догадки и вывод участника речевого акта.

Таким образом, подчёркиваем, что в персидских вопросительных предложениях также можно выражать значение

инференциальности с помощью вопросительных местоимений. Сравним:

چرا با کامپیوتر کار نمیکنید؟¹

Почему вы не работаете на компьютере?

Как следует из приведённых примеров, вопросительное местоимение, «چرا?» контекстуально и интонационно выражает значение инференциальности, т. е. отражает суждение субъекта речевого акта о конкретном предмете или явлении действительности. Для передачи этого значения в русском языке используется вопросительное местоимение «почему?». Оно может отражать суждение говорящего о том, что *его собеседнику необходимо работать на компьютере*.

Способы выражения категории инференциальности с оценкой необходимости в русских и персидских вопросительных предложениях

Значение нужности, как модальное значение, грамматически, лексически, интонационно выражает отношение говорящего к действительности [10, с. 240]. По словам Золотовой Г. А., модальность является сложным и многоплановым явлением, включающим разнородные модальные характеристики, проявляющиеся в разных аспектах предложения [1, с. 140]. Модальность подразделяется на объективное и субъективное значения. Под объективным значением понимается объективное содержание предложения, а под субъективным значением – позиции мыслящего субъекта, его отношение к содержанию высказывания [18, р. 34–38]. Очевидно, что значение необходимости как объективное значение воплощается в потенциальных и обусловленных условиях [12, с. 142].

Это значение выражает значения волюнтаристности и побудительной желательности. Кроме того, оно содержит внутреннюю потребность в совершении действия [16, с. 148].

¹ Vafi F. The moon becomes full.

Иногда значение необходимости и значение инференциальности взаимосвязаны. Для выражения этих значений в вопросительных предложениях можно использовать вопросительные местоимения, модальные слова и частицы. Сравним:

1) **Что вам нужно? Почему вы сейчас здесь?**¹

چه چیزی نیاز دارید؟ چرا اینجا هستید؟

2) **Что тебе от меня надо?**²

تو چی از من میخوای؟

3) **Нет, почему я должен был удивиться?**³

نه، چرا باید تعجب کنم؟

Субъект речевого акта при использовании вопросительных местоимений «что?», «почему?» и модальных слов «нужно», «надо», «должен» указывает на свои мысли, выводы о нужности / ненужности осуществления действия. В персидском языке эти значения передаются при помощи вопросительных местоимений «چه? что», «چی? что», «چرا? почему» модального глагола «نیاز دارید» и модального слова «باید надо».

Разумеется, что для передачи значения необходимости в персидских вопросительных предложениях скорее используются языковые средства, выражающие мысли, догадки субъекта речевого акта о ненужности / нужности выполнения действия. В частности, для выражения значения инференциальности с оценкой необходимости в персидских вопросительных предложениях можно использовать модальные слова со значением необходимости: «لازم است нужно, необходимо», «نیاز دارد» [9, с. 306]. Сравните:

1) **برای چی باید بفهمید?**⁴

Почему вам надо/необходимо/нужно понимать?

2) **چه فایده ای دارد من این چیزها را می گویم?**⁵

Какая польза от меня говорить об этих предметах?

آیا لازم داشتم که دوباره همه آنها را ببینم؟

Мне нужно было ли увидеть их всех?

Очевидно, что во всех этих предложениях значение необходимости является эксплицитным. Так как для его выражения используются модальные слова и предикативы «لازم», «فایده», «باید», служащие для уточнения усиления модального значения необходимости. Кроме того, слова «لازم داشتم» и «فایده دارد» функционируют как главные члены и описывают состояние субъекта действия [9, с. 306; 10, с. 703]. Эти слова в сочетании с вопросительными местоимениями «برای چی?», «آیا?», «چه?», «چرا?» отражают внутренние выводы говорящего о ненужности выполнения определённого действия.

Следовательно, названные выше лексические единицы, вопросительные местоимения и формы сослагательного наклонения предложения в персидском языке выражают значения инференциальности и необходимости.

Для передачи этих значений в русском языке можно использовать вопросительные местоимения «почему?», «для чего?», «какой?»; вопросительную частицу «ли?»; модальные слова и следующие лексические конструкции со значением необходимости: «надо, необходимо, нужно» «فایده», «باید, لازم».

В некоторых других случаях значение необходимости не является эксплицитным. Это значение иногда заключается в категории инференциальности и выражается при помощи вопросительных местоимений «почему?», «چرا?», «как?», «چگونه?», «برای چه? зачем?» и частицы «چه?», «چرا?», «چگونه?», «برای چه? зачем?» Ср.:

1) **А почему наш любимый папа смотрит так подозрительно?**⁷

چرا پدر عزیزمان اینطور مشکوکانه نگاه میکند؟

В вышеуказанном вопросительном предложении говорящий при помощи вопросительного местоимения «почему?» интонационно отражает свои мысли и выводы о том, что *их любимому папе*

¹ Толстой Л. Н. Анна Каренина.

² Толстой Л. Н. Анна Каренина.

³ Толстой Л. Н. Анна Каренина.

⁴ Vafi F. The moon becomes full.

⁵ Vafi F. The moon becomes full.

⁶ Vafi F. The moon becomes full.

⁷ Толстой Л. Н. Анна Каренина.

нельзя *смотреть так подозрительно*. Т. е. в этом предложении вопросительное местоимение «почему?» является средством выражения значений инференциальности и ненужности. Эти значения в персидском языке интонационно передаются при помощи вопросительного местоимения «چرا؟»

2) *Как же решил, едешь?*¹

پس چه تصمیمی گرفتی؟ میروی؟

Используя вопросительное местоимение «как?» и частицу «же», участник речи контекстуально выражает свои догадки о том, что *его собеседнику необходимо ехать*. Следовательно, в этом предложении помимо значения инференциальности выражается значение необходимости, которое в персидском языке передается частицей «پس же» и вопросительным местоимением «چه؟ как».

Таким образом, в персидском языке, как и в русском, семантическое значение необходимости в связи с контекстом представлено другими вопросительными местоимениями, передающими значение инференциальности:

1) *Чگونه دوستش بدارم وقتی که او مرا دوست ندارد?*²

Как любить её, когда она меня не любит?

2) چرا اینقدر سوال میپرسی?³

Зачем ты задаешь так много вопросов?

Исходя из вышеназванных русских и персидских предложений, вопросительные местоимения «چگونه как», «چرا? зачем» и наречие «اینقدر так много» контекстуально представляют собой попытку отражать логический вывод говорящего о ненужности осуществления конкретного действия. Таким образом, в этих предложениях в двух языках выражаются зна-

чение категории инференциальности с оценкой необходимости.

Заключение

Итак, в русском и персидском языках отсутствуют специальные языковые средства, используемые для выражения значений эвиденциальности. В обоих языках в большинстве случаев используются лексические единицы, передающие значения косвенной или прямой эвиденциальности.

В нашей статье мы показали, что вопросительные предложения в двух языках осознаются одними из синтаксических средств, используемых субъектом речевого акта для выражения своих мнений, догадок и выводов о том, что случилось. Значение инференциальности как одно из значений косвенной эвиденциальности в некоторых случаях сопровождается модальным значением необходимости.

Следует вывод о том, что при переводе значений инференциальности с оттенком модального значения необходимости в русских и персидских вопросительных предложениях не возникает проблем. В обоих языках в одних случаях участник речевого акта эксплицитно использует следующие модальные слова «باید надо, لازم нужно, необходимо», «должен», чтобы выразить своё суждение о необходимости выполнения действия, а в других случаях используя вопросительные местоимения «چرا? почему?», «چگونه?», «چه? какая», «برای چه? зачем?»; частицу «آیا ли?» и наречие «اینقدر так много» говорящий контекстуально отражает свои размышления о нужности или ненужности выполнения конкретного действия.

Статья поступила в редакцию 12.08.2021

¹ Толстой Л. Н. Анна Каренина.

² Vafi F. The moon becomes full.

³ Vafi F. The moon becomes full.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.
2. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
3. Кошева А. Ш. Репрезентация эвиденциальности в карачаево-балкарском языке // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2020. № 3 (108). С. 59–66. DOI: 10.37972/chgpu.2020.108.3.008
4. Лунина Т. П. О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (148). С. 92–97.
5. Майсак Т. А., Татевосов С. Г. Пространство говорящего в категориях грамматики, или Чего нельзя сказать о себе самом // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 68–80.
6. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.
7. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
8. Профатилова С. М., Балабаева Ю. Е. Средства выражения значений эвиденциальности в разноструктурных языках // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 1 (36). С. 249–259.
9. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Восточная литература РАН, 2001. 600 с.
10. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 783 с.
11. Скоробач Н. Ю. Категория эвиденциальности как средство формирования модальности сомнения в текстах публицистического дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (147). С. 134–139.
12. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. 348 с.
13. Хадарцев О. А. Эвиденциальность и эпистемическая модальность в персидском языке: взаимодействие двух категорий // Язык и речевая деятельность. Т. 3. Ч. 1. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. С. 182–194.
14. Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, адмиративность. Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. 632 с.
15. Хоссейни А. А., Хакрах Кахнамуи Т. Инфинитивные вопросительные предложения в русском и персидском языках: Модальные значения потенциальности и оперативности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 3. С. 585–595. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-585-595.
16. Хузина А. Е. Модальности необходимости и долженствования конструкций с инфинитивом-сказуемым (на материале русских пословиц и поговорок) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 8 (223). С. 147–152.
17. Aikhenvald A. Y. Evidentiality in grammar // Encyclopedia of languages and linguistics / ed. K. Brown. 2nd ed. Oxford: Elsevier, 2006. P. 320–325. DOI: 10.1016/B0-08-044854-2/00252-2
18. Bally C. Linguistique générale et linguistique française. Paris: Leroux, 1946. 449 p.
19. Boas F. Handbook of American Indian languages. Washington, 1911. 570 p.
20. Comrie B. Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 147 p.
21. Gandomkar R. Semantic analysis of category of evidentiality in Persian language // Persian Language and Iranian Dialects. 2020. Vol. 4. P. 99–120.
22. Jahani C. Expressions of indirectivity in spoken Modern Persian // Evidentials: Turkic, Iranian and Neighbouring Languages / ed. L. Johanson, B. Utas. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 185–207. DOI: 10.1515/9783110805284.185
23. Lazard G. Le médiatif en Persian // L'énonciation médiatisée / ed. Z. Guentcheva. Lovain; Paris: Peeters, 1996. P. 21–30.
24. Omidvari A., Golfam A. The study of evidentiality in Persian: A typological approach // Language Related Research. 2017. Vol. 8. Iss. 1. P. 79–99.

REFERENCES

1. Zolotova G. A. *Oчерk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Sketch of the functional syntax of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 351 p.
2. Kozintseva N. A. [Category of evidentiality: Problems of typological analysis]. In: *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 1994, no. 3, pp. 92–104.
3. Kosheva A. Sh. [Manifestation of evidentiality in Karachay-Balkar language]. In: *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 2020, no. 3 (108), pp. 59–66. DOI: 10.37972/chgpu.2020.108.3.008
4. Lunina T. P. [Means of reported evidentiality expression in the Russian language]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2020, no. 5 (148), pp. 92–97.
5. Maisak T. A., Tatevosov S. G. [The “space” of the speaker as expressed in categories of grammar: what is impossible to say of one's own self]. In: *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 2000, no. 5, pp. 68–80.
6. Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of languages of the world]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2011. 672 p.
7. Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: An introduction to the problematics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 384 p.
8. Profatlova S. M., Balabaeva Yu. E. [Means of expressing evidentiality values in multi-structured languages]. In: *Teoriya yazyka i mezkul'turnaya kommunikatsiya* [Theory of Language and Intercultural Communication], 2020, no. 1 (36), pp. 249–259.
9. Rubinchik Yu. A. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of modern Persian literary language]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 2001. 600 p.
10. Shvedova N. Yu. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p.
11. Skorobach N. Yu. [The category of evidence as a means of the development of the doubt modality in the texts of publicistic discourse]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2020, no. 4 (147), pp. 134–139.
12. Bondarko A. V., ed. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Functional grammar theory. Temporality. Modality]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 348 p.
13. Khadartsev O. A. [Evidentiality and Epistemic Modality in Persian: Interaction of Two Categories]. In: *Yazyk i rechevaya deyatel'nost'. T. 3. Ch. 1* [Language and speech activity. Vol. 3. P. 1]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University Publ., 2000, pp. 182–194.
14. Khrakovsky V. S. *Evidentsial'nost', epistemicheskaya modal'nost', admirativnost'. Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality, epistemic modality, mirativity. Evidentiality in the languages of Europe and Asia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 632 p.
15. Hoseini A. A., Khakrah Kahnamouei T. [Infinitive interrogative sentences in Russian and Persian: modal meanings of potentiality and efficiency]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2020, vol. 11, no. 3, pp. 585–595. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-585-595
16. Khuzina A. E. [Modalities of necessity and obligation in the constructions with an infinitive predicate (based on Russian proverbs and sayings)]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 2011, no. 8 (223), pp. 147–152.
17. Aikhenvald A. Y. Evidentiality in grammar. In: Brown K., ed. *Encyclopedia of languages and linguistics*. Oxford, Elsevier, 2006, pp. 320–325. DOI: 10.1016/B0-08-044854-2/00252-2
18. Bally C. *Linguistique générale et linguistique française*. Paris, Leroux, 1946, 449 p.
19. Boas F. *Handbook of American Indian languages*. Washington Publ., 1911. 570 p.
20. Comrie B. *Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge, Cambridge University Press, 1976. 147 p.
21. Gandomkar R. Semantic analysis of category of evidentiality in Persian language. In: *Persian Language and Iranian Dialects*, 2020, vol. 4, pp. 99–120.
22. Jahani C. Expressions of indirectness in spoken Modern Persian. In: Johanson L., Utas B., eds. *Evidentials: Turkic, Iranian and Neighbouring Languages*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2000, pp. 185–207. DOI: 10.1515/9783110805284.185

23. Lazard G. Le mediatif en Persian. In: Guentcheva Z., ed. *L'énonciation médiatisée*. Lovain, Paris, Peeters, 1996, pp. 21–30.
24. Omidvari A., Golfam A. The study of evidentiality in Persian: A typological approach. In: *Language Related Research*, 2017, vol. 8, iss. 1, pp. 79–99.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хоссейни Амир Алиасгар – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы факультета иностранных языков и литературы Тегеранского университета;
e-mail: amhoseini@ut.ac.ir

Хакрах Кахнамуи Табассом – аспирант, ассистент преподавателя кафедры русского языка и литературы факультета иностранных языков и литературы Тегеранского университета;
e-mail: t.khakrah@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Amir A. Hosseini – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian language and literature, Faculty of Foreign Languages and Literature, University of Tehran;
e-mail: amhoseini@ut.ac.ir

Tabassom Khakrah Kahnamouei – Postgraduate Student, Assistant Lecturer, Department of Russian language and literature, Faculty of Foreign Languages and Literature, University of Tehran;
e-mail: t.khakrah@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хоссейни А. А., Хакрах Кахнамуи Т. Способы выражения категории инференциальности, имеющей значение необходимости, в русских и персидских вопросительных предложениях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 5. С. 105–114.

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-105-114

FOR CITATION

Hosseini A. A., Khakrah Kahnamouei T. Means of expression the category of inferentiality denoting the meaning of necessity in Russian and Persian interrogative sentences. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 5, pp. 105–114.

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-105-114

УДК 81'25

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-115-125

ИССЛЕДОВАНИЕ КИТАЙСКОГО ПЕРЕВОДА РОМАНА «АННА КАРЕНИНА» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АДАПТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА

*Ши Пэй, Ху Гумин**Уханьский университет**430072, Провинция Хубэй, г. Ухань, ул. Баи, д. 299, Китайская Народная Республика*

Аннотация

Цель. Цель данной работы заключается в исследовании феномена адаптации культурного контекста и выбора переводческих методов и стратегий в китайском переводе русского литературного произведения с помощью теории адаптации.

Процедура и методы. В статье в качестве примера приводятся фрагменты китайского перевода «Анны Карениной» Цао Ина. При проведении исследования применяются методы наблюдения, классификации, интерпретации и обобщения.

Результаты. В ходе работы культурный контекст делится на четыре аспекта; анализ показывает, что переводчик выбирает соответствующие переводческие методы и стратегии с целью динамической адаптации к различным культурным контекстам.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию адаптации культурного контекста и художественный перевод.

Ключевые слова: культурный контекст, теория адаптации, метод перевода, художественный перевод

A STUDY ON THE CHINESE TRANSLATION OF “ANNA KARENINA” FROM THE PERSPECTIVE OF CULTURAL CONTEXT ADAPTATION

*Shi Pei, Hu Guming**Wuhan University**299 Bayi Road, Wuhan 430072, Hubei Province, People's Republic of China*

Abstract

Aim. The purpose of this article is to study the phenomenon of cultural contextual adaptation and the selection of translation methods and strategies in Chinese translation of Russian literature with the help of adaptation theory.

Methodology. The main methods of research are: observation, classification, interpretation, synthesis.

Results. In this article, the cultural context is divided into four aspects. The result of the analysis shows that the translator needs to choose the appropriate translation methods and strategies for dynamic adaptation to different cultural contexts.

Research implications. The research results contribute to the adaptation theory and literary translation.

Keywords: cultural context, adaptation theory, translation method, literary translation

Введение

Лев Николаевич Толстой – русский писатель, просветитель, философ и мыслитель XIX века. Более чем за 60-летнюю литературную карьеру он создал множество выдающихся литературных произведений. В частности, три великих произведения – «Воскресение», «Война и мир» и «Анна Каренина» – являются не только сокровищами в истории русской литературы, но и в истории мировой литературы. Так, одна британская газета, проведя опрос более 570 писателей по всему миру для определения рейтинга всемирно известных литературных произведений, выяснила, что «Анна Каренина» занимает первое место. «Анна Каренина» изображает обширную и красочную картину жизни России: жизнь в столице и в деревне; любовную трагедию героини Анны и реформу Левина в период кризиса в деревне. Роман представляет собой социальное энциклопедическое литературное произведение. С начала XX в. многие китайские лингвисты переводили «Анну Каренину» и более десятка из них опубликовали и переиздали свои переводные произведения. Перевод Цао Ина¹, известного китайского переводчика, непосредственно выполнен с оригинального русского произведения; высоко оценивается китайскими учёными и переводчиками – роман стал книгой по внеклассному чтению для многих китайских студентов.

На поисковом сайте CNKI найдено более 900 статей, в которых с исследовательской точки зрения рассматривается роман «Анна Каренина»: большинство из них проанализированы с точки зрения теории литературы; только 21 статья предлагает исследование романа с точки зрения переводоведения².

Так, в статье «О стратегиях натурализации и диссимилиации в русско-китайском переводе» Сун Юйцзяо анализирует стратегии перевода натурализации и диссимилиации в китайском переводе «Анны Карениной» и отмечает, что стратегии натурализации и диссимилиации должны быть диалектическими [8, 96]. Го Шуан рассматривает влияние пола переводчика на перевод «Анна Каренина» и отмечает, что женщины-переводчики обычно сознательно или бессознательно использует женскую психологию и тон в процессе перевода [5, 124]. В своей диссертации Чжао Фанюань с точки зрения теории вариантного перевода анализирует такие методы перевода, как добавление, сокращение, изменение и причины использования средств [11, 12]. Екатерина Гурина в своей статье анализирует стилистические особенности перевода романа «Анна Каренина» Ричарда Пивера (R. Pevear), Ларисы Волохонской (L. Volokhon-skaya) и Джоэла Кармайкла (J. Carmichael) на основе прагматического и сравнительного анализа. Анализ показывает, что у каждого переводчика свои идеи, предпочтения и особенности, которые приводят к тому, что переводы переводчиков отличаются друг от друга [1, с. 315].

Художественный перевод – это не только перевод содержания и сюжета оригинального текста, но и перевод литературной особенности и культурной коннотации произведений, с тем чтобы способствовать межкультурной коммуникации между двумя странами. Однако культура разных стран и национальностей различна: вопрос о том, как адаптировать художественный перевод к различным культурным контекстам становится важным при изучении художественного перевода. В данной статье с точки зрения адаптации культурного контекста мы рассмотрим феномен адаптации культурного контекста и переводческие методы и стратегии в китайском переводе «Анны Карениной» Цао Ина, используя методы классификации

¹ 列夫·托尔斯泰. 安娜·卡列尼娜[M]. 草婴译. 南京: 译林出版社, 2014, 764页.

² См. подр.: 中国知网 (CNKI) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnki.net> (дата обращения: 10.06.2021).

и интерпретации для выяснения, как переводчики динамично адаптируются к различиям культурного контекста в художественном переводе.

1. Теория адаптации и культурный контекст

В 1987 г. бельгийский лингвист Жеф Вершуерен (Jef Verschueren) предложил теорию адаптации в книге «Прагматика: теория языковой адаптации». По его мнению, причина, по которой пользователи языка могут делать соответствующий выбор в процессе использования языка, заключается в том, что язык характеризуется изменчивостью, обращаемостью и адаптивностью. Среди них, изменчивость языка означает, что «язык имеет ряд возможностей для выбора». Обращаемость языка – «выбор не делается механически или строго в соответствии с отношением формы-функции, а завершается на основе весьма гибких принципов и стратегий». Адаптивность языка относится к характеристике, которая «позволяет пользователю языка делать гибкие адаптации на выбор для удовлетворения потребностей общения» [2, р. 173]. Изменчивость и обращаемость языка являются основой использования языка, а адаптивность – целью [4, стр. 157]. На макроуровне, язык адаптируется к социально-политической и экономической системе, истории, географической среде, национальной традиции, религиозному верованию, образу мышления и т. п.; на микроуровне, структура языка адаптирована к выбору языка, кода, стиля и структуры дискурса [7, стр. 65]. Вершуерен отметил, что языковая адаптация является контекстуальной, и контекстуальная адаптация – одно из четырёх ключевых направлений исследований теории адаптации (остальные три – структурная адаптация, динамическая адаптация и сознательная адаптация).

Контекст – среда употребления языка, является важным понятием в области прагматики, социолингвистики,

семантики, риторики и т. д. Польский лингвист Малиновский (Bronisław Kasper Malinowski) разделил контекст на ситуативный и культурный. Ситуативный контекст относится к различным фактическим событиям в момент до и после высказывания, то есть к ситуации, в которой возникают высказывания. Культурный контекст относится ко всему культурному фону языка, также может пониматься как социокультурная среда, в которой живут коммуниканты. Он считает, что дискурс тесно связан с окружающей средой, лингвистические исследования должны учитывать культуру и среду обитания пользователей языка [6, стр. 18].

Перевод является сложным процессом преобразования языковой формы. Многие факторы в определённой степени влияют на выбор методов и стратегий перевода, как содержание оригинала, стиль, цель переводчика и культура [10, стр. 36]. Таким образом, как участник межкультурной коммуникации, переводчик художественной литературы должен учитывать два вида культурных контекстов, которые являются одинаковыми или совершенно разными. Описание окружающей среды, задачи, идеи, поведение и привычки в литературных произведениях тесно связано с культурным контекстом. Различия в исторических традициях, ценностях, привычках и обычаях, религиозных верованиях, образе мышления и географической среде между двумя странами приведут к различным образным значениям одних и тех же слов, и эмоции, вызванные ими, часто различны в зависимости от разных культур. Следовательно, для успешного перевода литературных произведений необходимо ясно понимать различия одного и того же слова, предложения и текста в разных культурных контекстах, динамично адаптироваться к культурному контексту и гибко принимать методы перевода, чтобы передать смысл и коннотацию культуры оригинала и избежать переводческих ошибок.

Адаптация в процессе перевода является динамической. Исходя из цели перевода, переводчик сознательно выбирает методы перевода с целью адаптации к определённой коммуникативной среде и коммуникативным объектам. Процесс и модель переводческой деятельности адаптации можно описать следующим образом:

Прочитать текст на исходном языке, выбрать смысл – при выражении выбранного смысла в переводе существует множество стратегий и методов для выбора – определение цели перевода и выбор объекта или уровня адаптации – выбрать соответствующую стратегию для достижения соответствующей адаптации [9, 页22].

Существует много видов методов перевода: буквальный перевод, вольный перевод, компенсация и т. д. Буквальный перевод является лучшим методом перевода, когда культурный контекст оригинала и перевода одинаковы или похожи друг на друга. Буквальный перевод относится к методу перевода, при использовании которого перевод в определённой степени адаптируется к культуре исходного языка, передаёт смысл и культурную информацию оригинала, заставляет читателей перевода почувствовать уникальную национальную особенность оригинала. Иногда, когда два культурных контекста весьма различны, для достижения эквивалентности перевода необходим метод вольного перевода. Исходя из того, что переводчик принимает во внимание не культурные факторы в оригинале, он переписывает оригинальный текст в сочетании с прагматическими характеристиками языка перевода, применяет такие стратегии перевода, как добавление слов, вычитание слов, перенос категорий и расширение, чтобы в наибольшей степени адаптироваться к культурному контексту оригинала и уменьшить культурные дефекты. Иными словами, языковые методы выражения в переводе помогают адаптировать культурный контекст пере-

вода: так значительно усиливается экспрессивность переводного языка и улучшается понимание перевода читателями. Компенсация обычно используется в случае, когда существует «культурная лакуна» в культурном контексте исходного языка и языка перевода. В процессе перевода переводчик должен, прежде всего, понять культурный контекст исходного языка, дополнить какую-то информацию в части культурной лакуны переводного языка (главным образом путём добавления примечаний) с целью адаптации к культурной коннотации оригинала. Такой переводческий метод сохраняет культурные различия, которые являются предпосылкой диалога и общения между различными культурами [3, 页26].

Сфера культурного контекста очень широка, включая географическую среду, историческое развитие, политическую систему, философские концепции, привычки поведения, религиозные убеждения и многие другие аспекты, которые влияют на выбор переводчика при переводе. В данной статье культурный контекст делится на четыре аспекта: естественный контекст, социальный контекст, конвенциональный контекст и личный контекст, а также анализируются и обсуждаются переводческие методы и стратегии в контексте различных культурных контекстов китайского перевода романа «Анна Каренина».

2. Адаптация культурного контекста в китайском переводе романа «Анна Каренина»

2.1. Адаптация естественного контекста

Естественный контекст представляет собой окружающую среду без вмешательства человека или искусственной поддержки, в том числе геоморфологию, погоду, фауну, флору и т. д. Естественный контекст изменяется в пределах определённого пространства и времени с целью равновесия экосистемы и является основным условием выживания и развития

человека. Это будет прямо или косвенно влиять на перевод. Хотя Китай и Россия являются соседями, их литературные произведения сильно отличаются друг от друга с точки зрения естественного контекста. При переводе «Анны Карениной» Цао Ин динамично адаптирует естественные контексты двух стран, выбрав соответствующую стратегию перевода и обеспечив успешную передачу смысла оригинала, чтобы произвести хорошее впечатление на читателя перевода.

(1) – *Испортит сено, – сказал он.*

– *Ничего, барин, в дождь коси, в погоду гребь!* – сказал старик.

“干草要糟蹋了。”他说。

“不要紧，老爷，雨天割草晴天收嘛！”老头儿说¹。

Россия и Китай – большие сельскохозяйственные страны, жители которых знакомы с влиянием погоды на сельское хозяйство, и литературные произведения двух стран также находятся в сходных естественных контекстах. В данном случае переводчик обычно выбирает метод буквального перевода и легко выражает ту же культурную коннотацию в тексте перевода.

(2) *Это не мужчина, не человек, это кукла! Никто не знает, но я знаю.*

他不是男子汉，不是人，他是块木头！谁也不懂得他，只有我懂得²。

То, что Толстой выразил в оригинальном тексте, это оценка Анной своего мужа. В русском культурном контексте Анна использует слово «кукла» для обозначения бездушного лицемера. Но китайцы понимают куклу как марионетку. А слово “木头” («дерево») обычно используется для выражения культурной коннотации «бездушность и упрямство». Таким образом, под влиянием китайского естественного контекста, переводчик перевёл «кукла» на “木头” методом вольного перевода с целью адаптации к культурному контексту исходного языка.

¹ 页239.

² 页337.

(3) *Они уважали друг друга, но почти во всём были совершенно и безнадежно несогласны между собою – не потому, чтоб они принадлежали к противоположным направлениям, но именно потому, что были одного лагеря (враги их смешивали в одно), но в этом лагере они имели каждый свой оттенок.*

他们相互也很尊敬，但几乎对一切问题的看法都是针锋相对，水火不容。倒不是因为他们的观点属于对立的两派，恰恰是由于属于同一个阵营（他们的论敌就把他们混为一谈），但在同一个阵营里各人有各人的看法³。

С целью сохранения эстетического чувства текста переводчик не дословно перевёл «совершенно и безнадежно несогласны между собою» как “意见完全不一致”，а как идиому “水火不容”（«огонь и вода несовместимы»）под влиянием китайского естественного контекста и «Инь и Ян и пять первоэлементов». Такой метод вольного перевода не только позволяет воссоздать прагматический эффект культуры исходного языка, но и сохранить литературность оригинала, что и предопределило качество перевода.

2.2. Адаптация социального контекста

Социальный контекст соотносится с общественными явлениями, создаваемыми людьми и тесно связан с жизнью людей в обществе, включая экономическую среду, историческую среду, политическую среду и т. д. Социальный контекст включает региональные, этнические и коллективные особенности [12, 页74]. Россия и Китай различаются ходом исторического процесса по характеру экономического развития и политической системы: соответственно эти различия закрепляются языком. Так что в процессе перевода романа «Анна Каренина» переводчикам необходимо учитывать различия между социокультурными контекстами оригинала и перевода, и использовать различные переводческие

³ 页355.

стратегии для адаптации к разному социальному контексту.

(1) – *Тяжела шапка Мономаха!* – сказал ему шутя Степан Аркадьич, намекая, очевидно, не на один разговор с княгиней, а на причину волнения Левина, которое он заметил.

“独裁者の王冠沉得很!” 奥勃朗斯基同他开玩笑说, 显然不仅影射公爵夫人的谈话, 而且挖苦他所发现的列文激动的原因¹.

«Мономах» (по-древнегречески «Единоборец») – прозвание некоторых византийских императоров. В Древней Руси так стали называть великого князя киевского Владимира Всеволодовича (1053–1125) – Владимира Мономаха, по имени его матери – дочери византийского императора Константина IX Мономаха. «Мономах» используется как жалоба на тяжёлую долю, большую ответственность руководителя, лидера и т. д. Переводчик вольно перевёл «шапка Мономаха» как “独裁者の王冠” («корона диктатора»), так как китайские читатели не понимают этого периода истории и культуры России. Под влиянием социального контекста перевод адаптируется к социальному контексту исходного языка; применяется интерпретативная стратегия перевода для полного выражения имплицитного смысла оригинала, в результате чего уменьшается культурный разрыв.

(2) – *Кузьма, дай тулуп. А вы велите-ка взять фонарь, я пойду взгляну, – сказал он приказчику.*

“顾士玛, 拿皮外套来。你去给我弄一盏马灯, 我要去看看。” 他对管家说².

В оригинале «фонарь» – это осветительный инструмент, который герой нёс в коровник, чтобы посмотреть на новорождённого телёнка.

Буквальный перевод слова «фонарь» на китайском языке должен быть “灯笼”(«фонарь»). Однако в контексте китайской культуры «фонари» использовались

для освещения в древние времена, а с развитием общества фонари постепенно стали своего рода праздничным украшением для современных китайцев. Поскольку читатели перевода – современные китайцы, переводчик адаптирует текст к современному китайскому социальному контексту и не переводит «фонарь» как “灯笼”. Более того, в соответствии с контекстом оригинала и социальным контекстом жизни русской деревни того времени переводчик перевёл «фонарь» как “马灯”(«керосиновая лампа»). Так, перевод не только адаптируется к образу мышления китайских читателей, но и адаптируется к социальному контексту оригинала, демонстрируя превосходные переводческие способности переводчика.

(3) *Третий круг, наконец, где она имела связи, был собственно свет, – свет балов, обедов, блестящих туалетов, свет, державшийся одною рукой за двор, чтобы не спуститься до полусвета, который члены этого круга думали, что презирали, но с которым вкусы у него были не только сходные, но одни и те же.*

最后, 同安娜有关的第三个圈子是真正的社交界, 那里充满舞会、宴会和华丽的服装。这个社交界一手抓住宫廷, 免得堕落到“半上流社会”^①的地位。这个圈子里的人自以为瞧不起“半上流社会”, 其实他们的趣味不仅相似, 而且简直是一模一样的。

①指资产阶级社会中模仿上流社会交际活动的妇女活动圈子。³

(①Круг женщин, стремящихся своими манерами и образом жизни подражать поведению дам высшего света.)

Слово «полусвет» в оригинальном тексте в русском языке возникло как перевод с французского *demi-monde* и служило для обозначения круга женщин лёгкого поведения, стремящихся своими манерами и образом жизни подражать поведению дам высшего света. Подобного слова не существовало в китайском языке. Для перевода «культурной лакуны» переводчик

¹ 页552.

² 页91.

³ 页123.

использует метод буквального перевода с примечанием для сохранения уникального социально-культурного контекста оригинального текста. Таким образом, переводчик не только популяризирует культуру исходного языка, но и обогащает способы выражения в языке перевода, адаптируя к социальному контексту оригинала, что позволяет читателю лучше понять содержание произведения.

2.3. Адаптация конвенционального контекста

Конвенциональный контекст, который понимается как духовный контекст или ценностный контекст, представляет собой отношение, этос, темперамент и концепцию, сформированные и передаваемые людьми и социальными группами: вероисповедание, философская концепция, метрический стандарт, праздничная традиция, письменная норма, диетическая привычка и т. д. Вышеперечисленное способно оказывать влияние на процесс перевода. Из-за различий в конвенциональных культурных контекстах между Китаем и Россией переводчик использует разные стратегии перевода в китайском переводе романа «Анна Каренина». Например:

(1) В России и Китае стандарты измерения отличаются друг от друга. В процессе перевода мер длины, площадей и других единиц измерения, переводчик применяет различные стратегии перевода с целью адаптации к различным конвенциональным контекстам. Например:

– Ну, хорошо, хорошо. Погоди ещё, и ты придёшь к этому. Хорошо, как у тебя **три тысячи десятин** в Каразинском уезде, да такие мускулы, да свежесть, как у двенадцатилетней девочки, – а придёшь и ты к нам. Да, так о том, что ты спрашивал: – перемены нет, но жаль, что ты так давно не был...

“嗯, 好的, 好的。你等着吧, 你将来也会弄到这个地步的。你现在在卡拉金县拥有三千亩^①土地, 你身上的肌肉这么发达, 脸色又像十二岁的小姑娘那样

红润, 你当然很得意喽。但有朝一日你也会到我们这里来的。至于你所打听的事: 没有什么变化, 可惜你太久没到这儿来了。”

^①本书中一律用“亩”表示“俄亩”, 1俄亩等于1.09公顷。¹

(^①В этой книге «亩» означает «десятину», 1 десятина = 1.09 гектаров.)

И станет не больше тридцати сажень на десятину, а он дал мне по двести рублей.

“而且每亩不会超过三十沙绳^①, 他却给了我每亩两百卢布。”

^①1沙绳等于2.134米。²

(^①«Сажень» – русская мера длины, равная 2,134 м.)

Как показано в приведённых выше примерах, для перевода прямой речи в романе переводчик, как правило, не преобразует измерения, а адаптирует к культурному контексту исходного языка, выбрав метод перевода транслитерации с примечанием или буквального перевода с примечанием. Таким образом, переводчик не только точно выражает измерение, но и сохраняет национально-культурную особенность прямой речи персонажей, способствует расширению понимания китайскими читателями российских норм измерения.

В некоторых случаях переводчик использует другую стратегию перевода.

Но начинались скачки не с круга, а за сто сажень в стороне от него, и на этом расстоянии было первое препятствие – запруженная река в три аршина шириною, которую ездоки по произволу могли перепрыгивать или переезжать вброд.

但比赛并不在场子里开始, 而是从离场子两百米开外的地方开始。在这段路上设置了第一道障碍——一条有堤的六尺宽的小河, 骑手们可以随意跳越或者涉水而过³。

В описании романа переводчик не применяет буквальный перевод единицы

¹ 页21.

² 页160.

³ 页187.

измерения, а преобразует её. Переводчик не только изменил единицу измерения с русского стандарта на китайский, но и рассчитал и преобразовал количество слов, соответственно, с фактическим размером, длиной, весом и т. д. в оригинале (100 сажен≈两百米; 3 аршина≈六尺). Поскольку основная функция измерения в описании заключается в том, чтобы позволить читателям узнать размер, длину и т. д., то переводчик адаптировал их к конвенциональному контексту перевода.

Из вышеприведённых примеров видно, что переводчики выбирают разные стратегии для перевода единиц измерения при разных обстоятельствах. В прямой речи автор делал акцент на адаптации к привычной системе измерения исходного языка, а в описании – на адаптации к привычной системе измерения языка перевода, что отражает динамическую адаптацию переводчика к культурному контексту в процессе перевода.

(2) *Когда Левин опять подбежал к Кити, лицо её уже было не строго, глаза смотрели так же правдиво и ласково, но Левину показалось, что в ласковости её был особенный, умышленно спокойный тон.*

列文跑回吉娣身边的时候，她已经不再绷着脸，眼神也显得诚恳亲切了，但列文觉得她的亲切中含有一种故作镇定的特殊味道¹。

В конвенциональном контексте русского языка люди часто используют «тон» для выражения каких-то абстрактных значений чувства. Но китайцы привычно выражают абстрактное чувство человека с каким-то вкусом, как вкус дома, вкус материнской любви и т. п. Как гласит китайская пословица: «Народ считает пищу своим небом». Культура питания играет ключевую роль в китайской культуре, и в китайском языке. Переводчик полностью понимал смысл, который хотел выразить автор оригинала, не строго буквально перевёл слово «тон», а гибко подошёл к

выбору языкового выражения так, как привыкли читатели перевода, чтобы они поняли коннотацию значения оригинала. С такой стратегией перевод не только точно выразит смысл оригинала, но и адаптируется к конвенциональному контексту языка перевода, заставляя читателей погрузиться в сюжет романа.

(3) ... во-вторых, если окажется, что положение инородцев действительно таково, каким оно является из имеющихся в руках комитета официальных данных, то чтобы была назначена ещё другая, новая учёная комиссия для исследования причин этого безотрадного положения инородцев с точек зрения: – а) политической, б) административной, в) экономической, г) этнографической, д) материальной и е) религиозной.

第二，如果非俄罗斯人的状况确如委员会掌握的材料所说的那样，那么另外成立一个学术委员会，从（甲）政治上，（乙）行政上，（丙）经济上，（丁）人种学上，（戊）物质上和（己）宗教上来研究造成非俄罗斯人悲惨状况的原因²。

Когда дело касается перевода перечисления, переводчик заменил русские буквенные обозначения китайскими иероглифами. Так перевод не только точно выразил номера в оригинальном тексте, но и адаптировал к конвенциональному контексту языка перевода, что более привычно для читателей перевода.

(4) *Весна долго не открывалась. Последние недели поста стояла ясная, морозная погода.*

春天回暖得很慢。大斋期^①最后两三个礼拜还是晴朗而严寒的天气。

①大斋期指复活节前四十天，又称四旬斋³。

(^①Пост относится к сорока дням до Пасхи, также известным как пост-сыюнь.)

«Пост» в оригинальном тексте – это религиозное воздержание от принятия

² 页269.

³ 页146.

¹ 页31.

пищи и питья в христианстве, и является словом, существующим в определённых религиозных контекстах. В Китае только 14% людей исповедуют какую-либо религию (включая буддизм, даосизм, ислам, католицизм и другие религии), согласно опросу, опубликованному международной ассоциацией Гэллапа (Gallup International Association)¹. С одной стороны, длительная централизованная система Древнего Китая препятствовала развитию религии; с другой стороны – три основные функции религии (сплочённость, дух и суеверие) были заменены государством поклонением святым и народными обычаями. Поэтому «пост» – это лакуна в конвенциональном контексте большинства китайцев. При переводе культурной лакуны переводчик использовал буквальный перевод с примечанием, сохранив уникальные слова в оригинале, чтобы помочь читателям понять культуру исходного языка и адаптировать к культурному контексту оригинала.

2.4. Адаптация личного контекста

Личный контекст в основном относится к внутренней среде, в которой формируется личность каждого субъекта (включая автора оригинала, переводчика и читателей и т. д.) переводческой деятельности. Личный контекст включает в себя образование, жизненный опыт, межличностные отношения, личностный темперамент, физиологическое и психологическое состояние каждого участника перевода – они оказывают влияние на процесс перевода, на выбор стратегии и методов переводчика.

За более чем 100 лет с тех пор, как произведения Льва Толстого стали известны в Китае, его глубокие мысли и уникальная литературность привлекли многочисленных китайских читателей, и

китайский переводчик Цао Ин внёс большой вклад в развитие перевода. Цао Ин не только точно перевёл содержание романа, но и принял во внимание воплощение литературного характера романа. Он построил грандиозный и прочный мост между Львом Толстым и китайскими читателями, между русской и китайской литературой и был признан лучшим переводчиком Льва Толстого в Китае. Для того чтобы показать литературную окраску «Анны Карениной», он использовал большое количество китайских идиом в переводе, стремился адаптировать перевод к личному контексту Льва Толстого, и показать китайским читателям полного и истинного литературного мастера Льва Толстого. Например:

– *Бумажным. Ну да, у тебя дар к этому, – прибавил Левин.*

“忙于纸上谈兵。不过你干这种事是很有才能的。” 列文补了一句²。

– *Он не стоит того, чтобы ты страдала из-за него, – продолжала Дарья Александровна, прямо приступая к делу.*

“你犯不着为他痛苦。” 陶丽单刀直入³。

Он чувствовал, что, не ответив на письмо Дарьи Александровны, своею невежливостью, о которой он без краски стыда не мог вспомнить, он *сжѣг свои корабли* и никогда уж не поедет к ним.

他由于现在想起来都不能不脸红的粗野无礼，当时没有给陶丽写回信。这个行为真是破釜沉舟，使他再不好意思到他们家去了⁴。

Таким образом, в вышеприведённых четырёх культурных контекстах переводчики выбирают различные методы перевода с целью адаптации к различным культурным контекстам. Во-первых, когда культурный контекст оригинала и перевода похожи друг на друга, переводчик обычно использует метод буквального перевода для того, чтобы одно-

¹ См. WIN Gallup International. Global Index of Religiosity and Atheism: Press Release. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.doc88.com/p-7834081188770.html?r=1> (дата обращения: 10.06.2021).

² 页20.

³ 页119.

⁴ 页317.

временно передать смысл и структуру оригинального текста. Во-вторых, когда культурный контекст отличается друг от друга, перевод может: (1) адаптироваться к культуре языка перевода методом вольного перевода, используя специфическое выражение языка перевода для облегчения понимания читателей; (2) адаптироваться к культуре исходного языка методом интерпретации, который в большой степени уменьшает культурные потери; (3) адаптироваться к культуре исходного языка методом перевода буквально / транскрипции с примечанием, помогать читателям понимать содержание текста и культуру исходного языка, и способствовать людям двух стран в межкультурном общении.

Заключение

В процессе художественного перевода только путём рассмотрения и понимания всех аспектов культурного контекста исходного и переводного языков можно вы-

брать соответствующие переводческие методы и стратегии для динамической адаптации к различным культурным контекстам. В разных случаях переводчик выберет либо дословное преобразование для адаптации к культурному контексту исходного языка, либо динамическую эквивалентность для адаптации к культурному контексту переводного языка. Однако в любом случае художественный переводчик всегда стремится к «тройному выигрышу»: необходима семантическая, синтаксическая и прагматическая адекватность. Поэтому рассмотрение китайского перевода романа «Анна Каренина» с точки зрения адаптации культурного контекста не только расширяет сферу исследования художественного перевода, имеет определённую теоретическую ценность, но и поможет повысить квалификацию переводчиков художественной литературы.

Статья поступила в редакцию 16.04.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурина Е. П. К вопросу о прагматике перевода // Гуманитарный вестник (электронный журнал). 2015. № 10 (36). URL: <http://hmbul.ru/catalog/edu/phil/302.html> (дата обращения: 10.06.2021). DOI: 10.18698/2306-8477-2015-10-302.
2. Verschueren J. Understanding Pragmatics. London: Edward Arnold; New York: Oxford University Press, 1999. 312 p.
3. 白蓝. 外宣翻译中的源语顺应[J]. 外国语. 2018. № 34 (05). С. 24–29.
4. 郭海英, 张婷. 顺应论视角下的跨文化交际语用失误研究[J]. 吉林广播电视大学学报. 2019. № 2. С. 157–158.
5. 郭爽. 从译者性别角度对比《安娜·卡列尼娜》两版译本[J]. 边疆经济与文化. 2015. № 1. С. 123–124.
6. 卢慧泽. 文化语境顺应视角下的《生死疲劳》翻译研究[D]. 陕西师范大学, 2018. 73页.
7. 申丹. 从语言顺应论看《生死疲劳》的翻译[J]. 长春师范大学学报. 2018. № 37 (11). С. 63–66.
8. 宋玉娇, 韩振宇. 论俄汉翻译中归化与异化策略——以《安娜·卡列尼娜》译本为例[J]. 牡丹江教育学院学报, 2015(04): 29+96.
9. 宋志平. 翻译: 选择与顺应——语用顺应论视角下的翻译研究[J]. 中国翻译. 2004. № 2. С. 21–25.
10. 王玉娟. 目的顺应与翻译策略选择——以译者主体性为视角[J]. 上海翻译. 2019. № 4. С. 34–37.
11. 赵方园. 《安娜·卡列尼娜》汉译本的变译理论研究[D]. 东北林业大学, 2018. 41页.
12. 祝慧婷, 韩竹林. 文化语境顺应视角下的《哪吒之魔童降世》字幕翻译[J]. 戏剧之家. 2020. № 16. С. 73–74.

REFERENCES

1. Gurina E. P. [On pragmatics of translation]. In: *Gumanitarnyi vestnik (elektronnyi zhurnal)* [Humanities Bulletin], 2015, no. 10 (36). Available at: <http://hmbul.ru/catalog/edu/phil/302.html> (accessed: 10.06.2021). DOI: 10.18698/2306-8477-2015-10-302.
2. Verschueren J. Understanding Pragmatics. London, Edward Arnold, New York, Oxford University Press, 1999. 312 p.

3. 白蓝. 外宣翻译中的源语顺应[J]. 外国语文, 2018, no. 34 (05), pp. 24–29.
4. 郭海英, 张婷. 顺应论视角下的跨文化交际语用失误研究[J]. 吉林广播电视大学学报, 2019, no. 2, pp. 157–158.
5. 郭爽. 从译者性别角度对比《安娜·卡列尼娜》两版译本[J]. 边疆经济与文化, 2015, no. 1, pp. 123–124.
6. 卢慧泽. 文化语境顺应视角下的《生死疲劳》翻译研究[D]. 陕西师范大学, 2018. 73页.
7. 申丹. 从语言顺应论看《生死疲劳》的翻译[J]. 长春师范大学学报, 2018, no. 37 (11), pp. 63–66.
8. 宋玉娇, 韩振宇. 论俄汉翻译中归化与异化策略——以《安娜·卡列尼娜》译本为例[J]. 牡丹江教育学院学报, 2015(04): 29+96.
9. 宋志平. 翻译: 选择与顺应——语用顺应论视角下的翻译研究[J]. 中国翻译, 2004, no. 2, pp. 21–25.
10. 王玉娟. 目的顺应与翻译策略选择——以译者主体性为视角[J]. 上海翻译, 2019, no. 4, pp. 34–37.
11. 赵方圆. 《安娜·卡列尼娜》汉译本的变译理论研究[D]. 东北林业大学, 2018. 41页.
12. 祝慧婷, 韩竹林. 文化语境顺应视角下的《哪吒之魔童降世》字幕翻译[J]. 戏剧之家, 2020, no. 16, pp. 73–74.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ши Пэй – аспирант кафедры русского языка Института иностранного языка и литературы Уханьского университета;

e-mail: shipei129@163.com

Ху Гумин – доктор гуманитарных наук, профессор кафедры русского языка Института иностранного языка и литературы Уханьского университета;

e-mail: 2427912308@qq.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shi Pei – Postgraduate Student, Department of Russian Language, Institute of Foreign Languages and Literature, Wuhan University;

e-mail: shipei129@163.com

Hu Guming – Dr. Sci. (Humanities), Prof., Department of Russian Language, Institute of Foreign Languages and Literature, Wuhan University;

e-mail: 2427912308@qq.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ши Пэй, Ху Гумин. Исследование китайского перевода романа «Анна Каренина» с точки зрения адаптации культурного контекста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 5. С. 115–125.

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-115-125

FOR CITATION

Shi Pei, Hu Guming. A study on the Chinese translation of “Anna Karenina” from the perspective of cultural context adaptation. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 5, pp. 115–125.

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-115-125

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА
2021. № 5

Над номером работали:

Литературный редактор М. С. Тарасова
Переводчик Н. Г. Юрышева
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п.л. 8, уч.-изд. л. 9,5.
Подписано в печать: 30.11.21. Выход в свет: 08.12.21. Заказ № 2021/11-04.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А